

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«КРАСНОДАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ»

На правах рукописи

СИНЬ Юйфэн

**ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА КИТАЯ
В ПАРАДИГМЕ ЦИФРОВОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ**

5.10.1. Теория и история культуры, искусства

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата культурологии

Научный консультант:
ДАНИЛЬЧЕНКО Татьяна Юрьевна,
доктор философских наук, доцент

Краснодар
2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
 ГЛАВА 1.	
«Превосходная китайская традиционная культура» как метанарратив модернизации.....	23
1.1. Традиционная культура в социальной памяти китайской цивилизации.....	23
1.2. Механизмы воспроизводства культуры в модернизирующемся обществе	43
1.3. Модель медиации традиции и новации в условиях модернизации Китая	56
 ГЛАВА 2.	
Парадигма цифровой модернизации культуры современного Китая	92
2.1 Специфика модернизации культуры в информационном обществе	92
2.2 Медиация в государственной доктрине цифровой модернизации Китая	117
2.3 Функции традиционной культуры в цифровой модернизации Китая	142
 ЗАКЛЮЧЕНИЕ	 185
 СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	 193

ВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена проблемами трансформации механизма культурной трансляции в условиях цифровой модернизации и информатизации китайского общества, среди которых можно выделить ряд наиболее существенных факторов.

Во-первых, современный Китай активно балансирует между сохранением ценностей традиционной культуры и адаптацией общества к вызовам современности. В стратегии своего развития страна опирается на концепцию «мягкой силы»¹, что подразумевает ведущую роль культуры в модернизационных процессах. Это означает постоянное переосмысление содержания традиционной китайской культуры, совершенствование культурной индустрией услуг и продуктов с китайской спецификой, их продвижение на мировой рынок, увеличение возможности распространения культуры и инноваций во всех регионах мира. Усиление привлекательности страны и ее международного влияния предполагает, что в политической стратегии «мягкой силы» успешно компенсируются ее слабые стороны и используются сильные. Предполагается, что различными способами следует эксплицировать богатые ресурсы культуры Китая в «мягкую силу» в интересах дальнейшего увеличения международного влияния и привлекательности страны. В этом аспекте трансформация механизма культурной трансляции в условиях активного внедрения новейших цифровых технологий требует осмысления: каким образом новые технологии способны усилить эффективность использования ресурсов традиционной китайской культуры для наращивания «мягкой силы»?

Во-вторых, Китай сторонник эффективного межкультурного взаимодействия различных стран в духе концепции Сообщества единой

¹ 习近平.《中国共产党第十九次全国代表大会报告摘编》，北京:人民出版社，2017: 23. [Си Цзиньпин. Выдержки из доклада XIX Национального съезда Коммунистической партии Китая. Пекин : Народное издательство, 2017. С. 23. – на кит. яз.]

судьбы¹, согласно которой, будущее мира формируют все страны в межкультурном диалоге. Политика открытости, определяющая отношение современного Китая к культурным достижениям стран мира, предполагает взаимообогащения стран и народов в межкультурном диалоге. Вполне очевидно, что внедрение новейших информационно-коммуникационных технологий расширяет и ускоряет обмен смыслами и ценностями различных культур. И здесь важны, прежде всего, ретрансляционные возможности новейших медиа (цифровых библиотек, специализированных сетевых информационных ресурсов, сайтов учреждений культуры, социальных сетей, стриминговых и ре-стриминговых видеосервисов, электронных музеев, галерей и пр.). Новое открытое информационное пространство становится глобальной платформой моментального доступа к культурным достижениям стран и народов мира. Оригинальность и своеобразие традиционной культуры на таких платформах является конкурентным преимуществом, обеспечивающим востребованность уникального контента. Соответственно, необходимо исследовать потенциал новейших медиа как в плане продвижения смыслов и ценностей традиционной культуры, так и в плане усиления межкультурного взаимодействия стран и регионов мира.

Актуальными аспектами изучения традиционной культуры Китая в парадигме цифровой модернизации являются: условия органической связи традиции и современных культурных практик; новейшие формы современных практик, обеспечивающих производство культурных ценностей; ускоряющиеся процессы информатизации, усиливающие роль интеллектуальной области производственного и социального роста.

Наконец, отдельно следует отметить, что детерминированные цифровизацией и информатизацией области культурного производства китайского общества сами создают новые смыслы и ценности. Это обостряет

¹ Совместное формирование новых партнерских отношений и взаимного выигрыша создания общества единой судьбы. Выступление председателя КНР Си Цзиньпина в ходе дебатов на 70-й Генассамблее ООН. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2015-11/02/content_36956721_2.htm (дата обращения 17.04.2025).

проблематику сохранения культурной идентичности. Если сильная идентичность свойственна продуктам традиционной культуры, то в новейших формах культурного производства чаще доминируют универсальные маркеры, обеспечивающие глобальное культурное потребление. Эта тенденция размывает уникальные качества идентичности культурного продукта. Соответственно, требуют особого исследовательского внимания вопросы адаптации традиционных культурных смыслов, характеризующих сложившуюся за тысячелетия культурную идентичность, к новой цифровой информационной среде.

Таким образом, изучение темы традиционной культуры Китая в парадигме цифровой модернизации представляется актуальным и своевременным.

Степень научной разработанности проблематики роли традиционной культуры в парадигме цифровой модернизации Китая можно раскрыть в нескольких тематических блоках литературы.

Наиболее полно представлены концепции актуализации и модернизации традиционной культуры, на основе которых построены программные заявления и стратегии политического руководства Китайской Народной Республики (КНР)¹. Они освещены в работах китайских и российских исследователей: Ван Вэя, Зуенко, И.Ю., Е. Ю. Захаровой, М. И. Гомбоевой и Сунь Мэйцзы, Д. Б. Калашникова и И. Б. Митрофановой, Ли Фэнляня и Гу Чжэньцзин, Лю Чжичэна, А. А. Маслова, Н. Л. Мамаевой, С. М. Ковалева и Н. А. Абрамовой, Хэ Линя, Юань Мэнмэн² и др. Вместе с тем, остается

¹ 中共中央文献研究室编《习近平关于协调推进“四个全面”战略布局论述摘编. 北京：中央文献出版社，2015. 84 页. [Выдержки из трудов Си Цзиньпина о координации и продвижении стратегического плана «Четыре всеобъемлющих принципа» / Бюро по исследованию литературы ЦК КПК. Пекин : Центральное литературное издательство, 2015. 84 с. – на кит. яз.]

² Ван Вэй. Некоторые вопросы социально политического курса «Китайская мечта о великом возрождении китайской нации» // Власть. 2018. Т. 26. № 7. С. 237–243; Зуенко, И.Ю. Китай в эпоху Си Цзиньпина М. : Издательство АСТ, 2024. 304 с.; Захарова Е. Ю., Гамбоева М. И., Сунь Мэйцзы. Влияние идей основателя даосизма Лао Цзы на культурную модернизацию Китая // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. : Познание. 2023. № 8. С. 19–23; Калашников Д. Б., Митрофанова И. Б. Региональное развитие Китая на этапе подготовки перехода к постиндустриализации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2023. Т. 16. № 1. С. 128–146; Ковалев С. М., Абрамова Н. А. Интерпретация содержания новейшей идеологии КНР «Китайская мечта» в исторической ретроспективе // Россия и Китай: Проблемы стратегического взаимодействия. Вып. 20. Чита : Забайкальский гос. ун-т, 2017.

достаточно дискуссионным вопрос влияния кодов традиционной китайской культуры на модернизационные процессы.

Проблемные вопросы модернизации экономики и практики государственного управления, включая отрасль культуры, рассматриваются в работах И. Е. Денисова, А. С. Коноплий, Т. Н. Кучинской, Ли Чжо, Лю Шаопэна и Янь Сяоцзин, Лю Чжичэна, Ма Хуатэна, Мэн Чжаоли, Ян Дели, Ван и Хуалей, Чэн Эньфу и Сунь Шаоюня, Ян Пэнтао и Г. Н. Калининой¹ и др. Теоретики отмечают значимую роль, последовательность и научно-методическую рациональность государственной политики в социально-экономическом развитии Китая. Однако переход политического руководства страны от директивно-планового управления к программированию социального развития, в котором коды традиционной культуры включены в

С. 56–60; Мамаева Н. Л. Модернизация системы государственного управления КНР как специфическая черта содержания «Новой эпохи» Си Цзиньпина // Исторические события в жизни Китая и современность. М. : Ин-т Китая и совр. Азии РАН, 2023. С. 20–34; Маслов, А. А. Китай 2020: пандемия, экономика и глобальные альтернативы. М. : Рипол классик, 2020. 368 с.; Юань Мэнмэн. Вызовы и возможности китайской традиционной культуры в эпоху цифровизации // Культурологические чтения – 2020. Культурный код в эпоху глобализации: цифровизация общества и образования. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2020. С. 151–156; Ян Пэнтао, Калинина Г. Н. Аксиология китайской культуры одежды и «модной индустрии» в парадигме «традиция – новаторство» (авторская рефлексия) // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. : Философские науки. 2021. № 1. С. 102–110; 刘挚成: 中华传统文化视阈下再论“问题”与“主义”之争—基于五四新文化运动[J], 《唐山师范学院学报》. 2020, 42 (04): 96–100. [Лю Чжичэн. Дебаты между «вопросом» и «доктриной» в контексте китайской традиционной культуры (по материалам «Нового культурного движения» Четвертого мая) // Журнал Таншаньского педагогического университета. 2020. Т. 42. № 4. С. 96–100. – на кит. яз.]; 李凤亮, 古珍晶: 新时代中华优秀传统文化现代化转换的价值、路径及原则[J], 东岳论丛. 2020, 41 (11) : 111–118. [Ли Фэнлянь, Гу Чжэньцзин. Ценность, путь и принципы модернизации и преобразования превосходной традиционной культуры Китая в новую эпоху // Теория Дунъюэ. 2020. Т. 41. № 11. С. 111–118. – на кит. яз.]; 贺麟: 儒家思想的新开展[M], 《文化与生活》. 北京: 商务印书馆. 2015年10月. [Хэ Линь. Новое развитие конфуцианства. Культура и жизнь. Пекин: Коммерческая пресса, 2015. – на кит. яз.]

¹ Денисов И. Е. Китайская стратегия «больших данных»: реформа управления, инновации и глобальная конкуренция. М. : МГИМО-Университет, 2023. 28 с.; Китайский новаторский марксизм. Исследование по рационализации международного экономического порядка / гл. ред. Чэн Эньфу и Сунь Шаоюн. М. : Родина, 2023. 400 с.; Коноплий А. С. Влияние цифровизации на законодательство Китая // Философия права. 2021. № 4. С. 119–123; Кучинская Т. Н. Китайская модель мягкой силы: современные трансформации // Дискурс-Пи. 2017. № 2. С. 103–109; Ма Хуатэн, Мэн Чжаоли, Ян Дели, Ван Хуалей. Цифровая трансформация Китая. Опыт преобразования инфраструктуры национальной экономики. М. : Альпина Паблишер, 2019. 256 с.; 李卓, 刘少鹏, 闫晓静: 有为政府与活力社会: 数字社会治理的理论逻辑与实践路径, 《河海大学学报(哲学社会科学版)》, 2024 (03) : 38–51. [Ли Чжо, Лю Шаопэн, Янь Сяоцзин. Перспективное правительство и динамичное общество: теоретическая логика и практический путь управления цифровым обществом // Журнал Университета Хохай. Издание по философии и социальным наукам. 2024. № 3. С. 38–51. – на кит. яз.]; 刘挚成: 中华传统文化视阈下再论“问题”与“主义”之争—基于五四新文化运动[J], 《唐山师范学院学报》. 2020, 42 (04) : 96–100. [Лю Чжичэн. Дебаты между «вопросом» и «доктриной» в контексте китайской традиционной культуры (по материалам «Нового культурного движения» Четвертого мая) // Журнал Таншаньского педагогического университета. 2020. Т. 42. № 4. С. 96–100. – на кит. яз.]

механизмы управления в рамках цифровизации, пока остается слабо отрефлексированной областью социальной практики и требует изучения.

С точки зрения модели собственного развития, Китай продолжает стратегию «социализм с китайской спецификой», постоянно обновляя ее¹. Теоретическому обоснованию и практическому описанию концепции китаизации марксизма посвящены работы Кэжоу Ма, Ли Чжожу, А. В. Лукина, Мэн Юйфэна, Сун Лэй, Пэй Лиюань, Д. Ш. Цырендоржиевой и О. Б. Бальчиндоржиевой, Чжан Яньцю, Шао Ифэй, Ю Ли². Но влияние фундаментальных культурных кодов китайской цивилизации на выработку способов и механизмов реализации уникальной модели развития, отмеченное, в частности, Ли Цзунгум и рядом современных китайских мыслителей³,

¹ 朱光亚, 江峻任: 从西学东渐到儒学复兴:马克思主义中国化视域中的儒学现代化问题[J], 北京科技大学学报(社会科学版). 2020. 36 (02): 89–96. [Чжу Гуаня, Цзян Цзюньжэнь. От западного обучения к возрождению конфуцианства: модернизация конфуцианства в контексте марксизма в Китае // Журнал Пекинского университета науки и технологии. Издание по общественным наукам. 2020. Т. 36. № 2. С. 89–96. – на кит. яз.]

² Кэжоу Ма. «Китаизация» марксизма: предпосылки зарождения, исторический экскурс и «новый виток» развития в современном Китае // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. 2022. Т. 28. № 3. С. 128–148; Ли Чжожу. Китаизация марксизма и новая эпоха. М.: Родина, 2022. 438 с.; Лукин А. В. Концепции «китаизации марксизма», «новой формы человеческой цивилизации» и «государства-цивилизации» в современном китайском идеологическом дискурсе // Российское китаеведение. 2023. № 1. С. 71–99; Мэн Юйфэн. «Третий скачок китаизации марксизма»: проблемный опыт концептуализации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 276–283; Сун Лэй, Ли Сюй. Международный опыт и уроки адаптации марксизма в Китае // Власть. 2020. № 4. С. 222–226; Цырендоржиева Д. Ш., Бальчиндоржиева О. Б. Китаизация марксизма и модернизация Китая // Известия Томского политехнического университета. 2013. Т. 323. № 6. С. 261–265; Чжан Яньцю. Китаизация марксизма в современном Китае // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 73. С. 240–253; 邵逸非: 马克思主义哲学中国化与中国传统文化现代化的双向互动关系[J], 《汉字文化》. 2020 (16): 179–180. [Шао Ифэй. Двустороннее взаимодействие между китаизацией марксистской философии и модернизацией традиционной китайской культуры // Культура китайских иероглифов. 2020. № 16. С. 179–180. – на кит. яз.]; 于利: 马克思主义中国化与中国传统文化互动融合研究[J], 《经济研究导刊》. 2020 (19): 3–4. [Ю Ли. Исследование взаимодействия и интеграции китаизации марксизма и традиционной китайской культуры. // Журнал экономических исследований. 2020. № 19. С. 3–4. – на кит. яз.]; 裴立媛: 马克思主义中国化对传统文化现代化的指导向度, 《才智》. 2020 (03): 12. [Пэй Лиюань. Направление марксистской модернизации традиционной культуры в Китае // Таланты. 2020. № 3. С. 12. – на кит. яз.]

³ 李宗桂. 传统与现代之间:中国文化现代化的哲学省思. 北京师范大学出版社, 2011年 545页. [Ли Цзунгуй. Между традицией и современностью: философские размышления о модернизации культуры Китая. Пекин: изд-во Пекинского педагогического университета, 2011. 545 с. – на кит. яз.]; 杨明辉. 当代中国新观察. 江苏大学出版社, 2011年8月第1版, 255页. – [Ян Минхуэй. Новые наблюдения о современном Китае. Чжэньцзян: Изд-во университета Цзянсу, 2011. 255 с. – на кит. яз.]; 刘梦溪. 中国文化的张力: 传统解故 / 刘梦溪. - 中信出版社, 2016年12月第1版, 456页. – [Лью Мэньси. Напряженность китайской культуры: переосмысление традиций. Пекин: Цзуньсин, 2016. 456 с. – на кит. яз.]; 朱晓虹. 文化批判理论视阈下的中国传统文化现代意义研究 / 朱晓虹. - 浙江大学出版社, 2023年第1版, 232页. – [Чжу Сяохун. Исследование современного значения традиционной китайской культуры с точки зрения теории культурной критики. Ханчжоу: Изд-во Чжэцзянского университета, 2023. 232 с. – на кит. яз.]; 韩庆祥. 根与魂: 中国式现代化与文化主体性 / 韩庆祥. - 中国人民大学出版社, 2025年4月第1版, 167页. – [Хань Цинсян. Корни и душа:

требует дополнительного изучения в свете парадигмы цифровой модернизации.

Российская синология представлена фундаментальными исследованиями А. И. Кобзева, В. В. Малявина, М. Л. Титаренко, С. Л. Тихвинского¹ и др.; исследовательский опыт крупнейших академических центров китаеведения представлен в комплексных междисциплинарных издательских проектах Института востоковедения РАН, Института мировой экономики и международных отношений РАН, Института Китая и современной Азии РАН². При этом проблемы модернизации китайского общества и культуры в системе интересов российских исследователей занимают значительное место. Так, исследовательским коллективом Института социологии РАН в отдельном издании были обобщены материалы десяти ежегодных докладов за период 2001–2010 гг., подготовленных Центром исследования модернизации Китайской академии наук под руководством профессора Хэ Чуаньци³; в начале 2020-х гг. опубликованы коллективные научные исследования, продолжающие традицию изучения специфики модернизационных процессов в современном Китае⁴. Но социальные практики реализации ресурсного потенциала традиционной китайской культуры в условиях цифровизации продолжают интенсивно

китайская модернизация и культурная субъективность. Пекин: Изд-во Китайского университета Жэньминь, 2025. 167 с. – на кит. яз.] и др.

¹ Кобзев А. И. Философия китайского неоконфуцианства. М.: Вост. лит-ра, 2002. 605 с.; Малявин В. В. Китайская цивилизация. М.: Апрель; АСТ, 2000. 632 с.; Титаренко М. Л. Китай: цивилизация и реформы. М.: Республика, 1999. 240 с.; Тихвинский С. Л. Избранные произведения: в 5 кн. М.: Наука, 2006. Кн. 1. 682 с.; Кн. 2. 390 с.; Кн. 3. 715 с.; Кн. 4. 561 с.; Кн. 5. 451 с.

² См.: Синология.Ру: история и культура Китая. URL: <http://www.synologia.ru> (дата обращения: 31.05.2024); Китайская цивилизация в глобализирующемся мире: В 2-х тт. / ред. В. Г. Хорос; Л. С. Васильев, А. И. Кобзев, Л. И. Кондрашова и др. М.: Ин-т мировой экономики и международ. отношений РАН, 2014. Т. 1. 203 с.; Т. 2. 190 с.; Духовная культура Китая: энциклопедия: В 6-ти т. / гл. ред. М. Л. Титаренко. М.: Вост. лит-ра, 2006–2010. Т. 1. 727 с.; Т. 2. 869 с.; Т. 3. 855 с.; Т. 4. 953 с.; Т. 5. 1087 с.; Т. 6. 1031 с.; Основные направления и проблемы российского китаеведения / отв. ред. Н. Л. Мамаева. М.: Памятники исторической мысли, 2014. 382 с.

³ Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / под общ. ред. Н. И. Лапина. М.: Весь Мир, 2011. 256 с.

⁴ Россия и Китай в глобальном мире. Актуальные вопросы межкультурного сотрудничества / И. А. Алешковский, О. Н. Астафьева, Н. О. Бабушок [и др.]. М.: Дашков и К, 2021. 298 с.; Городские миры России и Китая: модернизация и ее влияние / М. К. Горшков, Ли Пэйлинь, М. П. Козырева, М. Ф. Черныш [и др.]. М.: Новый хронограф, 2023. 720 с.

развиваться, поэтому требуют дополнительного описания и теоретического осмысления.

В процессе проведения диссертационного исследования важное значение имели труды исследователей в области теории культуры Ю. А. Жданова и В. Е. Давидовича, М. С. Кагана, Э. С. Маркаряна, А. С. Ахиезера, В. М. Межуева, Е. Я. Режабека, В. С. Стёпина, А. Я. Флиера¹ и др., в том числе в аспекте этнокультуры Х. Г. Тхагапсоева, Р. А. Ханаху, Ф. С. Эфендиева² и др., а также символических форм культуры и сознания Э. Кассирера, С. Лангера³ и др. Существенная концептуализация теории социокультурного кодирования и трансляции представлена в трудах Ю. М. Лотмана, Вяч. Вс. Иванова, М. Маклюэна, М. К. Петрова, В. П. Гриценко, Ч. Парсона, П. Отле, Цв. Тодорова, У. Эко, Р. О. Якобсона⁴.

Следует также обратить внимание на продолжающийся теоретический дискурс взаимообусловленности традиции и новаций, отраженный в

¹ Жданов Ю. А., Давидович В. Е. Сущность культуры. Ростов н/Д : Наука-пресс, 2005. 428 с.; Каган М. С. Человеческая деятельность (опыт системного анализа). М. : Политиздат, 1974. 328 с.; Маркарян Э. С. Избранное. Наука о культуре и императивы эпохи. М.; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2014. 656 с.; Ахиезер А. С. Научно-техническая революция и некоторые социальные проблемы производства и управления. М.: Наука, 1974. – 309 с.; Он же... Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). – Т. 1. От прошлого к будущему. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. – 804 с.; Он же... Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). – Т. 2. Теория и методология. Словарь. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. – 600 с.; Он же... Социально-культурные проблемы развития России. М.: Ин-т науч. информации по обществ. наукам РАН, 1992. – 82 с.; Межуев В. М. Культура как идея // Теоретическая культурология. М. : Академ. проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2005. С. 120–121; Режабек Е. Я. В поисках рациональности. Статьи разных лет. М. : Академ. проект, 2007. 383 с.; Стёпин В. С. Цивилизация и культура. СПб. : СПбГУП, 2011. 408 с.; Флиер А. Я. Культурология для культурологов. М. : Академ. проект, 2000. 496 с.

² Тхагапсоев Х. Г. Кавказская культура: особенности генезиса и тенденции развития. СПб. : Астерион, 2008. 224 с.; Ханаху Р. А. Традиционная культура Северного Кавказа: вызовы времени (социально-философский анализ). Ростов н/Д : Аякс, 2001. 190 с.; Эфендиев Ф. С. Этнокультура и национальное самосознание. Нальчик : Эль-Фа, 1999. 303 с.

³ Кассирер Э. Избранное: Индивид и космос. М. ; СПб. : Университет. кн., 2000. 653 с.; Лангер С. Философия в новом ключе. Исследование символики разума, ритуала и искусства. М. : Республика, 2000. 287 с.

⁴ Лотман Ю. М. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб. : Искусство-СПб, 1999. 703 с.; Иванов Вяч. Вс. Границы семиотики: вопросы к предварительному обсуждению // Современная семиотика и гуманитарные науки. М. : Языки славянских культур, 2010. С. 31–51; Петров М. К. История европейской культурной традиции и ее проблемы. М. : РОССПЭН, 2004 773 с.; Гриценко В. П. Социокультурные коды и механизмы культурной трансляции // Наука. Искусство. Культура. 2014. № 3. С. 5–17; Тодоров Цв. Теории символа. М. : Дом интеллектуальной книги, 1998. 408 с.; Якобсон Р.О. Взгляд на развитие семиотики // Язык и бессознательное. М. : Гнозис, 1996. С. 193–230; McLuhan M. Gutenberg Galaxy: The Making of Tipografic Man. Toronto : University of Toronto Press, 1962. 293 p.; Pearson Ch. The Semiotic Paradigm View of Theoretical Semiotics // International Handbook of Semiotics. Toronto : Ontario Institute for Studies in Education University of Toronto, 2015. P. 135–181; Otlet P. Traité de documentation : le livre sur le livre, théorie et pratique. Bruxelles : Editiones Mundaneum, 1934. 452 p.; Eco U. From the Tree to the Labyrinth. Historycal Studies on the Sign and Interpretation. Cambridge : Harvard University Press, 2014. 634 p.

диссертационных исследованиях российских и китайских ученых, посвященных ключевым аспектам изучаемой темы: традиционной культуре в условиях современности (М. В. Букатой, Дунцзянь Цзяо, Хункай Чжана, Цзя Хуэйминь)¹, культурной политике и практикам культурной жизни (В. С. Морозовой, К. А. Тарабарко, Цзи Юешэна, Ци Минянь, Янь Шуфана)², социально-философским проблемам модернизации (О. Б. Бальчиндоржиева, Ван Цзясюй, Ху Яньли, Цуй Цзявэнь, Чжан Сянго)³, вопросам межкультурного взаимодействия (К. К. Горшенева, Лань Ся, С. Ю. Распертовой)⁴ и др.

Проведенный анализ научной литературы демонстрирует наличие множества интерпретаций понятий «традиционная культура», «культура современного Китая», «модернизация», «цифровизация». Это создает предпосылки для проведения исследования процессов эволюции китайского социума в контексте интеграции традиционной культуры, современного технократизма и социализма, что все вместе определяет цивилизационную специфику Китая. Широта охвата в современных теоретических дискуссиях проблематики традиционной культуры Китая в парадигме цифровой

¹ Букатая М. В. Аксиологические основания взаимодействия традиций и новаций в культуре Китая : дис. ... канд. культурологии. Барнаул, 2010. 184 с.; Дунцзянь Цзяо. Народные традиции Китая в ситуации модернизации общества : дис. ... канд. культурологии. М., 2001. 161 с.; Хункай Чжан. Традиционные ценности духовной жизни современной молодежи России и Китая : дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2007. 161 с.; Цзя Хуэйминь. Традиционная китайская культура в период реформ и открытости: 1980–2010 гг. : дис. ... канд. культурологии. Владивосток, 2017. 303 с.

² Морозова В. С. Динамика ценностных ориентаций модернизирующегося китайского общества : дис. ... канд. философских наук. Чита, 2007. 149 с.; Тарабарко К. А. Мягкая сила культуры Китая: концептуальное содержание и практики реализации : дис. ... канд. филос. наук. Чита, 2017. 216 с.; Цзи Юешэн. Внешняя культурная политика Китайской Народной Республики в условиях глобализации : дис. ... канд. полит. наук. М., 2017. 203 с.; Ци Минянь. Становление ценностной парадигмы образования в социокультурном пространстве современного Китая : дис. ... канд. филос. наук. Чита, 2011. 140 с.; Янь Шуфан. Культурные индустрии как механизм реализации ценностных идей китайской культуры : дис. ... канд. филос. наук. Чита, 2011. 147 с.

³ Бальчиндоржиева О. Б. Модернизация китайского общества: социально-философский анализ : дис. ... д-ра филос. наук. Улан-Удэ, 2015. 376 с.; Ван Цзясюй. Особенности теории политической модернизации современного Китая : дис. ... канд. полит. наук. М., 2024. 193 с.; Ху Яньли. Специфика глобализационных процессов в культуре Китая : дис. ... канд. культурологии. Владивосток, 2016. 232 с.; Цуй Цзявэнь. Культурно-цивилизационная идентичность России и Китая в современном мире: семантические основания и репрезентация : дис. ... канд. культурологии. М., 2021. 185 с.; Чжан Сянго. Модернизационные процессы в современном Китае: социальные аспекты : дис. ... канд. социол. наук. СПб., 1999. 151 с.

⁴ Горшенев К. К. Россия и Китай: перспективы взаимодействия культур : дис. ... канд. культурологии. Майкоп, 2019. 191 с.; Лань Ся. Социальная динамика межкультурных коммуникаций России и Китая : дис. ... канд. культурологии. М., 2010. 198 с.; Распертова С. Ю. Современные культурные стратегии Китайской Народной Республики в практике международного взаимодействия : дис. ... канд. филос. наук. М., 2011. 201 с.

модернизации по-прежнему требует культурологического обобщения и включения в орбиту внимания происходящих в последнее время социокультурных изменений в китайском обществе. Поэтому изучение выбранной темы предполагает достижение новизны результатов научного поиска.

Современные тенденции трансформации традиционной китайской культуры в условиях цифровой модернизации обуславливают **проблему исследования**, которая заключается в необходимости изучения культурных практик, обеспечивающих сохранение идентичности и воспроизводство традиционных ценностей в процессе их адаптации к требованиям цифровой среды.

Объект исследования – традиционная культура Китая.

Предмет исследования – специфика воспроизводства традиционной культуры Китая в парадигме цифровой модернизации.

Цель исследования – выявить специфику воспроизводства традиционной культуры Китая в парадигме цифровой модернизации.

Поставленная цель определяет основные **задачи исследования**:

- 1) рассмотреть научные подходы к изучению роли традиционной культуры в формировании социальной памяти китайской цивилизации;
- 2) изучить механизмы воспроизводства культуры в модернизирующемся обществе;
- 3) выявить особенности культурной модели медиации традиции и новации в условиях модернизации китайского общества;
- 4) раскрыть специфику модернизации культуры в условиях информационного общества;
- 5) рассмотреть медиационные функции государства в реализации доктрины цифровой модернизации Китая;
- 6) проанализировать основные функции традиционной культуры Китая в парадигме цифровой модернизации китайского общества.

Хронологические рамки исследования предметно охватывают исторический период с 1990-х гг. по настоящее время, характеризующийся интенсивной трансформацией механизмов и способов воспроизводства культуры под влиянием новейших информационно-коммуникационных технологий. В документах стратегического планирования социально-экономического развития Китая парадигма цифровизации официально начинает оформляться уже в первые десятилетия XXI в., но она опирается на существенные инфраструктурные и культурные достижения предшествующих лет. Вопросы же осмысления потенциала традиционной китайской культуры потребовали более широкого охвата культурно-исторических процессов, характеризующих уникальность цивилизационного развития Китая. Поэтому, помимо исторических рамок социокультурного процесса формирования парадигмы цифровой модернизации Китая в начале XXI в., там, где это необходимо исследование охватывает причинно-следственные связи современной культуры с историческими фактами и явлениями более ранних периодов истории цивилизации.

Географические границы исследования предметно определяются современными административными границами Китайской Народной Республики (КНР). Однако, невозможно рассматривать культуру Китая в отрыве от ее глобальных связей, вне межкультурного взаимодействия. Поэтому с опорой на концепцию «двойной циркуляции» совокупность функций традиционной китайской культуры в цифровой модернизации рассматриваются как на локальном (внутреннем, национально-государственном), так и на глобальном (внешнем, международном) уровнях.

Источниками исследования стали документы стратегического планирования в области культуры и цифровизации, в том числе План действий по внедрению инноваций и разработке искусственного интеллекта нового поколения (2022–2025 гг.), Решения о содействии качественному развитию цифровой индустрии культуры (2020), Синяя книга по культурным технологиям: отчет о развитии инноваций в области культурных технологий

(2021)¹ и другие материалы Министерства культуры и туризма Китайской Народной Республики. В процессе проведения исследования были проанализированы официальные издания Национального бюро статистики Китая, включающие систематизированные показатели по инвестициям в культуру, науку и технологии², информационные ресурсы общественно-политических изданий и новостных агентств. Динамика цифровой трансформации Китая изучалась на основе сравнительных данных статистических отчетов о развитии Интернета в Китае³. Отдельное внимание было уделено оценке роли культуры в процессе модернизации в публичных выступлениях Председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина, были проанализированы его доклады на XIX и XX Всекитайских съездах Коммунистической партии Китая⁴.

Кроме того, проанализированы примеры применения цифровых технологий в музейных практиках сохранения и популяризации культурного

¹ 新一代人工智能创新发展行动计划(2022~2025年) [План действий по внедрению инноваций и разработке искусственного интеллекта нового поколения (2022–2025 годы) – на кит. яз.]. URL : [https://wenku.so.com/d/d34c410c3eb4fd9991a91098a88b15ff](https://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm#:~:text=(дата обращения: 13.12.2023); 文化和旅游部关于推动数字文化产业高质量发展的意见. 文旅产业发(2020) 78号 [Заключение Министерства культуры и туризма о содействии качественному развитию цифровой культурной индустрии. Развитие индустрии культурного туризма. Министерство культуры и туризма/ 2020. № 78. –на кит. яз.]; 文化科技蓝皮书: 文化科技创新发展报告 [Синяя книга по культурным технологиям: отчет о развитии инноваций в области культурных технологий – на кит. яз.]. URL : <a href=) (дата обращения: 13.12.2023) и др.

² 2022年国民经济和社会开展统计公报(国家统计局 28.02.2023) [Статистическое коммюнике о национальном экономическом и социальном развитии в 2022 году. Национальное бюро статистики, 28.02.2023 – на кит. яз.]. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202302/t20230228_1919011.html?eqid=aa0f162f00127ce500000004642e28fd: (дата обращения: 12.12.2023)]; 2022年全国科技经费投入统计公报 (国家统计局 科学技术部 财政部 2023.09.18) [Национальный статистический бюллетень по инвестициям в науку и технологии за 2022 год. Национальное бюро статистики, Министерство науки и технологий, Министерство финансов, 18.09.2023– на кит. яз.]. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202309/t20230918_1942920.html (дата обращения: 12.12.2023).

³ The 48th Statistical Report on China's Internet Development / China Internet Network Information Center (CNNIC), August 2021 URL: <https://www.cnnic.com.cn/IDR/ReportDownloads/202111/P020211119394556095096.pdf> (дата обращения : 13.12.2023).; The 47th Statistical Report on China's Internet Development / China Internet Network Information Center (CNNIC), February 2021. URL: <https://www.cnnic.com.cn/IDR/ReportDownloads/202104/P020210420557302172744.pdf> (дата обращения: 13.12.2023).; Statistical Report on Internet Development in China / China Internet Network Information Center (CNNIC), September 2020 URL: <https://www.cnnic.com.cn/IDR/ReportDownloads/202012/P020201201530023411644.pdf> (дата обращения: 13.12.2023) и др.

⁴ Си Цзиньпин. Доклад на XIX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая 18 октября 2017 г. URL : <http://ukros.ru/wp-content/uploads/2017/11/1.pdf> (дата обращения : 13.12.2023); Си Цзиньпин. Доклад на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая 16 октября 2022 г. – URL : russian.cgtn.com/event/doc/ruSJlsd23-20221025.pdf (дата обращения : 13.12.2023).

наследия, а также функции традиционной китайской культуры в медийном дискурсе поп-культуры на примере экранизаций романа Лю Цысиня (刘慈欣) «Задача трёх тел» (三体) в Китае и за рубежом.

Методология исследования опирается на принципы объективности, системности и комплексности научного знания.

В основе исследования лежит материалистическое понимание истории культуры как результата деятельности людей (М. С. Каган, В. С. Стёпин, А. Я. Флиер и др.)¹. В этом методологическом ключе российской культурологии культура трактуется как исторически сформировавшаяся система надбиологических программ жизнедеятельности общества (В. С. Стёпин)². Это положение согласуется с историческим материализмом в его трактовке китайскими теоретиками³, поскольку раскрывает область символического производства идейных и идеологических факторов эффективной коллективной деятельности.

Вместе с тем, изменения в информационных процессах современной цивилизации, обусловленные научно-техническим развитием, потребовали обращения к концепции *документно-матричной культуры* П. Отле⁴, *теориям*

¹ Каган М. С. Человеческая деятельность (опыт системного анализа). М. : Политиздат, 1974. 328 с.; Столович Л. Н. Категория прекрасного и общественный идеал: историко-проблемные очерки. М. : Искусство, 1969. 352 с.; Тугаринов В. П. О ценностях жизни и культуры. Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1960. 156 с.; Уледов А. К. Структура общественного сознания: теоретико-социологическое исследование. М., 1968.; Флиер А.Я. Культурогенез. М., 1995.

² Стёпин В. С. Культура // Всемирная энциклопедия: Философия. М.: АСТ; Минск: Харвест, Современный литератор, 2001. С. 524-526.

³ Ли Чжэжу. Китаизация марксизма и новая эпоха. М. : Родина, 2022. 438 с.; 李宗桂. 传统与现代之间:中国文化现代化的哲学省思. 北京师范大学出版社, 2011年 545页. [Ли Цзунгуй. Между традицией и современностью: философские размышления о модернизации культуры Китая. Пекин : изд-во Пекинского педагогического университета, 2011. 545 с. – на кит. яз.]; 杨明辉. 当代中国新观察. 江苏大学出版社, 2011年 8月第1版, 255页. – [Ян Минхуэй. Новые наблюдения о современном Китае. Чжэньцзян : Изд-во университета Цзянсу, 2011. 255 с. – на кит. яз.]; 刘梦溪. 中国文化的张力: 传统解故 / 刘梦溪. - 中信出版社, 2016年12月第1版, 456页. – [Лью Мэньси. Напряженность китайской культуры: переосмысление традиций. Пекин : Цзуньсин, 2016. 456 с. – на кит. яз.]; 朱晓虹. 文化批判理论视阈下的中国传统文化现代意义研究 / 朱晓虹. - 浙江大学出版社, 2023年第1版, 232页. – [Чжу Сяохун. Исследование современного значения традиционной китайской культуры с точки зрения теории культурной критики. Ханчжоу : Изд-во Чжэцзянского университета, 2023. 232 с. – на кит. яз.]; 韩庆祥. 根与魂: 中国式现代化与文化主体性 / 韩庆祥. - 中国人民大学出版社, 2025年4月第1版, 167页. – [Хань Цинсян. Корни и душа: китайская модернизация и культурная субъективность. Пекин : Изд-во Китайского университета Жэньминь, 2025. 167 с. – на кит. яз.] и др.

⁴ Otlet P. Traité de documentation : le livre sur le livre, théorie et pratique. Bruxelles :Editiones Mundaneum, 1934. 452 p.

медиа (М. Маклюэн и др.)¹, информационного общества (Ё. Масуда, Э. Тоффлер, Д. Белл и др.)², конструктивной напряженности (А. С. Ахиезер и др.)³ в контексте развития семиотических (Р. О. Якобсон, Ю. М. Лотман, У. Эко и др.)⁴ и нарративных (П. Рикер, Р. Барт, Е. С. Маслов, В. П. Гриценко и др.)⁵ подходов в изучении надбиологических программ жизнедеятельности общества как развивающихся систем.

Соответственно выбранному методическому ракурсу традиционная китайская культура («сань цзяо» – 三教, буквально – «три религии» или «три учения»)⁶ понимается не только как исторический метанарратив, а и как часть программного политического дискурса в сфере культуры («превосходная традиционная китайская культура» – 中华优秀传统文化)⁷ – как управляющий

¹ McLuhan M. Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man. Toronto, 1962.; Он же... Understanding Media: The Extensions of Man. N.Y., 1964.

² Masuda Y. Managing in the information Society: Releasing synergy Japanese style. Oxford, 1990.; Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2002.; Toffler A. The Future as a Way of Life // Horizon magazine. 1965. Vol. 7. No 3. P. 108–117.; Bell D. The cultural contradictions of capitalism. N.Y., [1976] 1996.

³ Ахиезер А. С. Научно-техническая революция и некоторые социальные проблемы производства и управления. М., 1974.; Он же... Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России): в 2-х тт. Новосибирск, 1998.

⁴ Якобсон, Р. О. Работы по поэтике. М., 1987.; Лотман Ю. М., Успенский Б. А. О семиотическом механизме культуры // Труды по знаковым системам. Тарту : Тартуский гос. ун-т, 1971. Вып. 5. С. 144–166; Eco U. Semiotica e filosofia del linguaggio. Torino, 1984.

⁵ Ricoeur P. Time and Narrative. Vol. 1–3. Chicago, 1984–1988; Barthes R. Introduction to the Structural Analysis of Narratives // Image, Music, Text. London : Harper Collins Publishers, 1987. P. 79–124; Genette G. Narrative Discourse: An Essay in Method. Ithaca; N. Y. : Cornell University Press, 1980.; Маслов Е. С. Что такое нарратив? Казань, 2020.; Гриценко В. П. Метанарратив и современные знания // Инновационные процессы в информационно-коммуникационной сфере : сб. матер. всерос. науч.-практ. конфер. (Краснодар, 19 марта 2021 г.). Краснодар, 2021. С. 12–15.

⁶ 单霁翔. 从“功能城市”走向“文化城市”. 天津大学出版社, 2007年6月第1版, 278页. [Шань Цзисян. От «функционального города» к «культурному городу». Тяньцзинь: Изд-во Тяньцзиньского университета, 2007. 278 с. – на кит. яз.]; 李宗桂. 传统与现代之间:中国文化现代化的哲学省思. 北京师范大学出版社, 2011年. 545页. [Ли Цзунгуй. Между традицией и современностью: философские размышления о модернизации культуры Китая. Пекин : Изд-во Пекинского педагогического университета, 2011. 545 с. – на кит. яз.]; 朱晓虹. 文化批判理论视阈下的中国传统文化现代意义研究. 浙江大学出版社, 2023年, 231页. [Чжу Сяохун. Исследование современного значения традиционной китайской культуры с точки зрения теории культурной критики. Ханчжоу : Изд-во Чжэцзянского университета, 2023. 231 с. – на кит. яз.]; 韩庆祥. 中国式现代化的哲学逻辑 (M). 湖北教育出版社, 2024年8月第1版, 248页. [Хань Цинсян. Корни и душа: китайская модернизация и культурная субъективность. Пекин: Изд-во Китайского университета Жэньминь, 2024. 248с. – на кит. яз.] и др.

⁷ 中共中央文献研究室编《习近平关于协调推进“四个全面”战略布局论述摘编》. 北京 : 中央文献出版社, 2015. 84 页. [Выдержки из трудов Си Цзиньпина о координации и продвижении стратегического плана «Четыре всеобъемлющих принципа» / Бюро по исследованию литературы ЦК КПК. Пекин : Центральное литературное издательство, 2015. 84 с. – на кит. яз].

медиационный политический метанарратив, который разворачивается и насыщается содержанием непосредственно в актуальных культурных практиках в условиях цифровизации китайского общества.

В качестве базовых логических методов использованы сравнение, анализ и синтез, обобщение, индукция и дедукция, типология и классификация. Междисциплинарный культурологический подход реализован как комплекс философских, структурно-семиотических и нарративно-интерпретационных методов, помогающих раскрыть специфику воспроизводства традиционной культуры Китая в парадигме цифровой модернизации.

Научная новизна исследования достигается в диссертационной работе путем решения следующих задач:

1. Установлено, что в рассмотренных научных подходах к изучению роли традиционной культуры в формировании социальной памяти китайской цивилизации наиболее перспективным в плане раскрытия основных функций традиционной культуры в парадигме цифровой модернизации современного Китая является синтез семиотических и нарративных подходов. Эвристический потенциал такого синтеза состоит в возможности прочтения кодов традиционной культуры в контексте модернизации современного общества.

2. Изучение механизмов воспроизводства культуры в модернизирующемся обществе позволило установить, что диалогическая концепция медиационного преодоления конструктивной напряженности между традицией и новациями А. С. Ахиезера позволяет наиболее адекватно описать принципы модернизации культуры современного Китая с учетом устойчивых констант (кодов) традиционной культуры.

3. В культурной модели медиации традиции и новации в условиях модернизации китайского общества определена роль государства как управляющего центра, которая заключается в формулировании и артикуляции политического метанарратива медиационного преодоления конструктивной

напряженности между традицией и новациями в условиях постоянной социальной модернизации.

4. В рамках предложенного методологического подхода раскрыта специфика модернизации культуры в условиях информационного общества, которая заключается в том, что основным продуктом производства в информационную эпоху становятся культурные и ментальные характеристики личности, обеспечивающие культурную преемственность поколений и консолидированность общества перед возникающими рисками интенсивного социально-экономического развития.

5. Анализ медиационных функций государства в реализации доктрины цифровой модернизации Китая показал, что традиционная культура рассматривается политическим руководством КНР, во-первых, в качестве социально-экономического ресурса обеспечения развития страны. Реализация данной доктрины может быть осуществлена благодаря высокой доли культурного инновационного продукта (туризм, креативные индустрии, цифровизация и т.д.) в общем ВВП (не менее 5–10 %). Во-вторых, традиционная культура выступает в качестве уникального ценностно-смыслового ядра идеологии укрепления национальной культурной идентичности и коллективного единства народа Китая. В-третьих, традиционную культуру необходимо рассматривать в качестве основы (ценностно-смыслового ядра) усиления «мягкой силы» Китая.

6. Анализ основных функций традиционной культуры Китая в парадигме цифровой модернизации китайского общества позволил установить: помимо задекларированных в политических нарративах руководства КНР функций, что традиционная китайская культура, с одной стороны, является основанием оценки эффективности новейших цифровых технологий и определения направлений их развития в плане обеспечения качества воспроизводства смыслов и ценностей китайской цивилизации, с другой – источником уникальности популярных продуктов культуры,

транслирующих позитивные образы будущего на основе переосмысления нематериального культурного наследия китайской цивилизации.

Исходя из полученных результатов на защиту выносятся следующие **положения:**

1. Традиционная культура в социальной памяти китайской цивилизации является базовым элементом (ключом) декодирования актуальных для современного общества культурных смыслов, позволяющим формировать культурную идентичность китайской цивилизации и проектировать будущее. Процесс осуществления декодирования культурных смыслов возможен с помощью синтеза семиотических и нарративных подходов.

2. Диалогическая концепция медиационного преодоления конструктивной напряженности между традицией и новациями позволяет прийти к переосмыслению понимания процесса модернизации, а также расширению мировоззренческого горизонта в отношении преобразования традиционной китайской культуры в парадигме цифровой модернизации.

3. На протяжении XX в. в Китае сложилась уникальная культурная модель медиации традиции и новации в условиях модернизации общества. Эффективность данной модели определяется ключевой ролью государства в управлении и координации медиационных метанарративов, нацеленных на расширение мировоззренческого горизонта индивида и общества, включая упреждение деструктивных тенденций инверсии традиции и новаций.

4. Культурные и ментальные характеристики личности, обеспечивающие культурную преемственность поколений и консолидированность общества перед возникающими рисками интенсивного социально-экономического развития, являются основой традиционной культуры Китая. Опора на сформированные на протяжении тысячелетий личностные ценности китайской традиционной культуры позволяет утверждать, что рассмотрение их в качестве основы современных преобразований позволяет минимизировать или снимать напряженность в

дихотомии традиций и новаций в условиях современного информационного общества.

5. Государственная доктрина цифровой модернизации Китая опирается на традиционную культуру как на экономический и ценностно-смысловой ресурс текущего и перспективного социально-экономического развития. Технологические инновации, связанные с информационным этапом эволюции общественных отношений, в перспективе социально-экономического развития представляют собой средства оптимизации социального управления и программирования, в то время как традиционная культура остается ценностно-смысловым ядром идеологии укрепления национальной культурной идентичности и коллективного единства народа Китая, продвижения его имиджа в международных отношениях и одним из важнейших ресурсов дальнейшего экономического развития.

6. Основные функции традиционной культуры Китая в парадигме цифровой модернизации китайского общества представлены в политических нарративах руководства КНР и отражены в документах стратегического планирования социально-экономического развития страны. Помимо основных функций, задекларированных и реализуемых на практике, традиционная китайская культура является основанием оценки эффективности новейших цифровых технологий и определения направлений их развития в плане обеспечения качества воспроизводства смыслов и ценностей китайской цивилизации, а также источником уникальности продуктов популярной культуры, транслирующих позитивные образы будущего на основе переосмысления нематериального культурного наследия китайской цивилизации.

Парадигма цифровой модернизации китайского общества складывается из необходимости устойчивого планомерного социально-экономического развития, в котором традиционная культура остается фундаментальной матрицей культурной идентичности и уникальности китайской цивилизации. Ценностная и содержательная основа традиционной культуры постоянно

переосмысливается в китайском обществе, но, тем не менее, сам процесс переосмысления традиционной культуры предполагает рекомбинацию устойчивых констант и наделяет перспективное развитие уникальным содержанием. Поэтому дальнейшее развитие китайской цивилизации выглядит вполне адекватной альтернативой цивилизационного развития по сравнению с унифицированным глобализационным подходом западной цивилизации.

Теоретическая значимость результатов диссертационного исследования состоит в апробации методологического синтеза семиотических и нарративных приемов, эвристический потенциал которого раскрывается путем прочтения кодов традиционной культуры в социальном дискурсе современной эпохи. Этот продуктивный синтез в диссертации реализован далеко не полностью, но предпринятая попытка раскрывает перспективы дальнейших исследований по оценке значимости культурных достижений китайской цивилизации и современной китайской культуры для всего человечества.

Практическая ценность полученных результатов состоит, прежде всего, в их применимости для определения наиболее перспективных направлений совершенствования цифровых технологий в плане продвижения смыслов и ценностей традиционной китайской культуры. Однако, передовые позиции современной культуры Китая и опыт реализации в ней ресурсного потенциала культурного наследия ценен и для других стран, выбирающих традиционную культуру в качестве основания (ценностно-смыслового ядра) усиления культурной идентичности, общественного единства и самобытности дальнейшего развития в цифровую эпоху.

Личный вклад соискателя состоит в:

– рассмотрении перспективных научных подходов к изучению роли традиционной культуры в формировании социальной памяти китайской цивилизации;

- изучении механизмов воспроизводства культуры в модернизирующемся обществе;
- определении роли государства как управляющего центра в коммуникативной модели медиации традиции и новации в условиях модернизации Китая;
- раскрытии специфики модернизации культуры в условиях информационного общества;
- анализе медиационных функций государственной доктрины цифровой модернизации Китая;
- описании основных функций традиционной культуры Китая в парадигме цифровой модернизации китайского общества.

Степень достоверности полученных результатов обеспечивается комплексностью решений научно-познавательных задач и обусловлена используемыми источниками и материалами, совокупностью использованных культурологических, исторических и логических методов, а также апробацией в рамках научных конференций разных уровней в России и Китае, в том числе: международная научно-практическая конференция «Историко-культурное наследие России и Китая: вопросы изучения, сохранения и наследия» (Россия, Краснодар, Краснодарский государственный институт культуры, 2022–2025 гг.), IX международный научный форум «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия» (Россия, Краснодар, Южный филиал Института Наследия, 21–24 сентября 2023 г., 11–14 сентября 2025 г.), международная научная конференция «Развитие дизайна и науки – 2024» (Китай, Нанкин, Нанкинский университет искусств, 18 октября 2024 г.) и др. Диссертация обсуждалась на заседании кафедры истории, культурологии и музееведения Краснодарского государственного института культуры.

По теме исследования опубликовано 21 научная работа. Основные результаты диссертационного исследования изложены в 7 статьях, опубликованных в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной

комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации по научной специальности 5.10.1. Теория и история культуры, искусства, а также в 1 статье, опубликованной в издании, индексируемом в международной наукометрической базе данных Web of Science и других публикациях.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Тема и содержание диссертации соответствует пунктам: 5. Морфология и типология культуры, ее функции; 9. Историческая преемственность в сохранении и трансляции культурных ценностей и смыслов. Традиции и инновации в истории культуры; 12. Взаимоотношение глобального и локального в культурном развитии. Менталитет и глобалитет культуры; 13. Механизмы взаимодействия ценностей и норм в культуре и истории; 14. Факторы развития культуры. Их иерархия и взаимоотношения; 17. Механизмы и практики культурного наследования. Их историческая обусловленность. Структура культурного наследия; 72. Семиотика культуры. Ее принципы и подходы; 73. Семиосфера и концептосфера культуры. Семиозис; 104. Роль цифровой среды в становлении новых культурных форм и практик; 111. Наука – технология – культура: подходы к изучению их взаимовлияния паспорта научной специальности 5.10.1. «Теория и история культуры, искусства», проблематика которых рассмотрена в системной взаимосвязи, раскрывающей предмет исследования – совокупность функций традиционной культуры в парадигме цифровой модернизации Китая.

Структура диссертации обусловлена целью и задачами исследования и состоит из введения, двух глав по три параграфа, заключения, списка источников и литературы. Общий объем диссертации 233 страницы. Список литературы на русском, английском и китайском языках включает 355 наименований.

ГЛАВА 1.

«ПРЕВОСХОДНАЯ КИТАЙСКАЯ ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА» КАК МЕТАНАРРАТИВ МОДЕРНИЗАЦИИ

1.1. Традиционная культура в социальной памяти китайской цивилизации

Традиционная культура в общественном дискурсе современного Китая занимает особое место. С одной стороны, в китайском языке отражен конкретный нарратив, указывающий на определенность традиционной китайской культуры в повседневном сознании: существует широко употребляемый в обыденной речи концепт «сань цзяо» (кит. 三教, буквально – «три религии» или «три учения»), характеризующий целостное восприятие наследие традиционной культуры. Этот нарратив связан с древними корнями китайской цивилизации, подчеркивая авторитет древних учений, а также сам себя подтверждает посредством устойчивой этической нормы «сыновней почтительности». С другой, – буквально следовать этическим нормам одного из трех учений в их системной целостности далеко не всякий обыватель готов: в общественном сознании доминирует представление об утрате этими древними этическими системами своей актуальности в интенсивно меняющейся реальности современного мира.

Это противоречие в повседневной жизни разрешается ситуативно (каждый китаец интуитивно знает, как себя вести в той или иной ситуации), а в теоретическом дискурсе представляет собой сложную междисциплинарную область постоянных дискуссий¹. Безусловно, повседневный язык не

¹ 单霁翔. 从“功能城市”走向“文化城市”. 天津大学出版社, 2007年6月第1版, 278页. – [Шань Цзисян. От «функционального города» к «культурному городу». Тяньцзинь : Изд-во Тяньцзиньского университета, 2007. 278 с. – на кит. яз.]; 李宗桂. 传统与现代之间: 中国文化现代化的哲学省思. 北京师范大学出版社, 2011年 545页. [Ли Цзунгуй. Между традицией и современностью: философские размышления о модернизации культуры Китая. Пекин: изд-во Пекинского педагогического университета, 2011. 545 с. – на кит. яз.]; 杨明辉. 当代中国新观察. 江苏大学出版社, 2011年8月第1版, 256页. [Ян Минхуэй. Новые наблюдения о

тождественен теоретической лексике, но, тем не менее, у них общие культурные коды, требующие дешифровки для идентификации культурной общности.

Культура как совокупность языков и кодов социума выполняет роль социальной памяти. Если обратить внимание на структуру архаичного или древнего мифосознания, то обнаружится, что независимо от особенностей этносоциума (родоплеменных, семейно-клановых), образного строя сознания, особенностей сюжетного повествования, «логика» мифа включает в себя именные коды¹, бинарные оппозиции², «мировое дерево»³. Культурные универсалии, связанные с общими для всех людей и обществ типичными аспектами жизнедеятельности⁴, формируют условия для развития общечеловеческих смыслов и ценностей. Это позволяет посредством общих смыслов декодировать наиболее фундаментальные культурные коды каждого отдельного общества, обладающие как уникальными ценностно-смысловыми связями (культурными концептами), так и общими со всем человечеством (культурными константами)⁵.

Человеческий индивид и социум являются носителями как наследственной биологической информации, так и ненаследственной социальной информации. Культура как социальная память включает в себя способы аккумуляции, хранения, конденсирования и трансляции социального

современном Китае. Чжэньцзян: Изд-во университета Цзянсу, 2011. 256 с. – на кит. яз.]; 刘梦溪. 中国文化的张力: 传统解故 / 刘梦溪. - 中信出版社, 2016年12月第1版, 456页. – [Лью Мэньси. Напряженность китайской культуры: переосмысление традиций. Пекин : Цзуньсин, 2016. 456 с. – на кит. яз.]; 朱晓虹. 文化批判理论视阈下的中国传统文化现代意义研究 / 朱晓虹. – 浙江大学出版社, 2023年第1版, 232页. – [Чжу Сяохун. Исследование современного значения традиционной китайской культуры с точки зрения теории культурной критики. Ханчжоу : Изд-во Чжэцзянского университета, 2023. 232 с. – на кит. яз.]; 韩庆祥. 根与魂: 中国式现代化与文化主体性 / 韩庆祥. - 中国人民大学出版社, 2025年4月第1版, 167页. – [Хань Цинсян. Корни и душа: китайская модернизация и культурная субъективность. Пекин : Изд-во Китайского университета Жэньминь, 2025. 167 с. – на кит. яз.] и др.

¹ Лосев А. Ф. Бытие. Имя. Космос : [сборник]. М. : Мысль : Рос. открытый ун-т, 1993. 958 с.

² Якобсон Р. О. Работы по поэтике. Москва: Прогресс, 1987. 461 с.

³ Топоров В. Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. Том 1 / Предисл. Вяч. Вс. Иванова. –М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. Т. 1. 448 с.

⁴ Мердок Д. П. Фундаментальные характеристики культуры // Антология исследований культуры. Т. 1: Интерпретация культуры. СПб., 1997. С. 49–57.

⁵ Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М.: Акад. проект, 2001. 990 с.; Бакуменко Г. В. Ценностная динамика символов успеха: на материале статистики кинопроката. М.: ООО «Сам Полиграфист», 2021. 276 с.

опыта. В советской гуманитаристике осознание культуры как социальной памяти произошло в 1980-е гг. во многом на основе структурно-семиотического подхода – Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский¹. В условиях отсутствия книг, чертежей, фотографий социальная память содержала в себе технологические, поведенческие, мыслительные коды. В Китае как на теоретическом, так и на практическом уровне большая роль уделяется сохранению и трансляции традиционной культуры².

Актуализация ценности традиционной культуры в современных условиях лежит в основе практик организации социальной жизни и тенденций превращения Китая в государство, для которого культура выступает основным драйвером развития.

Классическая рациональность противопоставляла науку, обыденное сознание, миф, религию, философию, но постклассический нарративный подход³ преодолевает картину «чистой рациональности» И. Канта⁴ и создает образ мира как единства многообразных дискурсивных потоков мысли – нарративов⁵. Если к философскому, научному, религиозному, мифологическому и другим дискурсам человеческого мышления подходить как к нарративу, то тогда очевидно не противоречие науки, религии, мифа, философии, а напротив – их единство. В таком случае философия, как универсальная форма знания, оказывается методологией метанарратива, а библиотека как «Сумма Знаний» превращается не просто в универсальный

¹ Лотман Ю. М., Успенский Б. А. О семиотическом механизме культуры // Труды по знаковым системам. Тарту : Тартуский гос. ун-т, 1971. Вып. 5. С. 144–166; Лобас В. Ф. Семиотические предпосылки эффективности управления. Киев : Высшая школа, 1980. 232 с.

² 李宗桂. 传统与现代之间：中国文化现代化的哲学省思 / 李宗桂. – 北京：北京师范大学出版社, 2011 年 545 页. [Ли Цзунгуй. Между традицией и современностью: философские размышления о модернизации китайской культуры / Ли Цзунгуй. – Пекин: Издательство Пекинского педагогического университета, 2011. 545 с. – на кит. яз.]; 刘学斌. 试论中华优秀传统文化转化、创新的逻辑进程 / 刘学斌 // 福建师范大学学报 (哲学社会科学版). 2022. 年第 4 期: 118–126. [Лю Сюэбин. О логическом процессе трансформации и инноваций превосходной традиционной культуры Китая // Журнал Фуцзяньского педагогического университета (издание по философии и социальным наукам). 2022. Вып. 4. С. 118–126. – на кит. яз.] DOI: 10.12046/j.issn.1000-5285.2022.04.012

³ Маслов Е. С. Что такое нарратив? Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2020. 116 с.

⁴ Кант И. Критика способности суждения // Собрание соч. в 6 т. Т. 5. М., 1966. С. 203–459.

⁵ Ricoeur P. Time and Narrative. Vol. 1–3. Chicago, 1984–1988; Barthes R. Introduction to the Structural Analysis of Narratives // Image, Music, Text. London : Harper Collins Publishers, 1987. P. 79–124; Genette G. Narrative Discourse: An Essay in Method. Ithaca; N. Y. : Cornell University Press, 1980. 285 p.

гипертекстовый нарратив культуры, а в универсальную концептуальную институцию современного социума – «Базовый интеллект»¹. Сегодня очевидно, что в разных областях науки актуализируется одна и та же проблема – проблема языка, дискурса, концепта, текста и мегатекста. По вертикали – это взаимодействие метаязыка описания и описываемого объекта, поэтому такая конструкция превращает всю «Сумму знаний (Библиотека)» в антропологию, поскольку человек как специфический феномен познания выступает одновременно субъектом и объектом познания. К числу важнейших концептуальных структур этой универсальной нарратологии относится семиотика как теория и методология знаков, знаковых систем и дискурсов. Разрушаются прежде незыблемые границы естественнонаучного и гуманитарного, материального и идеального. Нарратология позволяет по-новому осуществить отвечающую современным требованиям междисциплинарную трансформацию гуманитарного знания, обратив в позитивное содержание иллюзии, порожденные устаревшей трактовкой соотношения онтологического и эпистемологического аспектов философии.

Не только согласно христианской парадигме всемирной истории человек есть по своей сущности семиотическое существо. «Евангелие от Иоанна» начинается с тезиса, который стал одним из самых популярных в гуманитарной мысли последней четверти XX – начала XXI вв.: «1. В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. 2. Оно было в начале у Бога. 3. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть»². Творец тождественен Логосу, а первозданный Логос имеет тожество означающего и означаемого, смысла и значения и равен слову «Бог». Нарративно-семиотический подход закодирован в Священную христианскую историю человека. Вся история не только человека, но и человеческого рода дана через Библию – Книгу книг. Не только гуманитарная картина мира

¹ Гриценко В. П. Метанарратив и современные знания // Инновационные процессы в информационно-коммуникационной сфере : сб. матер. всерос. науч.-практ. конфер. (Краснодар, 19 марта 2021 г.). Краснодар : Краснодарский гос. ин-т культуры, 2021. С. 12–15.

² Евангелие от Иоанна. Издательский дом Виссон. 2006. 76 с.

текстологична. Естествознание тоже возникает в результате чтения «Книги природы», к чему стремился И. Ньютон. Таким образом, христианская парадигма бытия и человека по своему онтологическому статусу есть нарратив, доступный текстологическому прочтению.

Авторитеты современной гуманитарной науки также постулируют это. Тезис М. Хайдеггера «Язык есть дом Бытия и жилище человеческого существа»¹ является лишь новым напоминанием традиционной истины, о которой О. Розеншток-Хюсси говорит по-другому: «Бог заставляет нас говорить»². С мнением У. Эко о том, что «культурой управляет система правил, или репертуар текстов, навязывающих определенные модели поведения», что «тексты предлагают модели, которым можно следовать и которым можно подражать» согласны многие современные культурологи и философы³.

Марксистская социально-экономическая парадигма также концептуально размещена в пространстве христианских ценностей. Весь всемирно-исторический процесс до коммунизма называется предысторией. Собственно человеческая история начинается с коммунизма. Она характеризуется рядом новых антропологических маркеров. Основным видом производства становится воспроизводство человека. Высокоэффективное вещное производство занимает минимум времени. Основной ценностью общества становится свободное время. Свободное время понимается как сфера саморазвития, самосовершенствования человека. В идеал превращается сам человек, но человек как Сверхчеловек – гармоничная, всесторонне развитая личность. В какой-то мере эта тенденция реализовалась в современных продвинутых социумах. Это касается постиндустриальных социумов, ориентированных на ценности досуговой цивилизации.

¹ Карабыков А. В. Что значит изречение Хайдеггера «Язык есть дом бытия»? // Филологический ежегодник. Вып. 9–10. Омск : Омский гос. ун-т. 2010. С. 73–77.

² Монастырская И. А. Проблема востребованности текста в диалогической концепции Ойгена Розенштока-Хюсси // Культура. Политика. Понимание : матер. II междунар. науч. конфер. (Белгород, 24–26 апреля 2014 г.). Белгород : Эпицентр, 2014. С. 175–177.

³ Eco U. *Semiotica e filosofia del linguaggio*. Torino : Einaudi, 1984. 318 p.

Использование типографского станка и последующая компьютеризация как тренды западной цивилизации с семиотической позиции есть лишь реализация парадигмы о слове-логосе как детерминирующей и программирующей энергии универсума. Научно-технический прогресс коренным образом трансформировал соматический (генная инженерия, клонирование) и семиотический (информационная революция, компьютеризация) код человека. Генная инженерия, компьютеризация, клонирование трансформируют ментальные качества личности и ее телесную морфологию. Пластической трансформации подверглось такое субстанциальное качество личности как ее половые качества и гендерная принадлежность.

В рамках западной парадигмы возник кризис ценностей, касающихся гендерной модификации, эвтаназии, клонирования. Опасный симулякр эпохи постмодерна – клон. Клон – существо в основе своей бесполое, а значит и безличное. XXI век породил, в тенденции, проблему обезличивания в самом радикальном варианте – как феномен клонированного бессмертия. Но смерть вызывает страх не потому, что умирает тело, а потому, что исчезает личность. Ситуация клонированного бессмертия означает смерть личности.

Знаковая среда информационного общества стерла цивилизационную грань материального и идеального, а вместе с ними и всемирно-историческую борьбу «партий» идеализма и материализма. На место материальности вещей и идеальности ценностей пришли нарративы и семиотика универсума. Затраты на производство символического капитала стали явно превышать труд, направленный на вещное преобразование мира. Процесс симуляции зашел так далеко, что порой утрачивается различие реального и виртуального. Онтологией вещей, тождественной их мифологии, стала реклама. Виртуальная реальность, в которой стерта грань вещного и идеального, знакового и образного стала существенной частью человеческого существования¹.

¹ Baudrillard J. Le système des objets. Paris : Gallimard (Collection Tel), 1991. 288 p.

В рамках информационной цивилизации коренным образом трансформируются институты социальной памяти: Библиотека превратилась в универсальный гипертекстовый набор нарративов, интегрирующих в себе все многообразие мифологических, религиозных, научных других концепций. Наряду с философией, библиотека на основе использования универсальных метанарративных подходов и современных универсальных дисциплин, типа информатиологии, семиотики, философии и др. превращается в универсальную, концептуально-ядерную институцию социальной памяти. Осознание этого тренда, говорящего о том, что полный универсальный набор социокультурных кодов человечества пресуществует в виде библиотеки (информационного универсума), должно заставить архитекторов современного социума превратить библиотеку в ведущую институцию современных государств и глобального социума. Эта идея должна овладеть не только трудящимися, но и капиталом, и властью.

Традиционная культура Китая в обычном понимании относится к конфуцианству, буддизму и даосизму, которые составляют ее основу, являются ее душой¹. Помимо традиционной культуры, которая передается с помощью китайских иероглифов, то есть элитарной культуры, созданной литераторами, существует также культура, передаваемая устно, для которой характерна устная передача, например, грушевый сад, ремесла и фольклор. Эта культура гораздо более обширная, богатая и захватывающая. Развитие времени и экономики требует модернизации традиционной культуры, например разрешения конфликта между эмоциями и законом в современном обществе.

В современном Китае творческая трансформация и инновационное развитие рассматриваются как два основных пути модернизации традиционной культуры, воплощая в себе креативное выражение

¹ В обыденном сознании, как указывалось выше, эта «душа» определяется посредством языкового концепта «сань цзяо» (кит. 三教, буквально – «три религии» или «три учения»).

технологического и коммуникационного мышления¹. Они обеспечивают особый эстетический смысл в процессе распространения и трансляции традиционной культуры механизмами ей не свойственными, имеющими иное происхождение. Такой процесс можно описать в рамках концепции трансформации «четыре в одном», включающей следующие концепты отношения к культуре: всестороннюю защиту, живое наследие, оригинальные инновации и бесконечную преемственность традиционной культуры². Безусловно, стоит также учитывать основные принципы трансформации и интеграции древнего и современного, Востока и Запада, открытости и плюрализма, — как цели формирования нового мышления и трансляции ценностей китайской традиционной культуры в современность.

На XVIII съезде Коммунистической партии Китая (КПК) генеральный секретарь Центрального комитета (ЦК КПК) и Председатель КНР Си Цзиньпин подчеркнул ценность китайской традиционной культуры для реализации цели «двухсот лет» и мечты о великом омоложении китайской нации. В докладе на XIX Всекитайском съезде Си Цзиньпин пять раз упомянул «превосходную китайскую традиционную культуру» (中华优秀传统文化)³ и назвал ее самым ценным стратегическим ресурсом страны⁴.

Эти важные заявления китайского руководства поддерживаются историческим опытом развития страны, обладают силой идеологического

¹ 刘学斌. 试论中华优秀传统文化转化、创新的逻辑进程 / 刘学斌 // 福建师范大学学报 (哲学社会科学版). 2022. 年第 4 期: 118–126. [Лю Сюэбин. О логическом процессе трансформации и инноваций превосходной традиционной культуры Китая / Лю Сюэбин // Журнал Фуцзяньского педагогического университета (издание по философии и социальным наукам). 2022. Вып. 4. С. 118–126. — на кит. яз.] DOI: 10.12046/j.issn.1000-5285.2022.04.012.

² 中共中央文献研究室编《习近平关于协调推进“四个全面”战略布局论述摘编》. 北京: 中央文献出版社, 2015年. 84页. [Выдержки из трудов Си Цзиньпина о координации и продвижении стратегического плана «Четыре всеобъемлющих принципа» / Бюро по исследованию литературы ЦК КПК. Пекин: Центральное литературное издательство, 2015. 84 с. — на кит. яз.]

³ *Превосходная китайская традиционная культура* — термин и метанарратив современного китайского общественно-политического и философского дискурса. Он подразумевает, что сань цзяо (三教), как целостная система традиционной культуры, помимо отживших свое время мировоззренческих установок, располагает наследуемыми современной китайской культурой достижениями, которые и составляют сложную уникальную совокупность превосходной китайской традиционной культуры.

⁴ 中共中央宣传部组织编著《习近平总书记系列重要讲话读本 (2016年版)》. 北京: 中央文献出版社, 2016: 201–203. [Серия важных речей Генерального секретаря Си Цзиньпина (издание 2016 г.). Пекин: Центральное литературное издательство, 2016. С. 201–203. — на кит. яз.]

воздействия и практической ориентированностью, имеют большое значение для руководства в области идеологии и культуры и в практике управления. Они выдвигают идею синтеза развития и традиционной культуры на новую высоту, «поднимают понимание превосходной китайской традиционной культуры на совершенно новый уровень и продвигают строительство социалистической культуры с китайской спецификой на новую историческую вершину»¹.

Модернизация традиционной культуры и принципы, на основании которых можно осуществлять этот процесс, являются предметом оживленных обсуждений сегодня. Серия выступлений Си Цзиньпина о «превосходной традиционной китайской культуре» и утверждение ее ценности вызвали широкий отклик во всех слоях общества. Это связано с пробуждением культурного самосознания народа Китая, с проявлением культурной уверенности китайского общества, с началом культурного самосовершенствования страны, поскольку Китай движется к превращению в культурную державу.

В силу беспрецедентного общественного резонанса и народного одобрения концепции «превосходной традиционной китайской культуры», следует обратить внимание на содержание провозглашенного Си Цзиньпином политического метанарратива (中华优秀传统文化), в равной степени переводимого на русский как «выдающаяся традиционная китайская культура», но не тождественного «прекрасной (в наивысшей степени сильной, красивой и замечательной) традиционной китайской культуре» (美好的中国传统文化).

Речь, безусловно, идет о некоторой совокупности наивысших или даже эталонных уникальных культурных достижений Китая, ценность которых на

¹ 傅凯华：推动中华优秀传统文化创造性转化创新性发展.光明日报，2021年11月25日。[Фу Кайхуа. Содействие творческому преобразованию и инновационному развитию выдающейся традиционной культуры Китая // Жэньминь Жибао. 2021. 25 нояб. — на кит. яз.]. URL : http://www.qstheory.cn/qshyjx/2021-11/25/c_1128098271.htm# (дата обращения : 14.12.2023).

протяжении тысячелетней истории китайской цивилизации сохранялась и усиливалась благодаря межпоколенческому механизму трансляции традиционной культуры. Эта совокупность составляет материальное и нематериальное культурное наследие Китая, и китайский народ по праву может гордиться сопричастностью к коллективному сохранению общего наследия. Ведь содержащиеся в этой совокупности социальные смыслы формируют уникальную культурную идентичность, усиление которой обеспечивает сплоченность нации и её способность к реализации наиболее значимых коллективных целей.

Понятие *метанарратива* (или большого нарратива от фр. *métarécit* или *grand récit*; в англ. *metanarrative* или *grand narrative*), относящееся в китайской лексике 元叙事 к социально-философским тезаурусу¹, имеет теоретические корни в постструктуралистской риторике² и философии истории³. По мысли российского теоретика Е. С. Маслова примерами метанарративов могут служить и христианская история искупления, и «жизнь Духа» Г. Гегеля, и исторический материализм К. Маркса и Ф. Энгельса⁴. Суть метанарратива состоит в том, что при его помощи задается ракурс оценки и переосмысления (*деконструкции* в концепции Ж. Деррида⁵) устоявшихся нарративов (повествований) или представлений об истории, этических нормативов или идеологических догматов. Он одновременно и соответствует сложившимся представлениям, т. е. подтверждается распространенными нарративами,

¹ 王正中. 元叙述的叙述功能 // 温州大学学报社会科学版. 2012. 第25卷第6期: 44-49. [Ван Чжэнчжун. Повествовательная функция метанарратива // Журнал Вэньчжоуского университета (социальные науки). 2012. Т. 25, № 6. С. 44-49 – на кит. яз.].

² Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.: трактаты, статьи, эссе. М.: МГУ, 1987. С. 387–422.; Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной психологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.; Рикёр П. Время и рассказ. М. – СПб.: Университетская книга, 1998. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. 313 с. и др.

³ Уайт Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX в. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002. 528 с.; Carr D. Narrative and the Real World: an Argument for Continuity // History and Theory. 1986. Vol. 25. № 2. P. 117-131.; Lyotard J.-F. The Differend: Phrases in Dispute. Manchester: Manchester University Press, 1988. 208 p.

⁴ Маслов Е. С. Понятие «метанарратив» Ж.-Ф. Лиотара в контексте нарратологии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 2 (52): в 2-х ч. Ч. II. С. 150-152. URL: <https://www.gramota.net/article/hss20150336/fulltext> (дата обращения 02.07.2025).

⁵ Деррида, Ж. Эссе об имени. СПб. : Алетейя, 1998. 190 с.; *Он же...* Поля философии. / Пер. с фр. Д. Кралечкина. М. : Академический проект, 2012. 376 с.

мировоззренческими стереотипами или научными теориями, и придает им новые смысловые коннотации, вплоть до дискредитации догм и суеверий, не выдерживающих рациональной критики. В отличие от нарратива, имеющего, как правило, структурную определенность и завершенность¹, исторический, а тем более политический метанарратив может носить открытый, незавершенный характер. В частности, как отмечает Е. С. Маслов со ссылкой на работу Н. Кэрролла, исторические или политические метанарративы, касающиеся ныне существующих стран и народов, не могут быть завершенными в силу продолжения истории и политической жизни последних². Иными словами, политический метанарратив, если он не исключает интерпретацию образа будущего, является своего рода толчком к проектированию будущего на основе переоценки прошлого и настоящего.

Функция метанарратива состоит в установлении регулирующего (управляющего) культурного норматива в постоянно протекающем диалоге прошлого и настоящего. Закономерность развития этой диалогической ситуации в историческом контексте социокультурного развития России описал российский теоретик А. С. Ахиезер³. Центральное место в его концепции занимает категория *конструктивной напряженности*, описывающая совокупность логических противоречий как между традицией и новацией, так и между новыми нормативами управляющего центра и устоявшимися нормативами жизнедеятельности управляемой периферии. Новация, по его мнению, всегда остается инородным по отношению к традиции ценностно-смысловым феноменом: будь то инокультурное заимствование или инновация, базирующаяся на накопленном опыте в рамках автохтонной культуры. Поэтому противоречия между традицией и новацией

¹ Тодоров Цв. Поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 88–89.

² Маслов Е. С. Указ. соч. С. 150.

³ Ахиезер А. С. Научно-техническая революция и некоторые социальные проблемы производства и управления. М. : Наука, 1974. 309 с.; *Он же...* Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Т. 1. От прошлого к будущему. Новосибирск : Сибирский хронограф, 1998. 804 с.; *Он же...* Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Т. 2. Теория и методология. Словарь. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. 600 с.; *Он же...* Социально-культурные проблемы развития России. М. : Ин-т науч. информации по обществ. наукам РАН, 1992. 82 с.

неизбежны, так же как неизбежно их разрешение каким-либо образом. Возникающие противоречия являются толчком к развитию и изменениям, но разрешаться могут различным образом.

Наиболее простой (примитивный) способ – замещение старого «новым». Логическую процедуру такого замещения А. С. Ахиезер называет *инверсией*.

Но не всегда «новое», являясь продуктом инновационного творческого мышления, представляет собой нечто, существенно дополняющее уже имеющийся культурный опыт. Часто, по-новому названное явление или изобретение, представляет собой уже известный и включенный в картину мировоззрения феномен, свойства которого широко используются в культурных практиках. Принимая новое имя такой «новации», общество вынуждено переосмысливать уже сложившиеся системные связи различных социальных практик, что на деле может привести не к социальному прогрессу, а к повторному «изобретению велосипеда», т. е. к переименованию уже используемых технологий на новый лад, требующему переобучения людей на новый лад. Попросту говоря, если нож переименовать в ложку, это потребует переименования ложки (например, в вилку, а вилки, например, – в тарелку и д. т.) и пересмотра не только столового этикета, но и нескольких систем жизнедеятельности общества (кулинарии, нормативов общественного питания, декоративно-прикладного творчества, промышленного дизайна, технологий воспитания подрастающего поколения и пр.), а качество связанных с этими именами социальных практик не улучшится, а скорее ухудшится в связи с перегрузкой информационной системы общества процессами переименования.

Наиболее наглядно инверсия проявляется в языковых процессах. К примеру, в связи с кризисом советской системы управления в СССР в конце 1980-х гг. русские слова «управление» и «руководство» были настолько дискредитированы, что их существенно потеснил в повседневном и профессиональном тезаурусе менее контекстуальный англоязычный аналог «менеджмент». Появилась даже такая профессия – менеджер, и российская

система образования на всех уровнях стала производить огромное число менеджеров, совершенно не пригодных для руководства и управления конкретными процессами¹. Крайне затруднительно говорить о повышении качества управления (менеджмента) в условиях, когда производство «менеджеров» существенно потеснило производство для экономики продавцов, механизаторов, сантехников, инженеров и других специалистов. В результате профессия «менеджер» сегодня в России не в чести, а квалифицированные управленческие кадры на вес золота. В данном случае иноязычное заимствование является показательным примером инверсии (подмены) культурных концептов, не ведущей к прогрессу социальных отношений и усилению сложности культуры как системы исторически вырабатываемых надбиологических программ жизнедеятельности общества².

Совершенно иное дело, когда новые слова и понятия (например: «исторический материализм», «ракета», «спутник», «космонавт», «тайконавт», «робот», «информационные технологии», «киберпространство», «искусственный интеллект» и др.) существенно раздвигают традиционный (передающийся от поколения к поколению) мировоззренческий кругозор. По мнению А. С. Ахиезера, принятие традиционным мышлением таких инноваций (т. е. преодоление возникающей конструктивной напряженности) возможно при помощи не инверсии, а более сложной логической процедуры, которую он называет *медиацией* (от лат. *media* – середина, а также *mediare* – посредничать). Суть медиации состоит в том, что новое не подменяет старое (традиционное), а дополняет. Это требует от общественного сознания совершенно иной реакции – не замены старых слов и культурных концептов новыми, а дополнение существующей реальности совершенно новыми о ней понятиями, существенно расширяющими мировоззрение.

¹ Гриценко В. П., Бакуменко Г. В. В поисках национальной идеи: беседа с профессором Василием Гриценко // Наследие веков. 2024. № 1. С. 126–138.

² Стёпин В. С. Культура // Всемирная энциклопедия: Философия. М.: АСТ; Минск: Харвест, Современный литератор, 2001. С. 524–526.

Метанарратив существует в пространстве актуальных для культуры нарративов, объединяя их в целостную картину мира путем *медиации* конструктивной напряженности между традицией и новацией. Политический метанарратив, таким образом, оказывает управляющее воздействие на общественное сознание, разрешая кризис конструктивной напряженности.

Так, к примеру, китайская традиция философско-теоретического осмысления природы музыки насчитывает более двух тысячелетий и продолжает изучаться китайскими теоретиками¹. Её особенностью является единство этических, социально-философских и политических идей, вложенных в понятие «хэ» (諧) – гармонии. Конфуцианство вкладывает в

¹ 王德峰. 音乐形而上学与现代性批判[J]. 哲学研究, 2015(3): 45-52. [Ван Дэфэн. Музыкальная метафизика и критика современности // Философские исследования, 2015. № 3. С. 45–52. – на кит. яз.]; 杜维明. 儒家思想新论[M]. 南京, 2001. 180页. [Ду Вэймин. Новая интерпретация конфуцианской мысли. Нанкин : Издательство «Народное издательство Цзянсу», 2001. 180 с. – на кит. яз.]; 罗艺峰. 中国音乐思想史五讲[M]. 上海 : 上海音乐出版社, 2014. 359页. [Ло Ифэн. Пять лекций по истории китайской музыкальной философии [M]. Шанхай: Шанхайское музыкальное издательство, 2014. 359 с. – на кит. яз.]; 李泽厚. 华夏美学[M]. 台湾 : 三民书局出版社, 1997. 232页. [Ли Цзэху. Эстетика китайской цивилизации. Тайвань: Sanmin Bookstore, 1997. 232 с. – на кит. яз.]; 刘承华. 儒家音乐美学现代性转换的路径与困境[J]. 中国音乐学, 2018(2): 89-96. [Лю Чэнхуа. Пути и трудности модернизационной трансформации конфуцианской музыкальной эстетики // Китайское музыкознание, 2018. № 2. С. 89–96. – на кит. яз.]; 项阳. 礼俗之间: 中国音乐文化史研究[M]. 上海, 上海音乐出版社, 2020: 52-71. [Сян Ян. Между ритуалом и обычаем: Исследования истории китайской музыкальной культуры. Шанхай : Шанхайское музыкальное издательство, 2020. С. 52–71. – на кит. яз.]; 谢秋菊. 浅论“和”在中西方古代音乐美学思想中的异同[J]. 音乐时空, 2013, (05): 78-79. [Се Цюцзю. Краткий анализ различий и сходств понятия «гармония» в древнекитайской и западной музыкальной эстетике // Музыкальное время и пространство. 2013. № 5. С. 78–79. – на кит. яз.]; 方东美. 中国人生哲学. 台北, 1980. 264页. [Фан Дунмэй. Философия китайской жизни. Тайбэй, 1980. – на кит. яз.]; 黄翔鹏. 中国人的音乐和音乐学. 济南, [M]. 济南 : 山东文艺出版社, 1997. 276页. [Хуан Сянпэн. Музыка и музыкознание китайского народа. Цзинань: Издательство литературы и искусства провинции Шаньдун, 1997. 276 с. – на кит. яз.]; 蔡仲德. 音乐与文化的人本主义思考[M]. 广州 : 广州人民出版社, 2003. 362页. [Цай Чжундэ. Гуманистическое осмысление музыки и культуры. Гуанчжоу: Народное издательство Гуанчжоу, 2003. 362 с. – на кит. яз.]; 周宪. 文化表征与文化研究. [M]. 北京 : 北京大学出版社, 2017. 370页. [Чжоу Сянь. Культурная репрезентация и культурные исследования. Пекин: Издательство Пекинского университета, 2017. 370 с. – на кит. яз.]; 石惠敏. 浅谈中国传统音乐与西方音乐美学思想的异同[J]. 黄河之声, 2015, (12): 101. [Ши Хуэйминь. Различия и сходства китайской традиционной музыки и западной музыкальной эстетики // Голос Хуанхэ. 2015. № 12. С. 101. – на кит. яз.]; 邵汉明 · 刘辉 · 王永平. 儒家哲学智慧[M]. 长春, · 2005. 328页. [Шао Ханьминь, Лю Хуэй, Ван Юнпин. Мудрость конфуцианской философии. Чанчунь, 2005. 328 с. – на кит. яз.]; Чжу Цзюньси. Конфуцианская философия музыки в пространстве культуры глобализма // Человек и культура. 2025. № 1. С. 13–27.

традиционную музыкальную систему символические смыслы социальности феодального общества, приписывая их повелению высших, неподвластных человеку сил: «Гун» (宮) – правитель (император), «шан» (商) – министр (чиновник-аристократ), «цзяо» (角) – народ (земледелец), «чжи» (徵) – дела (обыденность, повседневность), «юй» (羽) – физика (природные явления и предметы). Гармоничное сочетание этих пяти элементов исключает дисгармонию музыки. Такое понимание придаёт музыке консервативную функцию нравственного воспитания¹. Накладывает на музыкальное творчество ограничения, приписывая несвойственные ему функции отражения воли богов. Табуируется самовыражение индивидуальности посредством музыки. Оно рассматривается как покушение на консервативный хозяйственный уклад и политический строй. Так же как и в античной философии «гармония»², «хэ» в конфуцианской философии раскрывает незримую закономерность единства образующих бытие начал: в древнекитайской картине мира такими началами считались Небо и Земля, срединное положение между которыми занимает Китай (Поднебесная). Нарушение хэ (гармонии) в семье и человеческом обществе, как большой семье, является одновременно нарушением гармонии мироздания (единства Неба и Земли). Поэтому семейные распри (например, ссора супругов) представлялись причиной нарушения вселенской гармонии, следствием которого могли стать природные катаклизмы (засухи, пожары, наводнения, землетрясения и пр.), социальные потрясения (голод, эпидемии, мятежи, войны и пр.), неудачи в промысле, строительстве, искусстве и пр. Фальшивый звук музыкального произведения воспринимался как вероятная причина череды злоключений и бед не только для музыканта, но и для слушателя, что налагало на музыкальное творчество особую нравственную нагрузку.

¹ Чжу Цзюньси. Конфуцианская философия музыки в пространстве культуры глобализма // Человек и культура. 2025. № 1. С. 13–27.

² Лосев А. Ф. История античной эстетики : в 8 т. Т. 1: Ранняя классика. М.; Харьков : АСТ : Фолио, 2000. 621 с.

Император мог казнить музыканта за фальшь, поскольку обязан соблюдать и беречь гармонию Неба и Земли для всех своих подданных. А сельская община – забить неумеху до смерти камнями в страхе перед небесным наказанием.

Концепция «превосходной традиционной китайской культуры» как политический метанарратив 中华优秀传统文化, безусловно включает в себя культурный код конфуцианской музыкальной системы в её сложной символически-семиотической взаимосвязи элементов. Но она же снимает конструктивную напряженность между консервативными, отжившими свое время политическими и социально-философскими смыслами в пользу медиации традиционной эстетики звука с его способностью отражать внутренний мир современного человека, что привнесла в китайскую музыкальную культуру в XX в. европейская музыка. Провозглашенный Си Цзиньпином метанарратив, таким образом, подчеркивает необходимость творческого переосмысления этических и эстетических эталонов традиционной древнекитайской музыки путем медиации с запросами современного китайского общества.

И так, «превосходная» или «выдающаяся традиционная китайская культура» (中华优秀传统文化) является одним из значимых метанарративов политического руководства КНР, стимулирующим переоценку прошлого и настоящего в общественном сознании с целью проектирования позитивного образа будущего.

Наследование и актуализация традиционной культуры Китая придает современности новые оригинальные качества, являясь краеугольным камнем подъема искусства, динамики социальной и общественной жизни. Это способствует развитию традиционных ремесел, этнических культурных и творческих индустрий и связанных с ними отраслей, открывая новые пути для предпринимательства и становления экономики нового типа. Модернизация на основе традиций ведет к появлению новых тенденций в моде, изменяя досуг

и образ жизни людей. В контексте новой эпохи переосмысление ценности китайской традиционной культуры является ответом на вызовы развития мировой цивилизации.

Китайская традиционная культура является эндогенной силой роста национального культурного самосознания. Последнее является логической отправной точкой мышления в описанной стратегии Си Цзиньпина и решением проблемы отношения к традиции. Культурное самосознание – это культурное пробуждение и сознательные действия нации, включая глубокое понимание статуса и роли культуры в историческом прогрессе, правильное понимание законов культурного развития, активную приверженность исторической ответственности за развитие культуры и лидерство в культурном строительстве, включая сохранение и наследование традиционной культуры, а также теоретическую критику и усвоение мировой культуры.

Современная интерпретация ценностей традиционной китайской культуры – есть ее ремоделирование, стратегия и путь современного китайского общества, включая практики цифровой креативной индустрии Китая в контексте глобальной конкуренции.

Культура есть специфический способ бытия, который люди создают в социальной деятельности и общении как форму совместного выживания и адаптации¹. С другой стороны, это способ гуманизации совместной среды обитания. Термин «культурное самосознание» был впервые предложен Фэй Сяотуном в 1997 г. как способ рассмотрения отношений между людьми в ответ на неизбежную тенденцию глобализации. Культурное самосознание он определил как осознание своей культуры, включая ее истоки, процесс формирования, ее особенности и тенденцию ее развития, без значимого культурного регресса. Самопознание призвано усилить способность к автономии над культурной трансформацией и приобрести автономный статус принятия решений, включая адаптацию к новой среде и культурному выбору

¹ 杨秀莲:试论人的文化存在方式,《学术交流》. 2011 (11) : 1–4. [Ян Сюлянь. Экспериментальная дискуссия о культурном существовании людей // Академический обмен. 2011. № 11. С. 1–4. – на кит. яз.]

новой эпохи¹. В этом контексте понятие «культурное самосознание» включает три основные области: культурную идентичность, культурную адаптацию и культурные инновации, которые вместе образуют взаимосвязь и служат целям культурного развития. Поэтому теория культурного самосознания, выдвинутая Фэй Сяотунем, утверждает, что мы должны относиться к традиции с точки зрения понимания ее статуса, постижения ее законов и принятия ответственности за нее. Мы должны уважать, беречь и активно защищать культуру. Так, например, по состоянию на 2023 г. в Китае насчитывается 57 объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО: по этим показателям он занимает второе место в мире и первое в Азии. Этот факт свидетельствует о богатстве традиционных ресурсов культуры Китая, является результатом участия всего народа в культуре, возрождения культурного самосознания.

Теория культурного самосознания непосредственно предлагает методологию наследования и продвижения традиционной культуры², т. е. постижение диалектической взаимосвязи между ними и использование внутренних закономерностей традиционной культуры, чтобы реагировать на текущие и перспективные вызовы. Разработка и использование культурных ресурсов – лучший пример применения законов, присущих традиционной культуре. Традиционная культура – это культурный стандарт, который был просеян сквозь века и способен тронуть сердца людей, украсить их умы, очистить их этику и питать их характер. Поэтому бережное отношение к традиционной культуре – это миссия истории и ответственность времени.

Традиционная китайская культура является мощной поддержкой для проявления культурной уверенности. Культурное наследие есть логическая движущая сила мышления, в трактовке Си Цзиньпина. Культурная

¹ 费孝通：反思•对话•文化自觉，《北京大学学报（哲学社会科学版）》. 1997（03）：15–22. [Фэй Сяотун. Отражение, диалог и культурное самосознание // Журнал Пекинского университета. Издание по философии и социальным наукам. 1997. № 3. С. 15–22. – на кит. яз.]

² Борисов Б. П. Культурное наследие – основание этнической памяти и гражданской идентичности // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : сб. науч. ст. по итогам междунар. науч. форума. М. : Институт Наследия, 2021. С. 41–48.

уверенность может быть достигнута только путем наследования и продвижения «превосходной традиционной культуры» и настойчивого созидания.

При этом развитие традиционной китайской культуры не может ограничиваться ее «вестернизацией», исключая сохранение тысячелетиями складывавшегося смыслового ядра коллективной жизнедеятельности китайского народа. Сама по себе экономическая модернизация не ведет к культурной модернизации, и традиционная культура должна обновляться, чтобы идти в ногу со временем. В противном случае это приведет к диссонансу между культурой и экономикой, что в свою очередь будет препятствовать экономическому развитию. Сейчас Китай находится на переломном этапе своего развития, что делает важным наличие передовой культуры, ориентированной на будущее и ведущей общество вперед.

Таким образом, традиционная культура в социальной памяти китайской цивилизации является базовым элементом (ключом) декодирования актуальных для современного общества культурных смыслов, позволяющим формировать культурную идентичность китайской цивилизации и проектировать будущее. Политические метанарративы управляющего центра современного Китая в диалоге традиции и новации посредством медиации задают направление и модальность расширения границ общественного сознания в направлении самосовершенствования.

Рассмотренные в параграфе теоретические подходы позволяют выделить наиболее адекватный методологический комплекс рассмотрения специфики воспроизводства традиционной культуры Китая в парадигме цифровой модернизации. Изменения в информационных процессах современной цивилизации, обусловленные научно-техническим развитием, требуют обращения к концепции документно-матричной культуры П. Отле, к ее анализу с учетом теорий медиа (М. Маклюэн и др.) и информационного общества (Ё. Масуда, Э. Тоффлер, Д. Белл и др.). В новых условиях неминуемо возникающие противоречия между традиционной культурой и

новациями необходимо рассмотреть с позиции конструктивной напряженности (А. С. Ахиезер и др.) в контексте развития современных семиотических (Р. О. Якобсон, Ю. М. Лотман, У. Эко и др.) и нарративных (П. Рикер, Р. Барт, Е. С. Маслов, В. П. Гриценко и др.) подходов в изучении надбиологических программ жизнедеятельности общества как развивающихся систем.

В этом методическом ракурсе традиционная китайская культура («сань цзяо» – 三教, буквально – «три религии» или «три учения») выступает не только как исторический метанарратив, но и как часть программного политического дискурса в сфере культуры («превосходная традиционная китайская культура» – 中华优秀传统文化) – как управляющий медиационный политический метанарратив государства, который разворачивается и насыщается содержанием непосредственно в актуальных культурных практиках в условиях цифровизации китайского общества.

Согласно решению поставленной задачи мы приходим к выводу, что в рассмотренных научных подходах к изучению роли традиционной культуры в формировании социальной памяти китайской цивилизации наиболее перспективным в плане раскрытия основных функций традиционной культуры в парадигме цифровой модернизации современного Китая является синтез семиотических и нарративных подходов. Эвристический потенциал такого синтеза состоит в возможности прочтения кодов традиционной культуры в контексте модернизации современного общества.

Это решение позволяет сформулировать и вынести на обсуждение следующее положение.

Традиционная культура в социальной памяти китайской цивилизации является базовым элементом (ключом) декодирования актуальных для современного общества культурных смыслов, позволяющим формировать культурную идентичность китайской цивилизации и проектировать будущее.

Процесс осуществления декодирования культурных смыслов возможен с помощью синтеза семиотических и нарративных подходов.

В дальнейших главах и параграфах диссертации постараемся раскрыть эвристический потенциал авторизованного методического решения для того, чтобы в перспективе (в дальнейших исследованиях) более детально изучить взаимодействие государственной политики и спонтанных, низовых цифровых практик, связанных с традиционной культурой (например, fan-культура, независимые цифровые архивы, блогинг и т. д.). Предложенная теоретическая модель представляется продуктивной для сравнительных исследований. Поэтому в качестве перспективной задачи можно обозначить применение разработанного методического подхода к анализу процессов цифровой модернизации культуры и в других цивилизационных контекстах (например, в Российской Федерации).

1.2. Механизмы воспроизводства культуры в модернизирующемся обществе*

Культура как социальная память есть многообразная и универсальная языковая система. С одной стороны, очевидно, что существует языковое многообразие человечества. Лингвистика говорит о наличии многих тысяч языков¹. В зависимости от критериев специалисты называют пять, семь и даже двенадцать тысяч народных языков. Кроме того, существует множество искусственных языков: язык математики, логики, языки программирования, язык черчения. В принципе, каждая профессиональная деятельность обладает набором специальных знаков, символов, терминов, что и составляет ее

* При написании параграфа использованы материалы опубликованных исследований соискателя, включая научные статьи, указанные в списке использованной литературы под №№ 109, 195, 197, 201.

¹ См. : Попова З. Д., Стернин И. А. Общее языкознание : учеб. пособ. М. : АСТ; Восток – Запад, 2007. 408 с.

специфический язык. Также нужно вспомнить о множестве так называемых вторичных языковых систем: язык литературы, кино, живописи, мифа, религии, философии.

Язык — это определенная смысловая система с определенной прагматической направленностью, поэтому, в пределе, можно говорить о множестве индивидуальных языков. Ведь у каждого индивида есть свой тезаурус, лексикон, своя точка зрения на мир, специфическая языковая картина мира. Таким образом, существует стремящееся к бесконечности многообразие языков человеческого общения. Более того, поскольку общение индивида составляет главнейшее его богатство, то отсюда следует, что развитие человеческого рода выражается в стремлении к бесконечному коммуникативному многообразию. Поэтому проблема перевода и понимания существует в любом акте коммуникативного взаимодействия, а не только в процессе перевода с иностранного языка на родной. Межличностное общение двух социальных атомов есть всегда также акт перевода.

С другой стороны, существуют постоянные тенденции к развитию универсальных языков. В науке стремятся пользоваться одинаковыми обозначениями, независимо от различия национальных языков. Научные термины, которые имеют однозначное содержание, независимо от национальных языковых различий, имеют общее понятийное содержание. Законы науки также представляют собой некоторые интернациональные, надличностные универсалии.

Несмотря на то, что существует тенденция стандартизации и экономии в языковой сфере, однако развитие культуры в целом предполагает рост языкового многообразия, ведь развитие культуры и общественный прогресс основаны на опережающем информационном росте. Информационный прогресс предполагает интенсивное, постоянно расширяющееся семиотическое развитие. Расширяющееся культурное и языковое многообразие означают обогащение человечества новыми ценностями и

смыслами. В том числе и приращение нового научного знания предполагает расширение языковых средств интерпретации реальности.

Но существуют и культурные универсалии¹, которые составляют основу единого языка человечества. С этой точки зрения, единый язык человечества всегда существовал в прошлом и существует сейчас. Благодаря наличию культурных универсалий возможно взаимопонимание представителями различных ветвей рода человеческого. Индивиды, говорящие на разных вербальных языках, тем не менее, способны понимать друг друга. Например, структура мифосознания, независимо от особенностей и сюжетного своеобразия мифов, у всех народов имеет один и тот же набор элементов: структуру бинарных оппозиций, структуру «мирового дерева» и именные коды².

Основные категории и принципы нравственного, эстетического и религиозного сознания также очень сходны. Например, это такие принципы нравственного сознания как «золотая середина», «золотое правило морали», «не убий» и др. Логические универсалии здравого смысла, – закон противоречия, тождества, исключенного третьего, – также обеспечивают одинаковость принципов мышления и возможность взаимопонимания людей, использующих разные национальные языки. Общечеловеческая структура суждения, понятия, умозаключения обеспечивают тождественность форм мышления, а значит одинаковость ментальных кодов всего человечества. Универсалии образа жизни – жилище, родительство, труд, праздник, танец, дары и др., также обеспечивают взаимопонимание и возможность перевода. Таким образом, наличие культурных универсалий является основой тех социокультурных кодов, которые закладывают основу единства человечества. На общечеловеческих социальных и культурных кодах базируется единство

¹ Мердок Д. П. Фундаментальные характеристики культуры // Антология исследований культуры. Т. 1: Интерпретация культуры. СПб., 1997. С. 49–57.

² Лосев А. Ф. Бытие. Имя. Космос : [сборник]. М. : Мысль : Рос. открытый ун-т, 1993. 958 с.; Якобсон Р. О. Работы по поэтике. Москва: Прогресс, 1987. 461 с.; Топоров В. Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. Т. 1. 448 с.

человеческого рода, несмотря на его расовое, этническое, политическое и культурное многообразие.

Язык – это множество знаков как кодовых смыслов, множество мыслительных смысловых сообщений, логически и дискурсивно упорядоченных в пространстве и во времени, имеющих индивидуальную адресность. Адресность несут все языковые сообщения, например одежда как социокод несет в себе персональную нацеленность, потому что костюм – это судьба. Одевая одежду, мы отвечаем на вопрос о социальных ожиданиях, решаем дилемму предписанного или достижимого статуса, участвуем в формах социально значимой деятельности и поведения.

Согласно М. К. Петрову в архаических и древних социумах ведущую роль в качестве социокода (социально-культурного кода) играл именной код¹. Имя в этом случае есть название в широком смысле слова. Познание от старого к новому шло путем переименования. Такой тип познания остался и сейчас, но в мифологии это был основной метод познания. С помощью имен информация обобщалась, накапливалась, классифицировалась, дренажировалась.

Важную знаково-информационную роль в культуре играют орудия труда, одежда, жилище и другие предметы. Культура выполняет свои функции коллективной небиологической памяти общества и человечества благодаря наличию в ее структуре различных знаковых систем и механизмов, обеспечивающих кодирование информации, ее хранение и транслирование из поколения в поколение. Благодаря этому социальная память является носителем всего коллективного опыта и этот всеобщий опыт становится достоянием каждого индивида. Внутри культуры существует универсальная кодовая система – это естественный язык. Он является не просто знаково-кодовой системой, но и моделирующей системой, которая на стихийно-бессознательном уровне моделирует объективные социальные процессы.

¹ Петров М. К. Самосознание и научное творчество. Ростов н/Д. : Изд-во Ростовского ун-та, 1992. 272 с.; Петров М. К. Человек и культура в научно-технической революции // Вопросы философии. 1990. № 5. С. 72–92; Петров М. К. Язык и категориальные структуры // Науковедение и история культуры. Ростов н/Д. : Изд-во Ростовского ун-та, 1973. С. 58–92.

Над первичной моделирующей системой (народным языком) надстраивается вторичная моделирующая система – язык науки, язык искусства, язык мифа и т. п. Они создают модели константной объективной и виртуальной реальности.

Языки культуры многообразны и многочисленны, что обеспечивает прогресс человечества, так как многообразие языков способствует информационному богатству человечества. Каждая сфера деятельности и быта имеет свои языковые семиотические средства. Но совокупность всех семиотических средств является носителем совокупного коллективного опыта и передает его из поколения в поколение. На определенном этапе социума, при наличии текстографического семиозиса и массовой культуры появляется документ как знаковый феномен, являющийся атомарным кодовым носителем информации, а в своей совокупности заполняющий ячейки генетической информации, транслирующий технологические и управляющие воздействия и обеспечивающий воспроизводство социума как социально функционирующей и производящей системы. Документ порождает социокод в виде матрицы, планирующей, программирующей, проектирующей развития и самовоспроизводство социума и его элементов.

Культура в качестве социальной памяти кодирует и транслирует информацию путем создания множества языков и языковых систем:

- языки предметных форм кодирования;
- языки деятельностных форм кодирования;
- языки вербальных форм кодирования;
- языки символических форм кодирования;
- языки изобразительных форм кодирования;
- языки музыкальных форм кодирования¹.

Итак, в процессе социально-исторической эволюции сформировались несколько этапов развития культурных кодов-языков: первый этап –

¹ Гриценко В. П. Социокультурные коды и механизмы культурной трансляции // Наука. Искусство. Культура. 2014. № 3. С. 5–17.

господство предметно-орудийных и устных форм кодирования и коммуникации; второй этап – доминирование книжной формы культурных кодов и третий этап – доминирование электронных кодов¹. Хотя возникновение нового этапа не приводит к исчезновению предшествующего, а ведет к их сосуществованию. Так современная информационная революция не отменила устную или бумажную информатику, а лишь усложнила социально-информационный процесс путем прибавления к устной и бумажной информатике линейного типа электронной информатики гипертекстовой формы.

В начале XX в. Поль Отле вывел на уровень метанарратива «документ»²; в деятельности Отле и его соратников произошло осознание смены механизма социокультурной трансляции – от традиционной к документной матрице. Проект Отле стал социальным эвристическим экспериментом по осознанному внедрению документной матрицы – объединив журнальные статьи, газетные тексты, рекламные сообщения, гравюры, фотографии, схемы, диаграммы и т. п. в единое пространство имен, он открыл новую культурно-онтологическую реальность социума – пространство документа (документосфера). Рационализация социального интеллекта проявилась в его усложнении, иерархизации. Революция в области культурной генетики, совершенная Полем Отле, была многоаспектная – онтологическая, гносеологическая, семиотическая, урбанистическая.

Рождение документа как феномена культуры обусловлено возникновением массового товарного социума, текстографического семиозиса и рационально калькулирующего интеллекта. Охарактеризованы основные этапы становления социокультурных предметно-технологических кодов – лично-именной, профессионально-именной, универсально-понятийной, документно-матричной. Раскрыта важная роль документно-матричного кода

¹ McLuhan M. Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man. Toronto : University of Toronto Press, 1962. 293 p.

² Otlet P. Traité de documentation : le livre sur le livre, théorie et pratique. Bruxelles :Editiones Mundaneum, 1934. 452 p.

в рационализации социума, всей его жизни, включая технологию самопроектирования. Показано, что документационный базис социума форматирует рациональную структуру индустриального и постиндустриального техно-информационного социума.

В ходе дальнейшего исследования мы будем придерживаться классификации соответствующей основным видам человеческой деятельности: труд, познание, художественно-эстетическая и социальная деятельность. Культурные коды обеспечивают целостность и воспроизводство социумов через ценностную парадигму, поддерживают социальную преемственность, интеграцию и адаптацию общества и отдельных социумов в процессе их существования.

Одним из самых универсальных предметных кодов культуры является жилище. Культурные коды обнаруживают свое значение особенно явственно в аффектах проживания человеком своих архетипических структур. Менталитет выступает в качестве способности к идентификации, которая проявляется в способности различных индивидов однозначно коррелировать символизируемое и символизирующее. В архаичном сознании, доминирующим способом мышления был путь именования и переименования предметов¹: он работал как часть другого механизма – механизма генеалогической связи и генетического порождения и имел космологический характер. Мышление также продуцировалось как изоморфизм, простирающийся до установления подобия между отдельными планетами, минералами, растениями, индивидами, социумами.

Культура выполняет свои функции коллективной небиологической памяти общества: в ее структуре функционируют знаковые системы и механизмы, обеспечивающих кодирование информации, ее хранение и транслирование из поколения в поколение через социализацию. Она является многоуровневой знаково-кодовой и моделирующей системой, которая как на

¹ Вольская Н. С. Семиотика древнегреческого мифа // Вопросы философии. 1972. № 4. С. 115–126.

стихийно-бессознательном, так и на сознательном уровне моделирует и программирует социальные процессы.

Эти теоретические соображения позволяют нам описать механизмы воспроизводства культуры в модернизирующемся обществе Китая как сложную систему нарративов, соподчиненных как по ценностной иерархической вертикали, так и по смысловой горизонтали.

Опираясь на традиционную марксистскую дифференциацию производственного базиса и идеологической надстройки, можно усмотреть в качестве базиса область производства смыслов и ценностей.

Область производственного базиса – это область общественных отношений, связанных с материальным и нематериальным производством. Произведенный в этой области продукт может рассматриваться как сообщение, ценность которого либо определена существующими культурными нормативами (тогда он попадает в область существующих нарративов и описаний), либо не определена. В последнем случае мы имеем дело с новацией (например, результатом художественного творчества), ценность которой нуждается в социальной атрибуции (т. е. произведенный инновационный продукт нуждается в оценке обществом в силу его новизны и существенной информативности). В производственной области доминируют как структурно сложившиеся нарративы, обладающие законченностью, так и *инновационные нарративы*, открытый характер которых требует времени для их осмысления и оценки обществом. К примеру, художественная продукция массовой культуры далеко не всегда обладает уникальными свойствами, но тем не менее она может репрезентовать отдельные достижения элитарного искусства или культурного наследия, стимулируя освоение обществом собственных наивысших достижений. Эту область можно охарактеризовать как область *обыденных нарративов*. Она, как правило, консервативна и не приемлет существенных революционных изменений, не подкреплённых идеологической доктриной пересмотра доминирующих стереотипов общественного сознания. Инновационные нарративы в ней появляются, но

далеко не всегда уживаются. Именно область обыденных нарративов нуждается во внешнем воздействии для стимулирования и направления социального развития в стратегически выверенном (спланированном) векторе.

Область производственного базиса обыденных нарративов, таким образом, нуждается в управлении – в идеологической надстройке, определяющей ценность (а значит приемлемость и применимость для целерационального общественного развития) инновационных нарративов. В традиционной культуре такая надстройка формировалась веками, закрепляясь в религиозных представлениях и мифологических концепциях. Так, к примеру, сформировались метанарративы христианского искупления, буддистского срединного пути (中道), пути Дао (道) или конфуцианской гармонии (諧). Это *метанарративы традиционных культур*. Они, как и традиционные культуры, имеют определенную географию распространения и доминирования в общественном сознании. Этот тип метанарративов отличается консервативностью в силу ориентации на завершенный характер описания истории. Социокультурное знание в этих метанарративах стремится к Абсолюту, к концептуальной завершенности, всеохватности и неизменности картины мира. Каждый из подобных метанарративов претендует на универсальность и всеобщность. Но эти свойства ограничиваются относительностью категории Абсолюта в рамках одной из множества существующих религиозных картин мира.

Научная картина мира, как метанарратив, основанный на утвердившихся теориях естествознания, так же достаточно консервативна, но более адаптивна к прорывным, революционным научным открытиям нежели метанарративы традиционных культур. В этом естествознание отличается от гуманитарных наук, в области которых сосуществуют несколько взаимоисключающих метанарративов. Причем многие из гуманитарных метанарративов основывается на собственных эпистемологических принципах, что порождает как пересекающиеся, так и непересекающиеся области описания реальности – *эпистемологические метанарративы*.

Примерами эпистемологических метанарративов могут служить исторический материализм¹, демократический релятивизм² или акторно-сетевая теория³. Эпистемологические метанарративы влияют, в том числе, на динамику развития научной картины мира в целом, стремящейся к универсальности научных представлений. Научная картина мира, таким образом, оставаясь структурно открытой, претендует в настоящее время на место *универсального общечеловеческого метанарратива*. Но следует учитывать открытый характер этого универсального метанарратива, что проявляется как в дискуссионности эпистемологических метанарративов, так и в культурно-исторической обусловленности развития научного знания.

Особое место среди обыденных нарративов и идеологических метанарративов занимают политические, нацеленные преимущественно на управление социальными процессами. Если все прочие нарративы и метанарративы апеллируют к истинности знания, т. е. целью повествования и каждого конкретного сообщения является установление или описание истины, то для политического повествования истинность / неистинность знания остается инструментом достижения цели – управления. Для политических нарративов или метанарративов первична не истинность знания, а его применимость для обеспечения эффективности управления социальными процессами. Так, к примеру, если технологии (естественно-научные или гуманитарные) обеспечивают скорость принятия управленческих решений или эффективность их исполнения, то они попадают в сферу политических нарративов и их развитие обеспечивается путем правового или силового перераспределения ресурсной базы жизнедеятельности общества в первую очередь. Остальное же научное знание остается за пределами политических интересов. То же касается всего объема социогуманитарного знания

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. Т. 3. С. 7–544.

² Бакуменко Г. В. Эпистемологический фронтир в культуре научной коммуникации после Пола Фейерабенда // Философская мысль. 2024. № 11. С. 1–11.

³ Latour, B. Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers through Society. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1987. 274 p.

(обыденного, религиозного, художественного) – политические цели и задачи определяют использование политическим нарратором (рассказчиком) определенного объема и качества знаний.

Сложно представить в современном обществе какую-либо область нарративов, которая не могла бы быть использована в политических целях. Исходя из этого следует различать политические нарративы и политические метанарративы по функциональным признакам.

К политическим нарративам следует относить обыденные нарративы, используемые в политических целях. К примеру, нарратив традиционной счастливой семьи (союз мужчины и женщины) с двумя детьми используется для устойчивого сдерживания стабильной демографической ситуации; известный в недавнем прошлом Китая нарратив «одна семья – один ребенок» был призван остановить демографический взрыв; в современной же России нарратив большой многодетной семьи (в том числе и статус матери-героини), напротив, призван стимулировать рост численности населения. Невозможно представить школьного учебника по истории не выполняющего одновременно функции исторического и политического нарративов. Исключительно функции политического нарратива выполняют пропаганда и реклама¹. Политический нарратив, таким образом отличается от метанарратива тем, что выполняет роль ретранслятора на различных носителях и различными средствами актуальных для нарратора описаний реальности. Люди в своей повседневной жизни также с легкостью становятся ретрансляторами политических нарративов, оставаясь в большинстве своем пассивными обывателями, склонным к конформизму. Политические нарративы, выполняя нагрузку трактовки реальности в повседневной жизни, могут пересекаться или полностью соответствовать эпистемологическим метанарративам, но в случае, если претендуют на замещение базовой функции эпистемологического метанарратива, начинают конструировать идеологизированное

¹ Bakumenko G. V., Biryukov I. L., Scherbak N. F., Luginina A. G. Hierarchical Metamodel of Communication in the Experience of Resacralization of Spiritual Practices // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2023. Т. 5. № 2. Р. 15–45.

эпистемологическое пространство. Такие эпистемологии реальности могут существенно отличаться от действительности, нарушая механизмы ориентации в ней общества и индивида¹.

Политический метанарратив отличается от политического нарратива своей *над-нарративной* функцией: часть существующих обыденных нарративов, а также исторических и эпистемологических метанарративов он организует в общую иерархическую систему смыслов, отсеивая или интерпретируя не подходящие для организации общей системы повествования. От эпистемологического метанарратива политический метанарратив заимствует функцию разграничения истинности, метафоричности, иносказательности или ложности описания реальности. Но отличается своей функцией направления ре-интерпретаций существующих повествований в конкретное желаемое русло: к конкретной политической цели. В этом смысле политический метанарратив по отношению к другим нарративам выступает в роли концептуальной метафоры, соподчиняя разрозненные повествования некоторой общей цели изменений реальности².

Политический метанарратив по отношению к другим нарративам выступает доктринальной платформой изменения реальности в запланированном направлении. Он является смысловым стержнем модернизации общества путем «мягкой силы»: когда общество само начинает интерпретировать реальность в определенных политическим метанарративом пределах значений. Он становится своего рода проспективным культурным кодом модернизирующегося (изменяющегося в спланированном направлении) общества и характеризует в нем особенности механизма воспроизводства культуры.

Управляющий потенциал политического метанарратива в модернизирующемся обществе прямо пропорционален количеству

¹ Бакуменко Г. В. Процесс символизации успеха как принцип пространственно-средовой ориентации элементов социокультурных систем // Политика и общество. 2015. № 7. С. 964–977.

² Lakoff G., Johnsen M. *Metaphors We Live By*. Chicago: The University of Chicago Press, 1980. 308 p.; Бакуменко Г. В., Бакланов И. С., Бакланова О. А. Нейрометафора пользовательского интерфейса Уильяма Гибсона // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2025. Т. 7. № 2. С. 275–305.

объединенных им в общую доктрину нарративов. Поэтому он не может игнорировать исторические метанарративы традиционной культуры, обедняя собственный управляющий потенциал. Более эффективной стратегией является опора на уже сложившиеся за века и тысячелетия исторические и эпистемологические метанарративы «превосходной традиционной китайской культуры» (中华优秀传统文化) с целью их ре-интерпретации для ре-моделирования современной культуры.

Таким образом, наличие политического метанарратива, опирающегося на уже сложившиеся за века и тысячелетия исторические и эпистемологические метанарративы, характеризует наиболее эффективную стратегию модернизации современного общества. Не разрыв с традицией определяет эффективность стратегии модернизации, а переосмысление и обновление традиции, иначе сама модернизация теряет смысловые и ценностные основания, подменяется деиндигенизацией автохтонной культуры и ее ассимиляцией инородными культурными нормативами. Такая подмена, как рассмотрено выше, ведет общество в инверсионную ловушку, нивелирует его способность к расширению мировоззренческого горизонта за счет медиации традиции и новации.

Решение задачи изучить механизмы воспроизводства культуры в модернизирующемся обществе в выбранном методологическом ракурсе указывает как на структуру механизма культурного воспроизводства, так и на условия его эффективности. Изучение механизмов воспроизводства культуры в модернизирующемся обществе позволило установить, что диалогическая концепция медиационного преодоления конструктивной напряженности между традицией и новациями А. С. Ахиезера позволяет наиболее адекватно описать принципы модернизации культуры современного Китая с учетом устойчивых констант (кодов) традиционной культуры. На обсуждение, соответственно, выносится положение, что диалогическая концепция медиационного преодоления конструктивной напряженности между

традицией и новациями позволяет прийти к переосмыслению понимания процесса модернизации, а также расширению мировоззренческого горизонта в отношении преобразования традиционной китайской культуры в парадигме цифровой модернизации. Если целью общества и государства, как наивысшего системного проявления культурной общности, является планомерное расширение мировоззренческого горизонта личности, то механизм воспроизводства культуры должен состоять из трех важнейших элементов: 1) традиционная культура составляет ценностно-смысловой базис культурной идентичности общества; 2) инновационная культура призвана рекомбинировать накопленный опыт и новые достижения; 3) необходим управляющий центр развития в лице рационально организованной системы государственного управления для снижения противоречий между традицией и новациями путем выработки медиационных управляющих метанарративов.

1.3. Модель медиации традиции и новации в условиях модернизации Китая*

Культура современного Китая тесно переплетена с историческим культурным наследием тысячелетней китайской цивилизации. Не удивительно, что исторические метанарративы традиционной китайской культуры значительно отличаются от метанарративов достаточно молодых культур Запада. И даже на уровне специфики формирования кодов (*констант*¹) китайской культуры существуют принципиальные отличия смыслоопределения, предполагающие, с одной стороны, неполноту их описания с позиций сформировавшихся в западной науке теорий, а с другой –

* При написании параграфа использованы материалы опубликованных исследований соискателя, включая научные статьи, указанные в списке использованной литературы под №№ 196.

¹ Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М.: Акад. проект, 2001. 990 с.

принципиальную неполноту самоописания продолжающей интенсивно развиваться культуры Китая.

Историческую традиционную культуру Китая характеризует сложный комплекс факторов становления, развития, диалога и взаимопроникновения мировоззренческих концепций конфуцианства, буддизма и даосизма. Сложный *культурогенез*¹ традиционной культуры Китая определяет специфику его цивилизационного развития: по существу китайскую цивилизацию характеризует именно постоянное диалогическое взаимодействие мировоззренческих *констант* и *концептов*² трех основных мировоззренческих концепций. Причем это взаимодействие признается адептами всех трех религий незавершенным в силу самого неопровержимого факта присутствия оппонентов диалога. Поэтому помимо наличия ценностно-смысловых констант, так или иначе выраженных словом, в китайской традиционной культуре присутствует некая неписанная ценностная константа, которая лишь частично может быть описана посредством базовых для китайского мировоззрения категорий как некая сумма едва уловимых значений: Дзэн (禪) + Дао (道) + Хэ (諧) (дословно: «созерцание» + «путь» + «гармония»). Ценность этой незримой, нематериальной и не поддающейся в полной мере словесному описанию константы определяется ее местом в структуре китайской культурной идентичности. Для адептов религиозного мировоззрения традиционных для различных регионов Китая конфессий одна из перечисленных категорий выражает в языке указание на наличие Абсолюта, а две другие на невозможность его точного определения (примерно, как для христианина непостижимость божественного промысла, божественной истины или чуда). Но даже для нерелигиозного китайца (агностика или же убежденного атеиста, приверженца официальной государственной идеологии на основе марксистской доктрины исторического материализма) культурно-историческая ценность трех базовых мировоззренческих категорий (禪 + 道 +

¹ Флиер А.Я. Культурогенез. М., 1995. 128 с.

² Степанов Ю. С. Указ. соч.

諧) очевидна, поскольку предопределяет особое отношение к реальности, т. е. сам способ мыслить о реальности.

Свойственные европейским языкам *бинарные оппозиции* («верх – низ», «добро – зло», «свет – тьма» и др.)¹ в культурно-историческом контексте традиционной китайской культуры дополняются неразрывным диалогическим единством противоположностей. При этом аналитическая ценность дихотомии противоположностей (включая, «Запад – Восток», «традиция – новация», «прошлое – будущее» и др.) не исключается, но подразумевается именно приходящая временность дихотомической оппозиции. Сущность же явлений предполагается не во взаимоисключающей временной ситуации противопоставлений, а в диалектико-диалогическом неразрывном и одновременно не смешиваемом соприсутствии одного в другом. Из этого диалектико-диалогического единства противоположностей и выстраивается концепция *срединного пути* (中间道路), получающая закрепление в конфуцианстве и универсальной для китайской культуры ценностно-этической максиме «не – не» (不要不向), подразумевающей медиативную стратегию преодоления дихотомии противопоставлений: продвижение к цели, не отклоняясь ни в ту, ни в другую сторону. Этой максиме в китайском языке противопоставлены и антонимы-пословицы: «сосредоточься на этом и игнорируй то» (重视这个, 忽视那个) или «выслушай одну сторону истории и поверь ей» (只听一面之词, 并深信不疑). Но в отличие от устойчивой истинности «не – не» (不要不向), они отражают ситуативность и временность одностороннего выбора.

Таким образом, нормы китайской культуры не исключают односторонний выбор между существующими альтернативами, но подчеркивают его исключительный и временный характер. Модель медиации же «не – не» (不要不向) подчеркивается нормами китайской культуры как

¹ Jakobson, R. Language in Literature / eds. K. Pomorska, S. Rudy, Harvard University Press, 1987. 548 p.

преимущественно верное решение любой дилеммы. Преодоление дихотомии между традицией и современностью, между китайской и западной культурой, осознанное единение между историческим и современными аспектами традиционной культуры, соединение исторической традиции, настоящего и будущего, встреча с миром и будущим человеческой цивилизацией на основе медиации заложено в ценностно-нормативном потенциале традиционной китайской культуры.

Вместе с тем было бы неверно считать, что медиативная ценностно-нормативная модель традиционной китайской культуры разрешает все противоречия.

К примеру, конфуцианство, занимающее центральное место в традиционной культуре, утверждает, что доброжелательный человек должен любить людей, говорить о нравственности, благодетии и праведности и практиковать нравственность как дополнение к наказанию. Однако легизм выступает за верховенство закона и учение о законе, подчеркивая, что нет различий между родством и превосходством, и что закон должен применяться ко всем¹. Конфликт между эмоциями и законом всегда существовал в традиционной культуре и постоянно разыгрывался, являясь, к примеру, стержнем сюжетной фабулы традиционной китайской оперы².

Другой пример – конфликт между сыновней почтительностью и любовью в социальной этике. Как гласит древняя пословица, «сыновняя почтительность – первая из всех добродетелей» (孝为百善之首). Это означает, что сыновняя почтительность и уважение к родителям являются традиционными китайскими добродетелями. Только человек, который проявляет сыновью почтительность и уважение к родителям, может быть

¹ 王小石: 如果中国陷入动乱, 只会比苏联更糟, 新华社, 2013年8月1日. [Ван Сяоши. Если Китай погрузится в хаос, это будет хуже, чем Советский Союз // Агентство новостей Синьхуа. 2013. 1 авг. – на кит. яз.]. URL : <http://opinion.people.com.cn/n/2013/0801/c1003-22406106.html> (дата обращения : 14.12.2023).

² 徐 亚 妮 莉. 中 国 歌 剧 如 何 成 为 文 化 遗 产 的 一 部 分 // 社 会 科 学 哲 学. 2015. № 4. С. 25-31.; 唐 珍. 京 剧 翻 译 中 的 异 化 和 归 化 // 安 徽 工 业 大 学 学 报 (社 会 科 学 版). 2015. № 5: 60–61. [Тан Чжэнь. Отчуждение и натурализация при переводе Пекинской оперы // Журнал Аньхойского технологического университета (издание в области социальных наук). 2015. № 5. С. 60–61. – на кит. яз.]

предан своей стране, пользоваться доверием друзей¹. На протяжении тысячелетий, особенно во времена династии Хань, когда почиталось конфуцианство и сыновняя почтительность правила миром, каждому императору перед его посмертным титулом часто давали слово сыновняя почтительность, например императоры Сяовэнь и Сяову. Молодежи прививалась сыновья почтительность путем обязательного чтения классических произведений («Правила учеников», «Классика сыновней почтительности», «Классика трех характеров» и др.). Однако в реальной жизни часто возникает конфликт между сыновней почтительностью и любовью, обе эти вещи необходимы и соответствуют ценностям традиционной китайской культуры, но выбор может быть противоречивым² и может привести к ощущению психологического дискомфорта и поведенческой неопределенности³, как игра разума против справедливости, эффективности против свободы.

Конфликт исторически сложившейся традиции и современности стал одним из наиболее существенных в культуре Китая, предопределив социальные потрясения первой половины XX в.

Колониальная политика ряда западноевропейских государств на территории Китая вела к расчленению страны на зоны политико-экономического влияния и существенному культурному разрыву традиционного общинного уклада хозяйствования на селе с «вестернизированными» активно развивающимися крупными городами Китая. Соседняя Япония взяла на вооружение идеологию модернизации экономической жизни как «вестернизации». «Вестернизация», также известная как *деиндигенизация*⁴, относится к процессу, в ходе которого страна

¹ Цит. по: Хань Чжэнь, Чжан Вэйвэнь. Система китайских ценностей / Китайская академия общественных наук / пер. с кит. яз. под рук. В. Г. Бутова. М.: Издательство «Весь Мир», 2020. С. 78.

² 姚洋: 中国式现代化, 观察者网2013年12月10日, 2020年8月18日. [Яо Ян. Модернизация в китайском стиле // Гуаньча. 2013. 10 дек. – на кит. яз.]. URL : https://www.guancha.cn/YaoYang/2013_12_10_191547_s.shtml (дата обращения : 14.12.2023).

³ Там же.

⁴ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева. Ю. Новикова. М: ООО «Издательство АСТ», 2003. 603, [5] с.

или регион усваивает западную культуру и превращается в социальную форму, соответствующую западным ценностям. Термин «вестернизация» активно стал использоваться в Японии во время реставрации Мэйдзи. Канагавский договор был подписан между США и японским сёгуном в 1854 г. Япония впервые открылась для других стран, кроме Китая и Нидерландов, а в последующие месяцы Япония подписала мирный договор с Россией и Великобританией. Япония была настолько впечатлена достижениями Запада, что решила учиться у него на всех фронтах. Известный японский мыслитель Фукудзава Юкити четко заявил, что для модернизации Японии необходимо «покинуть Азию и войти в Европу... Только современные западные страны принадлежат к цивилизованному миру, а страны и народы за пределами Запада – к варварскому миру, и ни буддизма, ни конфуцианства недостаточно, чтобы вывести Японию из варварского мира»¹. Отсюда легко понять, что Фукудзава понимал модернизацию исключительно как вестернизацию. Однако, хотя эта «тотальная вестернизация» обогатила Японию, деиндигенизация привела к тому, что многие японцы и по сей день не считают себя азиатами, а идея «ухода из Азии в Европу» была полна презрения и ненависти к другим народам, что стало идеологическим корнем войн и актов агрессии Японии.

С конца правления династии Цин Китай подвергся вторжению западных держав, и многие интеллектуалы считали, что проблема заключается в феодальной культуре, поэтому они выступали за отказ от всей китайской культуры и поиск нового пути, перенимая западные ценности. В 1919 г. У Юй, Ху Ши и другие призывали к свержению традиционной китайской культуры, провозгласив *Движение за новую культуру* (кит. трад. 新文化運動, упр. 新文化运动). В 1929 г. Ху Ши написал книгу Ху Ши «Культурный конфликт в современном Китае», официально предложив термин «полная вестернизация»

¹ 福泽谕吉 著, 北京编译社: 《文明理论导论》[M.;], 北京: 商业北京; 商务印书馆, 2014: 153. [Фукудзава Юдзи. Введение в теорию цивилизации. Пекин : Коммерческий Пекин; Коммерческая пресса, 2014. С. 153. – на кит. яз.]

и повторив, что Китай должен полностью принять современную цивилизацию. Очевидно, что модернизация, которую понимали китайские интеллектуалы в то время, была тождественна вестернизации¹.

Путь вестернизации выбрала в начале XX в. и Турция. Под эгидой турецкого правительства были созданы образовательный и творческие институты для распространения западной культуры. Западные фильмы, музыка и развлекательные программы доминировали в эфире, университеты были адаптированы к западным моделям, принимая западные учебные программы и обучая студентов западным ценностям; хотя от западной одежды отказались в пользу традиционной. Попытки Кемаля продвинуть Турцию на Запад, к изобилию, к современности, не увенчались успехом. В определенной степени он достиг своей цели лишь в плане индустриализацию экономики. Однако тот факт, что турки были мусульманами, не позволил им интегрироваться в Европу, как сказал президент Озал: «Мы – мусульмане, они – христиане». Результатом этой массовой вестернизации стал кризис идентичности и социальный раскол в стране. Приняли ли западные страны Турцию с распростертыми объятиями? Заявка Турции на вступление в Европейский Союз неоднократно отклонялась, и, несмотря на полную вестернизацию, турки верят не в Бога, а в Аллаха, и Запад не примет Турцию по-настоящему².

В случае бывшего Советского Союза, который после Второй мировой войны находился в состоянии холодной войны с Западом, Горбачев, став Генеральным секретарем КПСС, выступал за миролюбие. «Цели реформ в

¹ 胡适. 编辑后记[A]. 《独立评论》第142号[A]. 胡适文集: 第11卷[M]. 北京: 北京大学出版社, 1998. 第833页. [Ху Ши. Собрание сочинений. Пекин, 1998 б. Т. 11. 833 с. – на кит. яз.]; Киселев В. А. Ху Ши о культурах Востока и Запада и будущем мировой философии // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2015. № 4. С. 176–185.; Гао Цин. Лян Шумин и Ху Ши о китайской и западной культуре: философские дискуссии в 1920–1930 гг. // Общество: философия, история, культура. 2025. № 3. С. 85–91.; Ломанов А. В. Либерализм и вестернизация в спорах 1930-х годов о будущем китайской культуры // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 5. С. 112–125.

² 李宁: 论凯末尔世俗化改革的文化向度及其当代启示[J], 《西华师范大学学报: 哲学社会科学版》. 2018(01): 89–94. [Ли Нин. О культурной направленности секуляризационной реформы Кемаля и ее современном воплощении // Журнал Западно-Китайского педагогического университета. Издание по философии и социальным наукам. 2018. № 1. С. 89–94. – на кит. яз.]

Советском Союзе были поставлены по образцу западного общества»¹. С этого момента Советский Союз начал потворствовать Западу: «Голос Америки» и голливудские фильмы пропагандировали западные ценности, а СМИ распространяли негативные новости о социальной реальности СССР, что привело к замешательству среди советской общественности и разрушению идеологических основ, на которых народ опирался 88 лет. Распад Советского Союза стал национальной катастрофой: шесть из одиннадцати стран СНГ пережили войны, а бывший президент Украины Кравчук заявил: «Если бы я знал, что страна дойдет до такого трагического состояния, я бы скорее отрубил себе руку, чем подписал Беловежское соглашение, которое привело к распаду Советского Союза»². Как мы видим, тотальная вестернизация приводит к кризису культурной идентичности, делая нацию неспособной найти свои корни, приводя к разрыву общества и ввергая страну во внутренние конфликты.

В своей книге «Столкновение цивилизаций» американский ученый Сэмюэль Хантингтон пишет, что все большее число незападных стран модернизировались и, сделав это, отвергли западные ценности и возродили свои коренные культуры – явление, известное как «возврат к индигенизации»³. Многие китайские ученые также используют выражение «возвращение к локализации», когда говорят о модернизации традиционной китайской культуры, но это не совсем точное использование термина.

Интеллектуалы движения «Новая культура», такие как Ху Ши, предлагают «тотальную вестернизацию» и провозглашают, что Китай должен полностью принять современную цивилизацию. Однако Ху Ши также писал: «Читая книгу господина Лян Шумина «Культура Восток-Запад и ее

¹ 孙劲松, 闫丽娟: 苏联解体前放弃意识形态主导的教训[J], 《科学社会主义》. 2020 (05): 148–153. [Сунь Цзиньсун, Янь Лицзюань. Уроки отказа от идеологического господства перед распадом Советского Союза // Научный социализм. 2020. № 5. С. 148–153. – на кит. яз.]

² Цит. по: 孙劲松, 闫丽娟: 苏联解体前放弃意识形态主导的教训[J], 《科学社会主义》. 2020 (05): 148–153. [Сунь Цзиньсун, Янь Лицзюань. Уроки отказа от идеологического господства перед распадом Советского Союза // Научный социализм. 2020. № 5. С. 148–153. – на кит. яз.]

³ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева. Ю. Новикова. М. : ООО «Издательство АСТ», 2003. С. 86.

философия», что проблема культуры Восток-Запад очень сложна и никогда не может быть полностью решена путем “выкорчевывания” или “превращения ее в глобальную культуру”»¹. Вопрос о взаимоотношении культур Восток-Запад сложный. Видно, что интеллектуалы движения «Новая культура» боролись с противоречиями и колебаниями. Идея срединного пути в традиционной культуре укоренялась в китайском мышлении на протяжении тысячелетий и имела сильную сторону в мощном механизме стабильной преемственности культуры. С одной стороны, они размышляли о «тотальной вестернизации», а с другой стороны, хотели достичь «предельной пустоты и молчать», то есть достичь срединного пути единства между изменением и неизменностью. Именно этот срединный путь – слишком много и слишком мало – побудил китайцев исследовать степень модернизации традиционной культуры с новейших времен, то есть найти наилучшую степень, наиболее подходящее равновесие, наилучшее решение среди множества противоположных и объединяющих факторов.

С точки зрения правительства поздней Цин, западная школа считала, что традиционная китайская система была совершенной, а западная наука и технология – передовой, и что следует учиться у передовой западной науки и технологии, не трогая феодальную систему, о чем свидетельствует принцип западной школы «китайское обучение как тело, западное обучение как применение». С точки зрения правительства поздней Цин ни *непримиримая фракция*, ни фракция *западников* не выступали за массовую вестернизацию; они обе считали свою собственную систему и культуру совершенной, за исключением того, что непримиримая фракция была консервативной, а фракция западников больше выступала за изучение передовых западных наук и технологий.

¹ 胡适：中国今日的文化冲突，《胡适全集 第36卷》[M.]，合肥：安徽教育出版社，2003年9月1日。383 页。[Ху Ши. Культурный конфликт в современном Китае // Полное собрание сочинений Ху Ши. Хэфэй : Anhui Education Press, 2003. Т. 36. 383 с. – на кит. яз.]

В последнее время, столкнувшись с влиянием и вызовом западной культуры, многие ученые и исследователи начали изучать вопрос: как модернизировать традиционную культуру через самоанализ? Построение сильной культурной нации в новую эпоху означает, что ни западная культура, ни традиционная культура не должны примитивно копироваться. Кроме того, традиционная культура должна быть тщательно отобрана, и на основе следования пути культурного развития социализма с китайской спецификой, отличная иностранная культура должна быть поглощена и заимствована. Важность в том, чтобы национальная передовая социалистическая культура, которая является, современной и инклюзивной, способствовала благотворному развитию традиционной культуры в направлении модернизации.

Проблема отношения к традиционной культуре существенна для политики и практики развития Китая. Это подчеркивал Председатель КНР Си Цзиньпин. Термин «традиция» относится к культурным образам и цивилизационным достижениям, которые развивались, передавались и накапливались на протяжении всей истории. Часто это звучит в контексте традиционной китайской культуры, в то время как модернизация относится в основном к процессу перехода от традиционного к современному обществу. Перед лицом исторических противоречий и практических проблем, только всесторонний и объективный взгляд на отношения между традиционной культурой и модернизацией, а также придание культуре современного характера на основе ее корней в превосходной традиционной культуре, может способствовать здоровому развитию китайской культуры, сохраняя ее историческую родословную.

Вопрос о том, как относиться к традиционной китайской культуре, является предметом дебатов и в академическом мире. После Опиумной войны, чтобы изменить ситуацию отсталости и поражения, общественные деятели и ученые начали исследовать путь спасения и выживания на разных уровнях. В этом контексте вопрос о том, что делать с традиционной культурой, породил

противостояние между «культурным радикализмом» и «культурным консерватизмом».

Культурный радикализм возник в конце XIX – начале XX вв., когда Фань Цон провозгласил, что Великое правительство и закон Гонконга, универсальная конституция и единые законы, четыре школы для народа, обычаи и традиции народа были реформированы и искоренены, и что нужно следовать западным ценностям. С возникновением движения «Новая культура» культурный радикализм стремительно развивался. Чэнь Дусю и другие радикалы считали, что для того, чтобы избавиться от гнета великих держав и добиться национального омоложения, необходимо искоренить старую культуру и учиться на культурных достижениях Запада. В 1930-х гг., перед лицом возобновления пропаганды традиций, Ху Ши призывал «Идите на Запад» и «Учитесь у других всем сердцем», основываясь на своей критике и неприятии традиционной культуры. Призыв к «возвращению к движению Четвертого мая» вновь вывел на передний план дебаты между традициями и современностью. Культурный радикализм достиг своего пика с публикацией «Речной элегии»¹. Острая необходимость модернизации и ощущение кризиса, требовавшего национального возрождения, привели многих литературоведов на путь антитрадиционализма. Однако культурные радикалы рассматривали традиционную культуру, представленную конфуцианством, с политической точки зрения, с определенной степенью фрагментации.

Коннотация культурного консерватизма относится, по мнению Чэнь Лая, с одной стороны, к факту сохранения традиционных гуманистических ценностей и противостояния культурной вульгаризации в рыночном обществе². Культурный консерватизм был на переднем плане еще до Опиумной войны. Чтобы защитить династию Цин от западного вторжения, Чжан Чжидун в своем «Убедительном эссе» выдвинул идею «использования

¹ Хузиятова Н. К. Становление и развитие модернизма в современной китайской литературе // Вестник ЧелГУ. 2008. № 36. С. 143–147.

² 乌杰主编《马克思主义的系统思想》，出版社：人民出版社，1991年6月：228. [Систематическая идея марксизма / ред. У Цзе. Пекин : Народное издательство 1991. С. 228. – на кит. яз.]

китайского тела и Запада», которая выступала за использование конфуцианской этики в качестве ядра, дополненной передовой западной наукой и технологией и образовательными системами. После китайско-японской войны националисты во главе с Чжан Тайянем призывали к сохранению культуры для спасения страны и нации, и на основе двустороннего осмысления китайской и западной культуры сущность национализма, или китайской культуры, была принята в качестве основы для выживания страны. После 1930-х гг. современное неоконфуцианство стало представителем культурного консерватизма¹. Современный культурный консерватизм был основным фактором в передаче и развитии конфуцианства. Современный культурный консерватизм внес выдающийся вклад в наследование и сохранение выдающейся китайской культуры, пытаясь воссоздать новую культурную систему, основанную на двустороннем самоанализе. Однако точный путь «культурного развития» все еще открыт для дальнейших дискуссий.

Чэнь Лай классифицирует культурные конфликты между Востоком и Западом, древним и современным, как конфликт между «ценностной рациональностью» и «инструментальными идеалами». «Радикалы признают развитие инструментальной рациональности как особенность западной цивилизации, а сторонники сохранения культуры бессознательно играют роль защитников ценностной рациональности»². Однако постоянные дебаты и «двусторонний» разрыв ценностей в конечном итоге привели к неоднозначному отношению к традиционной культуре в обществе. Высокие ценности, которые когда-то были в почете, утрачены в реальной жизни. Вместо того чтобы принять девиз «за взлет и падение мира отвечает человек», люди стремятся использовать «инструментальную рациональность» в

¹ 牢记历史经验历史教训历史警示 为国家治理能力现代化提供有益借鉴, 人民网, 2014年10月14日. [Си Цзиньпин. Вспоминая исторический опыт, уроки и предостережения для модернизации национального управления // Жэньминь Жибао. 2014. 14 октября. – на кит. яз.]. URL : <http://cpc.people.com.cn/n/2014/1014/c87228-25826757.html> (дата обращения : 14.12.2023).

² 陈来著《传统与现代:人文主义的视界》, 北京:三联书店, 2009年: 39. [Чэнь Янь. Традиция и современность: видение гуманизма. Пекин: Книжное издательство «Саньлянь», 2009. С. 39. – на кит. яз.]

качестве критерия, чтобы заикнуться на реалистичных и выгодных соображениях. Между духовным и материальным существует огромный разрыв. Великий «идеал» был осмеян как «мечта дурака», а классические произведения, такие как «Сон в красной палате» и «Романс о трех царствах», постоянно подвергаются деконструкции и пародированию.

В «Размышлениях о модернизации китайской традиционной культуры» Си Цзиньпин отметил, что «великие социальные изменения в современном Китае – это продолжение наших исторических и культурных мастеров, не говоря уже о пересказе зарубежных современных разработок»¹. Для содействия модернизации и трансформации традиционной китайской культуры необходимо преодолеть дихотомию между традицией и современностью, придерживаться автономии пути и постоянно содействовать творческому преобразованию и инновационному развитию китайской культуры.

Мы полагаем, что разрешение противоречий между старым и новым лежит на пути выхода за рамки дихотомической модели. В то время, когда происходят политические и экономические реформы, культурные преобразования все чаще выходят на передний план, порождая множество горячих дебатов и споров и постепенно формируя дихотомию между традиционным и современным мышлением. Однако, с одной стороны, отношения между традицией и современностью различаются только в плане временной последовательности, а не в плане абсолютной противоположности, превосходства или неполноценности. История непрерывна, даже если она иногда выражается через репрезентативные события, происходящие в течение определенного периода времени, но признание этапов истории не может отрицать ее непрерывности. С другой стороны, хотя верно, что модернизация началась на Западе и что процесс западной модернизации дал плодотворные

¹ Цит. по : 李双套 : 传统文化现代化 : 何谓、为何与何为 ? [J], 《社会科学文摘》, 2020 (01) : 8–10. [Ли Шуантоу. Модернизация традиционной культуры: что это такое, зачем и в чем она заключается? // Дайджест социальных наук. 2020. № 1. С. 8–10. – на кит. яз.]

результаты, модернизация – это не то же самое, что вестернизация. Модернизация культуры Китая основывается не на фетишистском отношении к западной культуре, признании ее целиком и без разбора, а на основе самодостаточности, активно впитывающей передовые иностранные достижения. Методология новаций – это, как принято в китайской политической лексике, приверженность пути китаизации марксизма, которая представляет собой сочетание марксизма и лучшего из традиционной китайской культуры. Путь марксистской китайскости есть исторический выбор пути модернизации и развития традиционной культуры в соответствии с китайской действительностью.

В настоящее время доминирует точка зрения, что после XVIII Всекитайского съезда победила стратегия Си Цзиньпина¹. Его мысль о социализме с китайской спецификой в новую эпоху наметила всеобъемлющий путь для внутреннего развития и стала стратегией для развития международного сообщества на основе концепций «Один пояс, один путь» и «Сообщество человеческой судьбы». Созданная стратегия дает ответ на вопрос «Что есть Китайская мечта?»². Можно согласиться с тем, что особенности этнического и цивилизационного развития накладывают отпечаток на стиль и логику социального мышления. Медиация социальной среды не ослабила, а усилила это воздействие.

«Китайская мечта» – это есть курс на национальное возрождение, поддержанный Председателем КНР Си Цзиньпином как лидером «пятого поколения руководителей». Не будет преувеличением сказать, что эта концепция стала одной из двух несущих конструкций политической линии Си Цзиньпина³. Впервые эта социальная стратегия декларирована в конце 2012 г., стартовала в ноябре 2013 г. Истоки этого порыва уходят в социальную борьбу периода Опиумных войн (170 лет назад). Достижение намеченной в

¹ Ван Вэй. Некоторые вопросы социально политического курса «Китайская мечта о великом возрождении китайской нации» // Власть. 2018. Т. 26. № 7. С. 240.

² Ши Цюнь, Данильченко Т. Ю., Гангур Н. А. Что такое китайская мечта // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 10. С. 87–93.

³ Зуенко И. Ю. Китай в эпоху Си Цзиньпина. М. : Издательство АСТ, 2024. С. 46.

стратегеме «китайской мечты» цели ожидается достигнуть к 2049 г. (юбилей образования КНР). Стратегемы Китайской мечты¹ включают в себя совершенствование государственного управления, преодоление коррупции, повышение жизненного уровня населения, ориентация на мир во внешней политике, следование курсу «Один пояс – один путь», преодоление социального разрыва бедных и богатых.

Стратегемность мышления является важной чертой политической и дипломатической жизни и психологии в Китае². Например, стратегемная искусность политической прагматики индусов строилась на астрономических предсказаниях³. Логика «китайской мечты» направлена на модернизацию поведения людей, изменений политической культуры, что провоцирует ряд конфликтов⁴. Считается, что то, как надо управлять государством в китайской традиции уже сформулировано Конфуцием и другими мудрецами. Стратегема реформирования – «древность на службе современности» ориентирована на развитие новых идей путем переосмысления культурного наследия⁵. В наше время в основу «китайской мечты» заложена идеология сильного государства с максимальным использованием «мягкой силы». «Мягкая сила» рассматривается как инструмент превращения государства в могучую страну, трансформирующую мир с помощью культурных практик⁶. Рост «мягкой силы» мыслится так же, как действие консолидирующих сил социалистической идеологии: формирование гармоничной культуры, воспитание цивилизованных отношений; распространение национальной культуры и строительство общего духовного очага китайской нации; продвижение новаторства в культуре, усиление ее жизненной силы. Главным глобальным проектом КНР по выходу китайской культуры «вовне» является

¹ Ван Вэй. Некоторые вопросы социально политического курса «Китайская мечта о великом возрождении китайской нации» // Власть. 2018. Т. 26. № 7. С. 240.

² Ознос Э. Век амбиций: богатство, истина и вера в новом Китае. М. : АСТ, 2016. 528 с.

³ Киссинджер Г. О Китае. М. : АСТ, 2014. 635 с.

⁴ Данильченко Т. Ю. Лакуны в мыслительных стратегиях Запада и Востока // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 5. С. 22.

⁵ Киссинджер Г. О Китае. М. : АСТ, 2014. 635 с.

⁶ Ознос Э. Век амбиций: богатство, истина и вера в новом Китае. М. : АСТ, 2016. 528 с.

создание сети Институтов Конфуция по всему миру¹. Идея «китайской мечты» содержит в себе общечеловеческое процветание, демократию, гармонию, свободу, равенство, справедливость, верховенство закона, доверие, преданность, патриотизм, братство. Взаимовыгодное сотрудничество Китая и других стран видится в выдвинутой Китаем инициативе сотрудничества в рамках концепции «Один пояс – один путь». Реализация проекта откроет перед КНР новые преимущества. Этот проект способствует долгосрочному осуществлению «китайской мечты».

Таким образом, в целом концепция «китайской мечты» подобна Программе коммунистического строительства в СССР². Идеология китайской мечты также предполагает превращение КНР в могущественное государство, построение «гармоничного общества» и «гармоничного мира». Китайская мечта отнюдь не есть мечта о гегемонии над миром, это мечта о мирном сосуществовании, о взаимном выигрыше³. Построение китайского коммунизма включает использование западных достижений путем рекомбинирования капитализма и социализма, свободного рынка и государственного регулирования, торгового доминирования и идеологической ориентации, осуществление модернизации с китайской спецификой, в том числе использование «мягкой силы» Китая.

Однако надо понимать, что дискурсы и нарративы с китайской спецификой содержат стратагемы умолчания, стратагемы непрямого действия. В чем-то это можно уподобить диалектике. Ф. Жюльен, характеризуя китайский дискурс, пишет, что китаец не излагает напрямую то, что думает, а удовольствуется аналогией и тем, чтобы собеседник самостоятельно вывел из его посылки заключение. Российский теоретик

¹ Ковалев С. М., Абрамова Н. А. Интерпретация содержания новейшей идеологии КНР «Китайская мечта» в исторической ретроспективе // Россия и Китай: Проблемы стратегического взаимодействия. Вып. 20 : сб. Восточного центра. Чита : Забайкальский гос. ун-т, 2017. С. 56–60.

² XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. М.: Госполитиздат, 1962. Стенографический отчет. Т. 1–3. URL: https://archive.org/details/22nd_Congress_CPSU_17_31_Oktiabria_1961/22nd_congress_CPSU_17_31_oktiabria_1961_Vol_1/page/3/mode/1up (дата обращения: 01.06.2024).

³ Цит. по: Хань Чжэнь, Чжан Вэйвэнь. Система китайских ценностей / Китайская академия общественных наук / пер. с кит. яз. под рук. В. Г. Бутова. М.: Издательство «Весь Мир», 2020. С. 24.

Т. Ю. Данильченко так характеризует «фигуры умолчания»: если аристотелевская логика линейна, однозначна, нацелена на заполнение лакун, то китайский прием использует лакуны как средство изложения мысли; конфуцианская логика витиеватая; китайская методика полагает изначально, что собеседник призван сам завершить недосказанное умозаключение¹.

А. В. Маслов называет следующие особенности мышления китайцев, проявляющиеся в коммерческом менеджменте: коррелятивное мышление, предпочтение лучшего варианта по обстоятельствам, а не по договоренности; тактика уловок в переговорах; тактика «мягкой силы» в переговорах (они ждут пока соперник не ослабнет); слово «да» в китайской лексике многозначно, элемент многозначной логики; «да» у них прежде всего элемент вежливости, а не предметного согласия, традиционно китайские бизнесмены ориентированы на семейную матрицу². Понятие культура для китайцев синонимично понятию «семейная культура» (традиция от Конфуция³), а остальной мир – чужой. Говоря о цивилизационных особенностях логики китайцев:

– в отличие от объективистской логики Запада («Платон мне друг, но истина дороже») логика китайцев на первое место ставит этику, семейные ценности;

– мышление китайцев изначально работает не в двузначной, а в многозначной логике и нацелено на новации⁴;

– логика китайцев доминантой делает не борьбу, а примирение противоположностей;

¹ Данильченко Т. Ю. Текст, перевод и лакуны религиозного сознания // Образование и наука в высшей школе: современные тренды: матер. междунар. науч.-практ. конфер., посвящ. 50-летию Краснодарского государственного института культуры. Краснодар : Краснодарский государственный институт культуры. 2016. С. 118–122.

² Алексей Маслов: «Мы плохо понимаем, что в реальности происходит в Китае» // Финверсия [Сайт]. URL : <https://www.finversia.ru/news/events/aleksei-maslov-my-plokho-ponimaem-cto-v-realnosti-proiskhodit-v-kitae-41599> (дата обращения : 14.12.2023).

³ 贺麟: 儒家思想的新开展[M], 《文化与生活》. 北京: 商务印书馆. 2015年10月: 3–5. [Хэ Линь. Новое развитие конфуцианства. Культура и жизнь. Пекин: Коммерческая пресса, 2015. С. 3–5. – на кит. яз.]

⁴ 李凤亮, 古珍晶: 新时代中华优秀传统文化现代化转换的价值、路径及原则[J], 东岳论丛. 2020, 41 (11) : 111–118. [Ли Фэнлянь, Гу Чжэньцзин. Ценность, путь и принципы модернизации и преобразования превосходной традиционной культуры Китая в новую эпоху // Теория Дунъюэ. 2020. Т. 41. № 11. С. 111–118. – на кит. яз.]

– логика стратагем непрямого мышления означает, что доминирует умозаключение от противного, предполагающее возможность «додумывания» итогового заключения.

Содействуя творческому преобразованию и инновационному развитию прекрасной традиционной культуры, Председатель КНР Си Цзиньпин отметил, что «продвижение творческого преобразования и инновационного развития превосходной китайской традиционной культуры может стать духовным руководством для народа»¹. Это обусловлено тем, что с точки зрения внутренней логики культурного развития, наследование и инновации являются ключом к поддержанию жизнеспособности культуры. Культура, которая не наследуется, в конце концов забудется и исчезнет, а культура без инноваций легко потеряет свою жизненную силу и активность развития. Во-вторых, традиционная китайская культура зародилась тысячу лет назад и передавалась через несколько династий, поэтому культура, дошедшая до наших дней, должна иметь определенные ограничения, но все еще полна глубоких гуманистических ценностей. Это требует, чтобы при наследовании традиционной китайской культуры мы не отдавали предпочтение прошлому перед настоящим, не разводили исторические и культурные традиции Китая. После династий Сун и Юань китайская живопись приняла новое направление, с формированием регионального стиля, в котором доминировала живопись литераторов, стиль живописи, построенный на ценностях литераторов в нижнем течении реки Янцзы, который постепенно превратился в эстетическое направление «тушь и смывка», включая установление стандартов вкуса и суждений. Являясь продуктом развития китайской живописи на определенном этапе истории, литературная живопись продемонстрировала свою специфику в многообразии культур по всему миру. Это региональное влияние распространилось на периферию в ходе истории, и после того, как литераторы сдали императорские экзамены, чтобы стать чиновниками в столице, они

¹ 习近平.《中国共产党第十九次全国代表大会报告摘编》，北京：人民出版社，2017：23。 [Си Цзиньпин. Выдержки из доклада XIX Национального съезда Коммунистической партии Китая. Пекин : Народное издательство, 2017. С. 23. – на кит. яз.]

принесли культуру Юга реки Янцзы в северные регионы, сформировав субцентр с центром в Пекине и продолжая распространяться на более широкие северные регионы. Однако региональный характер и влияние литераторского подхода имели исторические ограничения – исключительность и однородность. Однако он получил признание китайской культуры в окрестностях и в более широком регионе, и это свидетельствует о специфике этого связанного с культурой способа живописи. Такая культурная самобытность указывает на то, что она считалась представителем развития китайской культуры и ее направления, поэтому даже в отдаленных районах люди по-прежнему использовали китайскую каллиграфию и китайскую живопись в связи друг с другом, чтобы отразить свои культурные ценности и выразить свою эстетическую привлекательность. Развитие от бассейна Цзяннань было, по сути, маргинальным, поэтому исторически в северных регионах было мало известных художников в истории живописи, не было местных групп и школ.

Художественное образование, возникшее в XX в., сделало традиционные тушь и смывку популярными во всем китайском пейзаже. Развитие художественного образования в Китае в двадцатом веке привело к изменению живописи литераторов прошлого под воздействием современной цивилизации. Это направление слияния Востока и Запада в сочетании с образовательным импульсом привело к тому, что в обучении стал преобладать западный подход к художественному образованию, и такой новый подход вскоре приобрёл широкое распространение по всему Китаю, получив признание ценностей и став ответом на модернизацию общества. В результате развитие искусства со времен Нового Китая не только отточило различия между региональными культурами, но и принесло традиционную эстетику туши и смывки в ранее неразвитые регионы, позволив очень сильным различиям, характерным для китайской тушевой живописи, постепенно сблизиться под влиянием образования, так что развитие тушевой живописи в новокитайской художественной традиции. Однако популярность тушевой

живописи в Новом Китае была необычайной, превосходящей популярность любого другого периода в истории. В результате живопись на севере выросла и заняла видное место в новой китайской художественной сцене, с рядом сильных художников, использующих новую тушь для выражения новых тем нового Китая, и сформировавших региональный стиль с региональными особенностями. В 1950-е гг. картины Ван Шэнли «Восемь девушек, бросающихся в реку»¹, Лю Цыгу и Мань Цзяня, посвященные войне сопротивления против США и помощи Кореи², и картина Чжао Хуашэна «Кабельщики, атакующие передовой край» (коллективная работа³), отражают эстетику новой эпохи и служат требованиям новой эпохи новыми творениями. Это репрезентативные работы периода широкого влияния, образующие пик становления традиционной живописи тушью в новом Китае.

Тем не менее, проблемы, возникшие в XXI в., на самом деле были очевидны с конца XX в., за исключением того, что люди не ожидали стремительного приближения цифровой эпохи. Таким образом, первопричина проблем заключается в том, что культурная ДНК традиционной туши и смывки изменилась благодаря современному художественному образованию, и, что самое главное, основа принятия в корне изменилась. Это едва заметное изменение стало сегодня культурным разрывом. Такое разделение не совсем связано с изменением времени, а скорее с тем, что в результате преобразований, произошедших с середины XX в., искусство литераторов стало традиционной культурной иконой не только среди широкой публики, но и среди современных литераторов, и совсем не так широко известно, как это было раньше. Именно по этой причине вопрос культивирования корней и воспитания души следует рассматривать как многовековой план передачи культуры. Это заставляет вспомнить анимационный фильм 1960 г. Шанхайской киностудии изобразительных искусств «Головастики находят своих матерей».

¹ В коллекции Национального музея Китая.

² В коллекции Китайского народно-революционного военного музея.

³ В коллекции Национального художественного музея Китая.

Режиссерами фильма стали Шэн Тевей, Цянь Цзяцзюнь и Тан Чэн, а сценарий написали Фан Хуэйчжэнь и Шэн Лудэ. Это первый китайский чернильный анимационный фильм, который все помнят. Он получил приз за лучший художественный фильм на Первом китайском кинофестивале «Премия ста цветов», специальный приз за короткометражный фильм на Четвертом международном фестивале анимации в Анси во Франции и почетный приз на Четвертом Каннском международном кинофестивале. Хотя фильм длился всего 15 минут, он получил широкое общественное признание, поскольку был основан на изображениях рыб и креветок, созданных художником Ци Байши. Значение фильма «Головастики находят свою мать» заключается в том, что в нем используются образы из картин Ци Байши, чтобы передать форму и язык традиционной китайской туши и смывки детям и подросткам в раннем возрасте через анимационный фильм, который они любят. Это базовое обучение рисованию тушью и смывкой в форме анимации – конкретный способ начать работу в раннем возрасте. И с точки зрения анимации, это также проявление китайского стиля китайской анимации, классика китайских анимационных фильмов.

Очевидно, что содействие передаче и популяризации традиционной китайской культуры различными способами является чрезвычайно важной базовой задачей для современного общества. Это не боковой барабан в обычном понимании, а шестеренка и винтик во всей машине. На XIII Национальной художественной выставке анимация тушью и смывкой Ши Гоцзюаня под руководством профессора Ши Гоцзюаня из Цзилиньской академии изящных искусств получила бронзовую медаль, и, как и «Головастики находят своих матерей», она является современной попыткой популяризации живописи тушью за ее пределами.

Картины тушью Ши Гоцзюань имеют сильные региональные культурные характеристики, от выбора тематики, связанной с регионом, до соответствия между языком туши и стирки и региональной культурой, все это очевидно в ее картинах. Картины Ши Гоцзюань основаны на горах Чанбай и

связанной с ними человеческой истории, природных пейзажах и экологических особенностях, в них особое внимание уделяется снежным полям, соснам и белкам гор Чанбай. Культура региона не только воспитывает ее, но и дает ей ощущение художественной силы и чувствительности, поскольку она открывает для себя эстетическую ценность этих предметов в жизни и устанавливает их актуальность, оглядевшись вокруг. Ее чувство ответственности заключается в том, чтобы создать на этой земле новые картины тушью, соответствующие культуре региона. Эта новизна времени и места называется «китайской живописью», или интеграцией более крупной культурной концепции в китайскую систему, и культурная идентичность региона, которую она выражает, такая же, как сосны гор Чанбай и активно живущие в них белки, которые можно увидеть на ее картинах. Очевидно, что манера выражения Ши отличается от манеры выражения цзяннаньских художников, и это различие, или разные интересы в профессионализме и разное стремление к экспрессии тушью и кистью, которое это различие представляет, становится характерной чертой китайской живописи Ши. Очевидно, что в этом исследовании живописи тушью, которая является одновременно культурно специфической и стихийной, расширение тушевых карикатур дало новую интерпретацию характеристик китайской туши и смывки, и имеет большое значение в продвижении популярности традиционной живописи тушью.

Будучи китайским художником, Ши Гоцзюань не связан традиционными методами и способен передать свои работы на бумаге, популяризируя их на экране, перенося эстетический интерес китайской туши и смывки в новую сферу в трансграничном исполнении и делая их доступными в цифровую эпоху экрана. Конечно, сегодня трудно поддерживать усилия всего нескольких человек, и необходимо привлечь больше китайских художников, а также применять более разнообразный подход к решению проблемы популяризации, которая повлияла на развитие современного искусства туши и смывки. Безусловно, решить проблему популяризации

традиционного искусства туши и смывки в современное время, как это происходит с каллиграфией в школах, с помощью приказа руководства образования о достижении широкой популярности невозможно.

Итак, популяризация в больших масштабах – это культивирование корней и воспитание души, это решение проблемы фундамента; имея фундамент, широкую и глубокую базу, можно войти в добродетельный круг, сбалансировать эстетические потребности общества с активными усилиями и творчеством художников. Для этого необходимы разнообразные средства и методы, чтобы выразить существование туши во всех ее аспектах, пробудить культурное родство в генах в эстетическом плане и таким образом сохранить искусство туши живым спустя тысячи лет. В то же время, основа существования и потребности общества, в свою очередь, будут способствовать появлению новых творений в искусстве туши и отражать дух времени в XXI в. новыми творениями.

Рассмотрим модернизацию традиционной культуры на основе творческого развития протестантской этики М. Вебером¹. Исследование Вебером протестантской этики и других мировых религий не является описательным рассказом о типе религии, а призвано проанализировать различные способы культурной саморационализации социумов и попытаться определить значение этого расхождения для социально-экономического развития². В своей книге «Протестантская этика и дух капитализма» М. Вебер исследует неразрывную связь между религией и социально-экономическим развитием, сравнивая их, утверждая, что протестантская этика порождает дух капитализма и определяет его. Это была совершенно иная точка зрения, чем вульгаризированный марксистский экономический детерминизм того времени. Сегодня культура все больше становится неотъемлемым фактором в

¹ Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий: Опыты сравнительной социологии религии. Конфуцианство и даосизм. СПб. : Владимир Даль, 2017. 446 с.

² 邵逸非: 马克思主义哲学中国化与中国传统文化现代化的双向互动关系[J], 《汉字文化》. 2020 (16): 179–180. [Шао Ифэй. Двустороннее взаимодействие между китаизацией марксистской философии и модернизацией традиционной китайской культуры // Культура китайских иероглифов. 2020. № 16. С. 179–180. – на кит. яз.]

процессе экономического производства, а ценность экономических товаров все больше смещается в сторону их собственного культурного содержания.

Макс Вебер вывел Дух капитализма из афоризма Б. Франклина и утверждал, что именно этот Дух будет управлять экономическим развитием в будущем. Этот дух проистекал из новой религиозной концепции, которая научила их рассматривать стремление к богатству как простой долг, а не как прибыль. М. Вебер рассматривает «взгляд Лютера на призвание» и считает введение Лютером понятия «призвание» в немецкий перевод большим прорывом, поскольку понятие призвания впервые утверждает равенство светских профессий. Далее Кальвин говорит о земном труде как о прибавлении к славе Божьей. Поскольку богатство приобреталось во славу Божью, аскеты утверждали отказ от удовольствий и добродетель бережливости, что неизбежно вело к накоплению капитала и, таким образом, к рационально-экономическому образу жизни современной буржуазии. М. Вебер подчеркивает влияние протестантской этики и, в частности, религиозных убеждений, на реальность экономической деятельности, что деятельность рынка определяется не только экономическими интересами, но и культурными требованиями предприятия, а также экономическим и культурным развитием общества.

Это якобы подводит нас к ответу на вопрос «Почему капитализм впервые возник в Европе, а не в Китае?» М. Вебер, который никогда не был в Китае, изучил большое количество переводов классики и авторитетной литературы по китайской экономике, культуре и религии. Он пришел к выводу, что Китай уже является великой единой страной, с прочной денежной системой, большим количеством общественного богатства и высокой степенью культурного развития, и что он не связан долгим и повсеместным господством рабства и страданиями войны, как это было в Европе, и что условия для развития капитализма в современном обществе уже присутствуют на реалистической экономической основе. Но почему Китай в конце концов не встал на путь капитализма? М. Вебер утверждает, что причина этого в том, что

традиционная культура Китая является мощным ограничителем для осмысления перемен времени и ей не хватает духа трансцендентности и инноваций в современном мире. С развитием глобализированной экономики мы можем воспринимать эти утверждения лишь как щепотку соли. Это объясняется тем, что взгляд М. Вебера был основан на отражении контекста того времени и находился под влиянием комментариев ученых мейнстрима (таких как Гегель) о китайской культуре. По мнению Гегеля, китайская культура находилась лишь на ранней стадии развития человеческой цивилизации и еще не освободилась от зависимости от природы. Очевидно, что такой взгляд принижает традиционную китайскую культуру и, в конечном счете, не дает полного представления о ее обширном содержании. Подъем китайской экономики с самого низа на вершину пирамиды, установленной западным капитализмом, стал возможен отчасти благодаря марксистской науке о «китайской культуре».

Как у М. Вебера, так и в марксизме есть фетишизация и переоценка гегелевской позиции. Гегель превозносит вестернизацию и принижает Восток, Китай. В то время как, Восток и Китай длительное время были лидерами истории. Трудолюбие и аскетизм в большой мере присущи восточным цивилизациям и высокопроизводительный труд Китая изначально имеет большие масштабы. Также китайцам присуща изначально высокая степень организации труда, дисциплины и механизации. К тому же невозможно отрицать далеко идущее влияние традиционной китайской культуры, то есть большую всеохватность традиционной культуры.

Основной контекст модернизации традиционной культуры в следующем: модернизация традиционной культуры предполагает интерпретацию двух технических терминов. Во-первых, культура возникает в ходе практической жизни людей и из открытия новых и ранее неизвестных свойств в природных объектах¹. Культура есть уникальный продукт

¹ 刘挚成：中华传统文化视阈下再论“问题”与“主义”之争—基于五四新文化运动[J]，《唐山师范学院学报》. 2020, 42 (04) : 96–100. [Лю Чжичэн. Дебаты между «вопросом» и «доктриной» в контексте

человеческой мысли, накопленный в ходе человеческой истории. Она есть одновременно продукт реальности и продукт мысли, плод человеческого мышления, накопленный в ходе человеческой истории, развившийся в продуктивной деятельности человека по преобразованию природы и созданию человеческого общества. Поскольку сущность человека может быть выражена во многих формах, культура также разнообразна, например, – в ремесле, земледелии, в политике, религии, искусстве. Культура относится к сфере общественной идеологии и является отражением общественного бытия, возникая на основе определенной экономической базы и социальной системы. Ф. Энгельс указывал, что развитие идеологической и политической надстройки основано на экономическом развитии, что они могут влиять друг на друга и реагировать на экономический базис: экономика и культура взаимодействуют¹. Это показывает, что культурное развитие также имеет свои специфические законы, и что в разных исторических условиях культура и экономическое производство имеют как взаимодополняющие, так и противоречивые аспекты взаимодействия. Например, после основания Нового Китая, чтобы выбраться из тяжелого положения бедности и отсталости, основное внимание в государственной политике уделялось экономическому строительству, в том числе в десятилетия, предшествовавшие реформе и открытости, с тенденцией к оживлению экономики в ущерб наследованию и инновациям традиционной культуры.

Раньше считалось, что модернизация связана только с национальным экономическим строительством. Верно, что термин «модернизация» изначально был придуман в связи с экономическим развитием индустриальных обществ, как в качестве процесса на пути к современности, так и в качестве результата трансформации современности. Энгельс

китайской традиционной культуры (по материалам «Нового культурного движения» Четвертого мая) // Журнал Таншаньского педагогического университета. 2020. Т. 42. № 4. С. 96–100. – на кит. яз.]

¹ 余暖娜：马克思主义中国化与中国传统文化契合相关性分析[J]，《知识文库》2020（13）：184–186. [Ю Нуанна. Анализ взаимосвязи между китаизацией марксизма и традиционной китайской культурой // Библиотека знаний. 2020. № 13. С. 184–186. – на кит. яз.]

использовал термин «модернизация» в книге «Немецкая революция и контрреволюция», имея в виду разрушение старой немецкой промышленности в результате внедрения пара и быстрого расширения британского промышленного превосходства, а созданные современные отрасли заставляли правительства государств учитывать требования современной промышленности¹. Движение модернизации первоначально развивалось в рамках капиталистического способа производства, когда крупная промышленность создала средства коммуникации и современный мировой рынок, а также впервые создала мировую историю, которая «поставила удовлетворение потребностей каждого человека в каждой цивилизованной стране в зависимость от мира в целом, <...> создали примерно одинаковые отношения между классами общества, устранив тем самым особенности каждой нации»². К. Маркс и Ф. Энгельс не только видели существенный характер прогресса модернизации, но и размышляли о контексте, в котором он происходил, и видели неизбежность экономического кризиса современного капитализма, утверждая тем самым, что исторический процесс модернизации не был только капитализмом, или что капитализм был только первой стадией модернизации, а второй стадией был коммунизм (включая социализм). Вебер использовал метафору «железной клетки».

Метафора М. Вебера о «железной клетке», то есть о том, «сможет ли современная капиталистическая экономическая система, которая так много выиграла, полностью отказаться от культурных ценностей, которые она использовала в качестве духовной мотивации»³, перекликается с идеями К. Маркса и Ф. Энгельса. Идея Маркса о переходе через «Кафтингское

¹ 于利：马克思主义中国化与中国传统文化互动融合研究[J]，《经济研究导刊》. 2020 (19): 3–4. [Ю Ли. Исследование взаимодействия и интеграции китаизации марксизма и традиционной китайской культуры. // Журнал экономических исследований. 2020. № 19. С. 3–4. – на кит. яз.]

² 刘孛成：中华传统文化视阈下再论“问题”与“主义”之争—基于五四新文化运动[J]，《唐山师范学院学报》. 2020, 42 (04) : 96–100. [Лю Чжичэн. Дебаты между «вопросом» и «доктриной» в контексте китайской традиционной культуры (по материалам «Нового культурного движения» Четвертого мая) // Журнал Таншаньского педагогического университета. 2020. Т. 42. № 4. С. 96–100. – на кит. яз.]

³ 裴立媛：马克思主义中国化对传统文化现代化的指导向度，《才智》. 2020 (03) : [Пэй Лиюань. Направление марксистской модернизации традиционной культуры в Китае // Таланты. 2020. № 3. С. 12. – на кит. яз.]

ущелье» с целью открыть альтернативный путь к современности, за пределы стадии примитивного накопления при капитализме, которая характеризуется внутренним угнетением и внешним грабежом, направлена на отношения производства в обществе, а не на его производительные силы. Поскольку производительные силы постоянно развиваются и не могут быть прекрещены, культура также является производительной силой, поэтому очевидно, что культурная модернизация также является неизбежным требованием исторического развития. С момента внедрения марксизма в Китае наша традиционная культура модернизировалась в соответствии с непрерывным развитием марксизма. Традиционная китайская культура – это этическая концепция и культурная мысль с конфуцианством в основе, охватывающая социальные, экономические и политические аспекты. От отношений между Небом и человеком до отношений между человеком и человеком, она включает в себя ряд моральных принципов, праведность и прибыль, а также концепцию жизни. Хотя последующие поколения не смогли освободиться от оков традиционной феодальной этики, они смогли противостоять феодальной бюрократии и империализму своим уникальным национальным духом, сочетать марксизм с китайской революционной практикой, наследовать китайскую культуру через критику и внедрять инновации через наследование, а также постоянно модернизировать традиционную культуру.

Творческое развитие Вебером традиционной западной социальной теории заключалось в повышении роли культуры. М. Вебер родился в то время, когда идеи Маркса оказывали большое влияние на духовную и культурную жизнь Германии. Он очень серьезно относился к марксизму в университетские годы и позже начал изучать дух современного капитализма в ответ на ряд вульгаризированных интерпретаций мысли К. Маркса (в основном «экономического детерминизма»). В экономическом детерминизме экономика является единственным фактором, который играет роль в развитии общества, а социальное развитие является лишь естественным следствием

экономического развития, тем самым отрицая роль политики, идей и культуры в процессе социального развития. Немецкий философ К. Барт даже искажил экономический детерминизм в технологический детерминизм, пытаясь отрицать материалистический исторический принцип, согласно которому материальное производство и экономическая база в итоге играют решающую роль в развитии общества. Впоследствии это было тщательно разоблачено и раскритиковано Марксом, Энгельсом и Лениным. По мнению М. Вебера, в процессе исторического развития есть нечто большее, чем просто «экономика» как единственный определяющий фактор; неоспоримо, что в какой-то момент другие факторы, такие как политика, культура и институты, также могут быть главной причиной текущего состояния жизни. Это соответствует мышлению К. Маркса. Хотя Маркс считал, что материальная основа играет решающую роль в развитии человеческого общества, он никогда не отрицал влияния других факторов. М. Вебер считал, что экономические условия, которые Маркс признавал определяющими для развития и будущих изменений капитализма, коренились в уникальном культурном целом. Конечно, М. Вебер не исключал материальные интересы из своего обсуждения роли религиозной культуры в экономическом развитии современных обществ, но лишь интерпретировал традиционную культуру, рассматривая взаимосвязь между религиозной культурой и экономической деятельностью и сравнивая культурные различия между Востоком и Западом.

М. Вебер утверждал, что возникновение капитализма на Западе стало результатом действия ряда факторов. Оно было тесно связано с аскетизмом протестантизма, важным историческим условием, без которого буржуазия, возможно, не достигла бы того, что она сделала сегодня. Другими словами, наиболее вероятной причиной того, что современная капиталистическая система возникла только в Западной Европе, а не в Китае, который также имеет долгую историю, является то, что протестантская реформация произошла на Западе. Сравнивая профессиональные предпочтения католиков и христиан, Вебер пришел к выводу, что католики более склонны заниматься

традиционными ремеслами, в то время как «протестанты преобладали среди лидеров промышленности и торговли, среди владельцев капитала, среди высококвалифицированных рабочих на современных предприятиях и даже среди более высокотехнически и коммерчески подготовленных работников»¹.

Обсуждая доктринальные различия между кальвинистской, пиетистской, методистской и баптистской деноминациями и церковью и сравнивая их духовный и культурный подтекст, М. Вебер далее утверждает, что дух капитализма был побочным продуктом Реформации и что существует ряд модернизированных капиталистических этических норм, которые могут быть проанализированы на основе религиозной этики, таких как традиционные добродетели пунктуальности, сдержанности, бережливости, трудолюбия и, в конечном итоге, стремление к богатству во славу Божию. М. Вебер утверждает, что стремлением к богатству протестантская этика дала толчок развитию современному капитализму и, таким образом, религиозная вера освободилась от экономического традиционализма. Эта вера в реализацию призвания в некотором смысле является фундаментальной основой духа капитализма. Уэсли также говорил, что воспитательное воздействие религиозных движений и аскетизма на верующих вначале отражалось в конечном итоге на экономическом развитии общества. М. Вебер также стремился продемонстрировать, что среди элементов, составляющих дух современного капитализма и, более того, дух современной культуры в целом, рациональное поведение, основанное на идее занятия, возникло из христианского аскетизма². Таким образом, М. Вебер исследовал как фундаментальные верования религиозной жизни, так и идеологические основы экономического развития. Важно отметить, что анализ религиозной культуры М. Вебера не отрицает роли других факторов в процессе становления современного общества, но призван найти корни возникновения

¹ 裴立媛: 马克思主义中国化对传统文化现代化的指导向度, 《才智》. 2020 (03): 12. [Пэй Лиюань. Направление марксистской модернизации традиционной культуры в Китае // Таланты. 2020. № 3. С. 12. – на кит. яз.]

² Там же.

и развития современного капиталистического общества с позиции, противоположной экономическому детерминизму.

Рефлексируя над методологией М. Вебера, мы подходим к пониманию национального пути модернизации традиционной китайской культуры. Вебер проводил сравнительное исследование причины подъема капитализма на Западе и в Китае, стремясь объяснить неспособность китайского общества произвести капитализм. Его знаменитое предложение заключалось в том, что появление протестантской этики породило современный капитализм, в то время как китайское конфуцианство предотвратило появление современного капитализма в Китае. В своей книге «Конфуцианство и даосизм» М. Вебер описывает следующие характеристики традиционной китайской культуры:

- сильная и прочная административная структура на политической основе через иерархическую систему, что привело к длительному периоду стабильности, процветания и мира, но также к консервативному и бездуховному застою и национальному характеру, которому не хватало инноваций и конкуренции;

- с точки зрения основы выживания традиционный Китай является преимущественно сельскохозяйственной страной, а большинство населения – крестьяне.

Дружба крестьян основана на знакомстве, а социальные отношения формируются на основе кровных и географических связей. Они добры, просты, трудолюбивы и миролюбивы, но в силу отсталости производства и ограниченности общественного развития склонны поклоняться суевериям, мифам и легендам, имеют глубоко укоренившиеся феодальные представления. Такое предвзятое понимание традиционной китайской культуры привело к заблуждениям, которые критиковались последующими поколениями ученых. Как сказал Энгельс о ситуации в Англии XVIII в., до начала социальной

революции в Англии также было много необразованных крестьян, которые каждый день жили мирной и спокойной жизнью¹.

С момента внедрения марксизма в Китае его основные принципы сочетались с китайской действительностью, преодолевая отсталость китайского развития и избегая культурной дилеммы закрытости и отсталости, постоянно трансформируя традиционную китайскую культуру в ходе революции и строительства Китая. Модернизация традиционной китайской культуры была достигнута. Модернизация традиционной культуры и марксизм едины в своей конечной заботе о выживании и развитии человечества и ценности жизни. Надо сказать, что марксизм и традиционная китайская культура действительно имеют много общего: во-первых, традиционная китайская культура – это плод труда людей, а К. Маркс также восхвалял труд и рабочий народ; во-вторых, и марксизм, и китайская культура придают большое значение практике, полному проявлению человеческой инициативы, уважению природы в процессе практики, следованию природе, в соответствии с принципом «естественного мира»; в-третьих, Китай уже давно является страной, в которой модернизация традиционной культуры является предметом озабоченности давно укоренившихся в Китае диалектического мышления и интуитивных материалистических взглядов, схожих с научной методологией, пропагандируемой марксизмом; в-четвертых, ориентированное на людей мышление, пропагандируемое конфуцианством, уважалось сменявшимися лидерами, и это стало залогом успеха китайской революции, направляемой марксизмом. Марксизм в Китае приобрел диалектическое развитие общественных отношений и производственной практики реальных людей, и в процессе китаизации он продолжал интегрироваться с национальной культурой, обеспечивая путь и направление для трансформации традиционной культуры в современность.

¹ 朱光亚, 江峻任: 从西学东渐到儒学复兴:马克思主义中国化视域中的儒学现代化问题[J], 北京科技大学学报(社会科学版). 2020. 36 (02): 89–96. [Чжу Гуанья, Цзян Цзюньжэнь. От западного обучения к возрождению конфуцианства: модернизация конфуцианства в контексте марксизма в Китае // Журнал Пекинского университета науки и технологии. Издание по общественным наукам. 2020. Т. 36. № 2. С. 89–96. – на кит. яз.]

В настоящее время модернизация включает в себя все аспекты социального развития и государственного строительства, среди которых модернизация традиционной китайской культуры была достигнута шаг за шагом вместе с революцией, строительством и реформами в Китае, и можно также сказать, что она развивалась вместе с китаизацией марксизма. Марксизм прижился в Китае только благодаря сильной инклюзивности и интеграции традиционной китайской культуры. Хотя марксистская философия дает нам теории и методы для понимания и преобразования общества, эти теории и методы могут быть применены на практике только в том случае, если они согласуются с традиционной китайской культурой. Основываясь на рассмотрении М. Вебером влияния традиционной западной культуры на экономическое развитие (например, что Реформация породила протестантскую этику, из которой был взращен дух капитализма и при которой западноевропейские общества развивались беспрецедентными темпами), модернизация традиционной китайской культуры должна быть связана с современным социально-экономическим развитием и может быть интегрирована только в путь социализма с китайской спецификой. Только встав на путь социализма с китайскими особенностями, он может засиять. Говоря об отношениях между человеком и обществом, К. Маркс придавал большее значение отношениям между человеком и природой, «отношениям, по которым можно судить о человеке».

Изменение уровня культурного воспитания зависит от понимания времени и является одним из аспектов модернизации традиционной культуры. Традиционная китайская культура, насчитывающая тысячи лет, сочетает в себе преимущества материальной, духовной и институциональной цивилизации, является проявлением уникальной роли китайской нации в мировом этносе, а также духовной сущности китайской культуры, которая трудно поддается вестернизации. Интерпретация М. Вебером взаимосвязи между восточной и западной культурой и современным экономическим развитием не только утвердила его незаменимое положение в области религии,

культуры и экономики, но и заставила ученых в Китае обратить внимание и задуматься о традиционной китайской культуре. Традиционная китайская культура – это воплощение духа обычаев всех народов и основополагающая движущая сила единства китайской нации в преодолении всех трудностей. Как сказал Си Цзиньпин, «мы открыли дорогу к социализму с китайскими особенностями не случайно, а благодаря нашей истории. Это не случайно, а обусловлено нашим историческим наследием и культурными традициями»¹. Это не только духовная жизненная сила китайской нации, но и самая мощная поддержка для достижения цели 100-летней борьбы. Хотя Китай столкнулся со многими проблемами в процессе модернизации традиционной культуры, это также является возможностью для продвижения, наследования и инновации китайской традиционной культуры. Технологические инновации открыли людям горизонты и освободили их сознание, а традиционная культура стала глобальным историческим присутствием, больше не принадлежащим одной нации или стране, открытой и всеохватывающей. Под влиянием марксизма Китай сделал больший акцент на развитии духовной цивилизации в реалистичных материальных условиях, а традиционная китайская культура продолжала использовать лучшие культурные коннотации всех этнических групп, демонстрируя жизнеспособность, не теряя своей оригинальности.

Таким образом, на протяжении XX в. в Китае сложилась уникальная культурная модель медиации традиции и новации в условиях модернизации общества. Общество (народ Китая) с опорой на эпистемологический метанарратив диалектического материализма признается ведущим субъектом исторического процесса, который понимается как постоянное обновление (модернизация) общественных отношений. Общественные отношения опираются на ре-интерпретацию исторических и повседневных нарративов,

¹ 中共中央文献研究室编《习近平关于协调推进“四个全面”战略布局论述摘编》. 北京：中央文献出版社, 2015: 7. [Выдержки из трудов Си Цзиньпина о координации и продвижении стратегического плана «Четыре всеобъемлющих принципа» / Бюро по исследованию литературы ЦК КПК. Пекин : Центральное литературное издательство, 2015. С. 7. – на кит. яз.]

которые как культурные артефакты проявляют сложную семиотическую систему современной культуры (исторически сложившегося комплекса надбиологических программ жизнедеятельности общества). Общество, таким образом, является субъектом модернизации, а традиционная культура – объектом модернизации. Ключевой задачей социалистического общества (общества модернизирующейся культуры) является освоение инновационных нарративов (новаций), которые неминуемо вступают в противоречие с устоявшимися повседневными нарративами, образуя область конструктивной напряженности между традицией и новацией. Эффективность диалектико-диалогического разрешения возникающей конструктивной напряженности зависит от выработки управляющим центром медиационных политических метанарративов, нацеленных на расширение мировоззренческого горизонта индивида и общества, включая упреждение деструктивных тенденций инверсии традиции и новаций.

Современный Китай взял на вооружение принцип активного освоения высоких достижений мировой культуры для обновления (модернизации) собственной традиционной культуры. При этом заимствование инокультурных достижений не является самоцелью модернизации. Новации заимствуются для развития превосходной традиционной китайской культуры, для производства собственных культурных достижений мирового уровня.

И так, выявлено, что особенностью китайской культурной модели медиации традиции и новации в условиях модернизации является «мягкое» медиационное разрешение конфликтов и противоречий традиции и новации, заложенное в коде традиционной китайской культуры выраженном этическим метанарративом «не – не». Модель медиации «не – не» (不要不向) подчеркивает, что нормативы китайской культуры (преимущественно верное решение любой дилеммы) исключают противоречащие друг другу крайности как неверное состояние системы, требующее третьего («срединного») пути диалектического преодоления противоречий. Преодоление дихотомии между традицией и современностью, между китайской и западной культурой,

осознанное единение между историческим и современными аспектами традиционной культуры, соединение исторической традиции, настоящего и будущего, встреча с миром и будущим человеческой цивилизацией на основе медиации заложено в ценностно-нормативном потенциале традиционной китайской культуры. Логика «китайской мечты» направлена на модернизацию поведения людей, изменений политической культуры. Поэтому базовая стратегия государственных реформ в современном Китае, включая цифровую модернизацию, строится на метанарративе «древность на службе современности».

Более детально особенности культурной модели раскрывается в установках:

- в отличие от объективистской логики Запада («Платон мне друг, но истина дороже») логика китайцев на первое место ставит этику, семейные ценности;

- мышление китайцев изначально работает не в двузначной, а в многозначной логике и нацелено на новации;

- логика китайцев доминантой делает не борьбу, а примирение противоположностей;

- логика стратегов непрямого мышления означает, что доминирует умозаключение от противного, предполагающее возможность «додумывания» итогового заключения.

Соответственно, выносим на обсуждение следующее положение.

На протяжении XX в. в Китае сложилась уникальная культурная модель медиации традиции и новации в условиях модернизации общества. Эффективность данной модели определяется ключевой ролью государства в управлении и координации медиационных метанарративов, нацеленных на расширение мировоззренческого горизонта индивида и общества, включая упреждение деструктивных тенденций инверсии традиции и новаций.

ГЛАВА 2.

ПАРАДИГМА ЦИФРОВОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ

2.1. Специфика модернизации культуры в информационном обществе*

Теоретическая метафора «информационное общество» сложилась в научном дискурсе второй половины XX в. К примеру, пытаясь разобраться в истоках теоретической риторики вокруг этого понятия, один из британских ученых Алистер С. Дафф (Alastor S. Duff) связывает его концептуализацию с работами австрийско-американского экономиста Фрица Махлупа (Fritz Machlup, 1902–1983) и японского антрополога Тадао Умесао (梅棹忠夫, 1920–2010)¹.

Махлуп обратил внимание, что ни марксистский формационный подход к трактовке прогресса способов производства, ни психология организационного поведения (бихевиоризм) не противоречат принципу приращения знания об окружающей человека действительности и высказал предположение, что эволюция производственных отношений стремится к наивысшей форме производства – к производству знаний². Японскому же антропологу Т. Умесао приписывается авторство термина «информационное общество» (情報社会), который он использовал в отдельных своих работах, обосновывая цель экологического развития западной цивилизации³.

Между тем, западные дискуссии зачастую обходят стороной схожие идеи российских и советских теоретиков. В частности, еще в начале XX в. теоретик пролетарской культуры А. А. Богданов высказывал мысль о том, что

* При написании параграфа использованы материалы опубликованных исследований соискателя, включая научные статьи, указанные в списке использованной литературы под №№ 198, 199, 200, 203.

¹ Duff A. S. *Information Society Studies*. Psychology Press, 2000. P. 23.

² Махлуп Ф. *Производство и распространение знаний в США*. М. : Прогресс, 1966. 462 с.

³ Konagaya Y. Umesao, Tadao (1920–2010) // *The International Encyclopedia of Anthropology*. Wiley, 2018. <https://doi.org/10.1002/9781118924396.wbiea1345> (дата обращения: 15.06.2025).

научная организация социалистического труда ведет к раскрытию творческого потенциала человека и предполагает эволюционное движение производственных отношений к их наивысшей форме – интеллектуальному производству, т. е. к производству знаний¹. А выдающийся российский учёный-естествоиспытатель, мыслитель и общественный деятель Владимир Иванович Вернадский (1863–1945), читая в Сорбонне в 1922–1923 гг. лекции по геохимии Земли, предложил концепцию *ноосферы* – постоянно расширяющейся «мыслящей» оболочки планеты, формирующейся человеческим сознанием². Развивая марксистскую теорию социального этапа эволюции, Владимир Иванович подчеркивал, что разумное использование естественных ресурсов планеты предполагает выход ноосферы в космическое пространство и практически безграничное ее расширение, а мотивом и целью этого расширения является производство научного знания об окружающей действительности.

Западные теоретики (Э. Тоффлер³, Ё. Масуда⁴, Д. Белл⁵ и др.) исходят из убеждения, что «информационное» или «постиндустриальное» общество является логическим продолжением индустриального капитализма и наступает, когда главным продуктом производства и потребления становится информация, вытесняющая материальное производство и потребление товаров на второй план.

Однако, увязывать процессы информатизации общества исключительно с капиталистическим укладом хозяйствования нет достаточных оснований. В

¹ Богданов А. А. Культурные задачи нашего времени. М.: Издание С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1911. 94 с.; Он же. О пролетарской культуре: 1904–1924. Л.; М.: Издательское товарищество «Книга», 1924. 344 с.

² Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление // Философские мысли натуралиста / отв. ред. А. Л. Яншин. М.: Наука, 1988. 520 с.; Он же. Несколько слов о ноосфере // Успехи современной биологии. 1944. №. 18. Вып. 2. С. 113–120 (переиздано в Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление / Отв. ред. А. Л. Яншин. М.: Наука, 1991.)

³ Тоффлер Э. Метаморфозы власти = Powershift: Knowledge, Wealth and Violence at the Edge of the 21st Century, 1990. М.: АСТ, 2004. 672 с.; Он же... Шок будущего = Future Shock, 1970. М.: АСТ, 2008. 560 с.; Он же... Третья волна = The Third Wave, 1980. М.: АСТ, 2010. 784 с.

⁴ Masuda Y. Managing in the information Society: Releasing synergy Japanese style. Oxford, 1990. P. 44.; Масуда Ё. Информационное общество как постиндустриальное общество. М.: АСТ, 1983. 452 с.

⁵ Bell D. The cultural contradictions of capitalism. N. Y.: Basic Books, [1976] 1996. 399 p.; Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество : опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. 783 с.

определенном смысле история человечества на сегодняшний день может быть представлена как многовековая история информационных революций и развития информационной цивилизации¹. Информация – основной неисчерпаемый ресурс для развития современного общества². Информационные революции приводят к изменению как каналов коммуникации, так и самого человека³. На основе этого наблюдения в истории человеческой цивилизации можно насчитать пять информационных революций, приведших к существенным изменениям в жизнедеятельности человеческого общества.

Первая информационная революция связана с рождением естественных языков и уходит в необозримую историю человечества, вероятнее всего, еще в до-цивилизационный исторический период. Можно лишь предположительно увязать первую информационную революцию с началом использования человеком микролитических наборных орудий труда. Микролитическая революция происходит в различных ареалах обитания *Homo sapiens* в разное время. Так, в Нихэваньской котловине в Китае археологами открыто более 10-ти местонахождений микролитов возрастом от 1,7 до 1 млн лет, а на территории Израиля есть находки датируемые примерно от 1,5 до 2,4 млн лет⁴. В нашем случае следует обратить внимание, что микролиты свидетельствуют о принципиальном изменении сознания: эффективность мощности большого орудия труда (например, дубины) наблюдается в естественной среде, в то время как точность дротика с выверенными по весу аэродинамическими характеристиками и подобранным для их усиления микролитическим

¹ Fukuzawa Yukichi. An Outline of a Theory of Civilization / Translated by David A. Dilworth and G. Cameron Hurst III; Introduction by Takenori Inoki; Reprint of Edition Published in 2008 by Keio University Press, Tokyo. N. Y. : Columbia University Press, 2009. 278 p.

² 王贵喜: 信息文明社会与人的思维方式变化, 《哈尔滨市党校杂志》, 2002 (05): [Ван Гуйси. Общество информационной цивилизации и изменение человеческого мышления // Журнал Харбинской муниципальной партийной школы. 2002. Т 5. № 42. С. 41–43. – на кит. яз.]

³ Иванова М. Е. Языковые аспекты информационных революций // Манускрипт. 2019. Т. 12. № 7. С. 115–119.

⁴ Деревянко А. П. Новые археологические открытия на Алтае и проблема формирования *Homo sapiens* = Recent discoveries in the Altai: issues on the evolution of *Homo sapiens* [Текст] = Recent discoveries in the Altai: issues on the evolution of *Homo sapiens* : лекция памяти профессора Х. Мовиуса, прочитанная в Гарвардском университете / А. П. Деревянко ; отв. ред. М. В. Шуньков ; Российская акад. наук, Сибирское отделение, Ин-т археологии и этнографии. – Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии, 2012. 130, [1] с.

наконечником – это уже технология, требующая накопления и передачи опыта от поколения к поколению. Таким образом, можно предполагать, что распространение микролитических орудий труда сопровождалось сублимацией первых мыслительных навыков человека, развитием коммуникативных навыков и, прежде всего, речи. Язык стал для человечества первой информационной платформой для адаптации к природе, ее использования и преобразования.

Вторым революционным моментом в освоении человеком информационного пространства стало изобретение письменности. В культурах Яншао и Давэнькоу в бассейне Желтой реки и в культуре Лянчжу в бассейне Тайху на юге реки Янцзы в Китае обнаружены надписи и пиктограммы на керамике, нефрите и других носителях, датируемые примерно 5–6 тыс. лет назад. Именно использование письменности привело к появлению цивилизации в династиях Ся, Шан и Чжоу¹. В династии Инь и Шан (ок. 1,5 тыс. лет до н. э.) китайское общество адаптировалось к переходу от первобытной родовой общины к рабовладению и феодализму. Появляются надписи на костях оракулов, на бронзовых церемониальных сосудах и пр. Создание простой древней философской системы – восьми триграмм И-Цзин – заложило основы общества того времени и оказало большое влияние на ход китайской истории на тысячи лет вперед. В период Весны и Осени и в период Воюющих государств писали ножами на бамбуковых и деревянных дощечках; после династии Цинь стали писать кистями; в период династии Западная Хань стали популярны шелковые книги; а в период династии Восточная Хань (II в. до н. э.) Цай Лунь (蔡倫, ок. 50–121) изготовил бумагу из растительного волокна, что облегчило распространение письменности.

Третьей информационной революцией считается изобретение печатного станка². В Европе немецкий первопечатник Иоганн Гутенберг (ок. 1397–1468)

¹ 王贵喜: 信息文明社会与人的思维方式变化, 《哈尔滨市党校杂志》, 2002 (05): 41–43. [Ван Гуйси. Общество информационной цивилизации и изменение человеческого мышления // Журнал Харбинской муниципальной партийной школы. 2002. Т 5. № 42. С. 41–43. – на кит. яз.]

² Маклюэн М. Галактика Гутенберга : становление человека печатающего / пер. И. О. Тюриной. М. :

в 1440-х гг. начинает тиражировать книги. В Китае гравировка и печать книг распространяется в начале правления династии Тан (618–907), т. е. на 800 лет раньше.

В династиях Тан, Сун, Юань, Мин и Цин в течение 1300 лет в полиграфии в основном преобладали гравюра и оттиски с неизменного оригинала. В период Цинли династии Северная Сун Би Шенг изобрел технику печати на глине. Позже были скопированы глиняные и фарфоровые иероглифы. Во времена династии Юань (1271–1368) уже использовались деревянные подвижные иероглифы, также производились оловянные подвижные иероглифы. Печать стала наборной в Китае тоже раньше, чем в Европе. В династии Мин и Цин популярность приобрели медные и свинцовые подвижные шрифты. С постепенным совершенствованием и развитием подвижного шрифта, он в конечном итоге заменил гравированную печать. Достижения в области печати привели к массовому производству, воспроизводству и широкому распространению информации и знаний, а пресса и книги стали важными хранилищами информации и средствами массовой информации, внося огромный вклад в обмен идеями и прогресс цивилизации.

Четвертая информационная революция ознаменовалась использованием электромагнитных волн. В 1837 г. Морзе изобрел телеграф, что позволило людям использовать электромагнитные волны для передачи информации; в 1906 г. Фессенден впервые изобрел радиовещание; в 1929 г. британский ученый Бэрд изобрел телевидение, что позволило передавать как аудио-, так и визуальную информацию, через значительные расстояния.

В 1957 г. искусственный спутник Земли, созданный Советским Союзом, открыл эру глобальной связи. В начале 1960-х гг. Соединенные Штаты успешно запустили свой первый спутник связи с фиксированной точкой. Мейман разработал рубиновый импульсный лазер, который был использован для расширения электромагнитного спектра информационных технологий из

радиодиапазона в оптический диапазон. Теория лазерной связи доктора Као и ее применение расширили возможности глобальной связи в один миллиард раз. Достижения радиотехники, микроволновой технологии и технологии оптических волноводов сделали возможными связь, радио, телевидение, дистанционное управление, телеметрию, дистанционное зондирование, радиолокацию, радионавигацию и многое другое. Это также послужило катализатором быстрого развития науки и техники. Результаты этой информационной революции привели к полной революции в индустриальном обществе и качественному изменению мировых производственных систем, что позволило человеческой цивилизации всего за несколько десятилетий превзойти прогресс предыдущих веков. Она также подготовила почву для следующей информационной революции.

Пятая информационная революция ознаменовалась использованием компьютеров. Ко второй половине XX в. тенденция развития информационных технологий, основными элементами которых являются универсализация, создание сетей, индустриализация и глобализация информации, значительно ускорилась. Начиная с 1950 г. сумма знаний в мире удваивалась каждые 10 лет, с 1970 г. – каждые 5 лет, с 1991 г. – ежегодно¹. Эти данные показывают нам, что общество усложнялось, причем для решения проблемы обработки возрастающей информации человечеству была необходима автоматизация различных информационных процессов². Быстрая передача новых знаний, слияние искусства и технологий, постоянное обновление культурной сцены, пересечение дисциплин, глобальные связи между региональными экономиками, многополярная эволюция мира, крупные прорывы в новых областях науки и многие другие неожиданные новые вещи, новые концепции и новые ситуации возникли. Человеческое общество претерпело огромные изменения, и производительность труда значительно возросла.

¹ Машлыкин В. Г. Европейское информационное пространство. М. : Наука, 2001. 95 с.

² Попов А. В. Роль четвертой информационной революции в формировании постиндустриального общества // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2012. № 8. С. 329–332.

Люди обычно чувствуют противоречие между ограниченным человеческим мозгом и бесконечными знаниями; между ограниченной человеческой энергией и огромным научным миром; между ограниченной человеческой жизнью и бесконечным пространством-временем Вселенной. Общество с нетерпением ожидало появления более совершенных технологических средств, чтобы уменьшить эти противоречия и еще больше поднять уровень человеческой цивилизации. Начиная с 1950-х гг., электронные компьютеры постепенно внедрялись в промышленное производство. Затем последовала компьютерная революция, в ходе которой компьютеры постоянно модернизировались. Первое поколение компьютеров использовало такие базовые технологии, как двоичная память и хранение программ, а основным компонентом была электронная лампа. С их помощью в небо были запущены искусственные спутники. Второе поколение компьютеров использовало транзисторы в качестве основной схемы и могло работать миллионы раз в секунду. Третье поколение компьютеров использует интегральные схемы и имеет операционные системы, терминалы и сети, которые могут работать со скоростью до десяти миллионов раз в секунду. Четвертое поколение компьютеров использовало крупномасштабные интегральные схемы для выполнения сотен миллионов операций в секунду. Пятое поколение компьютеров представляет собой информационно-интеллектуальную систему, которая объединяет в себе сбор, хранение и обработку информации, коммуникации и искусственный интеллект, поэтому ее называют «компьютером». Развитие и применение компьютеров вызывает революцию автоматизации во многих областях. Это уже не просто технологический феномен, а политическое, экономическое, военное и социальное явление в целом. Компьютерные технологии объединяются с сетевыми коммуникациями, искусственным интеллектом, мультимедиа и другими технологиями для создания современных информационных систем,

работающих со «знаниями». Новые скачки в информатизации общества будут возникать и дальше¹.

Первоначальное накопление факторов информационной цивилизации началось со дня формирования человеческого общества. Это накопление продолжалось до появления современных информационных технологий – цифровых технологий, эксплуатирующих информационные ресурсы в конце индустриальной цивилизации, и качественного изменения основных ресурсов и технологий для общественного развития. Это привело к возвышению человеческой цивилизации и эпохальному скачку в развитии. В этой связи можно сказать, что исторический процесс развития человечества представляет собой процесс накопления и освоения информации, процесс развития информационной цивилизации от количественного изменения к качественному изменению и, наконец, ее качественный скачок и сублимацию в системе материальной цивилизации.

Информационная революция, особенно быстрое развитие и повсеместное применение современных информационных технологий, привела человеческую цивилизацию в эпоху информационной цивилизации, следующей за сельскохозяйственной и промышленной цивилизацией. Новая эра, в которой конечной целью является устойчивое развитие человеческого общества и высший социальный идеал человечества. Наступление информационной эпохи, формирование, развитие и углубление экономики знаний знаменует собой переход человеческой цивилизации от индустриальной цивилизации к информационной. В ходе исторического развития человеческого общества общей основой сельскохозяйственной и индустриальной цивилизаций было развитие человеческого общества путем эксплуатации и использования материальных ресурсов с помощью материальных технологий. Информационная цивилизация, с другой стороны, использует информационные технологии как основное средство развития

¹ Fukuzawa Yukichi. An Outline of a Theory of Civilization / Translated by David A. Dilworth and G. Cameron Hurst III; Introduction by Takenori Inoki; Reprint of Edition Published in 2008 by Keio University Press, Tokyo. N. Y. : Columbia University Press, 2009. 278 p.

человеческого общества посредством разработки и использования информационных ресурсов. Если переход от сельскохозяйственной к индустриальной цивилизации предстает как замена одной материальной цивилизации другой, то переход от индустриальной к информационной цивилизации – это эпохальный, целостный и исторический скачок от «материальной цивилизации», основанной на материальных ресурсах и материальных технологиях, к «информационной цивилизации», основанной на информационных ресурсах и современных информационных технологиях¹.

Аграрная цивилизация – это, прежде всего, форма общественного производства, основанная на индивидуальном семейном производстве, естественным связующим звеном которого является кровнородственные связи. Семья является непосредственной основой общества, как жизненной, так и производственной организации. Человек непосредственно отвечает за семью, которая, с одной стороны, непосредственно отвечает перед природой, а с другой стороны, непосредственно отвечает перед государством и обществом за организацию производства в семье. Общественное производство в аграрной цивилизации было в основном семейным, а ее экономический подход был, по сути, натуральным хозяйством самообеспечения. Это означало, что человеческое общение не было широко распространено. И патриархальная, и иерархическая системы опирались на власть богов. Мышление людей было, по сути, каналом связи с туманными богами, «человек – бог»². Помимо богов, люди редко обращают внимание на окружающих их людей и события³. В то же время, сельскохозяйственные технологии были обусловлены социальными условиями того времени: с одной стороны, поскольку человеческая практика все еще находилась в зачаточном состоянии,

¹ 杨文祥: 论信息文明与信息时代人的素质 — 兼论信息、创新的哲学本质 (J), 《河北大学学报 (哲学与社会科学版)》, 2001 (01): 57–63. [Ян Вэньсян. Об информационной цивилизации и качестве человека в информационную эпоху // Журнал Хэбэйского университета. Издание по философии и социальным наукам. 2001. № 1. С. 57–63. – на кит. яз.]

² Личностно-именной и профессионально-именной тип кодирования.

³ 王贵喜: 信息文明社会与人的思维方式变化, 《哈尔滨市党校杂志》, 2002 (05): 41–43. [Ван Гуйси. Общество информационной цивилизации и изменение человеческого мышления // Журнал Харбинской муниципальной партийной школы. 2002. Т 5. № 42. С. 41–43. – на кит. яз.]

знания о сельском хозяйстве были ограничены поверхностными знаниями, полученными благодаря интуиции. С другой стороны, поскольку средства коммуникации были крайне ограничены, люди общались друг с другом в формате «лицом к лицу», что затрудняло обмен информацией между большими и удаленными друг от друга группами. В результате люди полагались на свой собственный опыт как на правило для своей производственной деятельности. Когда люди используют свой предыдущий опыт для определения своего текущего поведения, они фактически обращаются к прошлому, чтобы найти компромисс между прошлым и настоящим поведением. На самом деле это образ мышления, при котором прошлое определяет настоящее, является отличительной чертой образа мышления аграрных цивилизаций – замкнутое, конвергентное, опережающее мышление.

В индустриальной цивилизации основной формой общественного производства является товар как социально-экономическое звено и предприятие, организующее производство и распределение товаров. Семья больше не выполняет функцию общественного производства, эта функция перешла к предприятию. Через рынок предприятия используют товары в качестве экономического инструмента, а государство – в качестве политического инструмента для мобилизации социальных ресурсов и организации общественного производства в социальном масштабе посредством законов и политики.

Микроэкономической организацией индустриальной цивилизации является предприятие, а макроэкономической организацией – национальное государство. Индустриальное общество возникло вместе с развитием естественных наук. Законы природы, открытые научными средствами, несомненно, более объективны и, следовательно, более универсальны, чем опыт органов чувств, они глубже проникают в суть вещей и объясняют, почему они такие, какие есть. В то же время развитие коммуникационных технологий в индустриальную эпоху привело к широкому распространению печати,

расширению издательской индустрии и появлению различных средств коммуникации, таких как телефон и телеграф, в дополнение к традиционной устной и эпистолярной передаче. Люди также имели более легкий доступ к знаниям и охотнее доверяли им, чем субъективному опыту. Поскольку научно-технические знания заменили опыт в качестве основного критерия поведения людей, это также привело к бессознательному изменению образа мышления людей. Это означает, что люди используют научные и технические знания, одновременно ориентируясь на реальность. Со временем формируется мышление, при котором люди больше не думают наперед, а переключают свое внимание на реальность.

Информационная цивилизация представляет собой новую форму цивилизации, которая принципиально отличается от сельскохозяйственной и индустриальной цивилизации. Это развитие и сублимация материальной цивилизации. Поскольку связь между информацией и социальными системами отражает существенную связь на философском уровне, эта связь определяет, что информационное поведение является наиболее фундаментальным социальным поведением человека. Именно поэтому информационная цивилизация воспитывалась в человеческих обществах с момента их возникновения. Из-за конвертируемости информации между различными материальными носителями, ее переносимости во времени и пространстве и повторяемости обмена, информационная цивилизация имеет явную тенденцию к дематериализации. Духовная цивилизация превращается в высшую форму информационной цивилизации.

Высшей формой информатизации является мысль. Вышеупомянутые характеристики информационных ресурсов во многом преодолевают ограничения материальных ресурсов, такие как их конечность и нерасщепляемость. Поэтому информационная цивилизация – это не только отрицание и сублимация материальной цивилизации, но и качественный скачок вперед для человеческой цивилизации. Построив информационную цивилизацию, человечество сможет разрешить социальные противоречия,

которые невозможно разрешить путем совместного использования материальных ресурсов, и реализовать социальные идеалы, которые невозможно достичь в исторических условиях материальной цивилизации.

Исходя из вышеприведенного, мы можем дать следующее определение информационной цивилизации – это цивилизация, где информация становится основным механизмом социальной связи, а информационные технологии – основным средством общественного развития. В информационном обществе информационная экономика становится основой материального производства. На повестке дня в развитии информационного общества стоят следующие вопросы: научное управление и эффективное использование информационных ресурсов, ограниченное развитие и неограниченное использование материальных ресурсов на разных уровнях на основе эффективного развития и использования информационных ресурсов, внутренняя координация и общий прогресс человеческого общества. Цивилизация, которая эффективно решает эти вопросы, достигает гармоничного развития человеческого общества и природной среды, и в конечном итоге устойчивого развития человеческого общества. Такой цивилизацией может стать информационная цивилизация. Сущность информационной цивилизации можно подчеркнуть в следующих характеристиках:

– историческим символом становления информационной цивилизации является трансформация основных ресурсов социального развития человека из материальных ресурсов в информационные. Анализируя философскую сущность и основные характеристики информации и информационной цивилизации, мы можем узнать, что современные информационные ресурсы есть виртуальные (нематериальные) ресурсы, которые разрабатываются с помощью информационных технологий и выражаются в цифровой форме. Основа развития человеческого общества эволюционировала от материальных ресурсов к цифровым. Трансформация от материальных ресурсов к информационным, являющимся основой развития человеческого общества, представляет собой качественное изменение в ходе его истории. Все

социальные элементы и социальные противоречия, которые на протяжении всей истории человечества базировались на материальных ресурсах, неизбежно претерпят фундаментальную эволюцию и трансформацию;

– технологической основой информационной цивилизации являются информационные технологии. Науку и технологии человечества можно разделить на две основные категории: материальные технологии, объектом развития которых являются материальные ресурсы, и информационные технологии, объектом развития которых являются информационные ресурсы. В информационную эпоху экономики, основанной на знаниях, материальные технологии и информационные технологии неразрывно связаны между собой. Только на основе высокоразвитой современной информационной технологии материальная технология может в полной мере реализовать свои социальные функции и осуществить максимально эффективное использование материальных ресурсов за счет полного развития информационных ресурсов. Именно поэтому основное средство социального развития человека трансформировалось из материальной технологии в информационную, а информационная цивилизация стала более мощной социальной цивилизацией, чем индустриальная;

– информационная цивилизация есть цивилизация, сущностью которой являются инновации. С точки зрения философской сущности информация – это посредник между материей и духом. Посредническая природа информации и ее философский статус определяют, что в информационной цивилизации сущностной характеристикой являются инновации. Инновации в мышлении являются источником инновационной практики. Все человеческие инновации являются результатом инноваций в мышлении, но они также являются результатом распространения инноваций в мышлении на практический уровень.

Во-первых, внутренняя инновация мышления, которая относится к обновлению структуры мышления. Вторая – внешняя инновация мышления, которая относится к созданию новых связей между субъектом и объектом,

между знанием (мышлением) и практикой, т.е. инновации в точке контакта, угле контакта, способе контакта, методе контакта. Поскольку информация является посредником между разумом и материей, субъективностью и объективностью, мышлением и практикой, инновации в мышлении являются результатом работы информационных механизмов. Важнейшая функция информации для человеческого мышления заключается в том, чтобы изменить структуру мышления и способ, которым мы мыслим. Это изменение является основой и предпосылкой для качественного изменения и скачка вперед в человеческом мышлении. С одной стороны, это изменение и обновление внешнего мира, а с другой стороны, изменение и обновление внутреннего мира – духовного мира, то есть инновация человеческого мышления. Это инновация человеческого мышления. Изменение и обновление внешнего мира есть экстернализация инноваций внутреннего мира. Эти два аспекта изменений и обновления усиливают и взаимодействуют друг с другом для создания основных характеристик информационной цивилизации, которыми являются инновации.

Информационная цивилизация эволюционирует как цивилизация больших систем. Единый мир информационного посредничества и духа – это тот мир, который отличает человечество от других объективных существ – мир человека. Энергия человеческой мировой системы заключена во взаимодействии духовного и материального миров, опосредованном информацией. Материя, энергия и информация являются три основных элемента всех систем. Если материя есть сущность системы, а энергия обеспечивает кинетическую энергию для этой сущности, то информация – это внутренний механизм, с помощью которого эти две сущности упорядочиваются и объединяются в одну, и благодаря которому достигается упорядоченное существование и движение этой сущности. Это материальное образование, которое существует и упорядоченно движется, является системой.

Информация определяет не только то, как система структурирована внутри, но и то, как она работает и обменивается с внешней средой. Это

связано с тем, что, во-первых, системы – это динамические системы, «живые», динамичные, постоянно действующие и развивающиеся.

Во-вторых, информация суть механизма, благодаря которому система существует и функционирует. Вещества, составляющие систему, могут быть построены только на основе информационных механизмов. Только на основе информационного механизма можно упорядочить работу системы с помощью энергии, которая движет ее работой. В-третьих, функционирование системы есть целостное функционирование не только самой микросистемы, но и макросистемы с внешней средой, и через обмен с внешней средой она синхронизируется с макросистемой и функционирует как единое целое. Система стремится к собственному развитию в гармонии с окружающей средой и общим развитием макросистемы. Эта взаимосвязь между информацией и системами определяет, что информационная цивилизация представляет собой большую системную, целостную и развивающуюся цивилизацию, философской основой которой является универсальная концепция информации. Поскольку информационная цивилизация значительно повысила роль знаний и технологий в исследованиях, разработке и производстве материальных благ, то в результате широкого распространения информационных технологий скорость и степень преобразования знаний в реальную производительность труда увеличивается, и технология все больше становится решающей силой в материальном производстве. Именно на основе своего понимания этой тенденции Дэн Сяопин сделал знаменитое утверждение, что «наука и техника – это, первая производительная сила»¹.

Информационная цивилизация привела к резкому увеличению разнообразия товаров и частоты их замены. Широкое использование научных исследований в разработке продукции, технологий в проектировании, автоматизации в производстве и гибких систем обработки привело к быстрому

¹ 邓小平文选》第3卷（M），北京：人民出版社，1993年10月1日：193–274。[Дэн Сяопин. Избранные труды Дэн Сяопина. Т. 3. Пекин : Народное издательство, 1993. С. 193–274. – на кит. яз.]

сокращению цикла обновления продукции. Также, информационная цивилизация привела к формированию «низкопотребляющих и высокоэффективных» отраслей промышленности и последующей дальнейшей гармонизации отношений между человеком и природой. С дальнейшим развитием информационной цивилизации ухудшение состояния ресурсов и окружающей среды, вызванное традиционной индустриализацией, будет постепенно сводиться к нулю. Информационная цивилизация способствует революции в экономике: возник способ производства, в котором информация стала сырьем. Мгновенная оперативность информации свела практически к нулю региональные различия в информационной обратной связи между производством, снабжением и сбытом товаров¹. Информация предшествует производству, позволяя покупать, чтобы производить, устраняя таким образом отходы в традиционной цепочке производства и распределения. Она становится жизненно важным экономическим ресурсом в современном производстве². В то же время, информация делает различные экономические ресурсы доступными для различных пользователей, и конкуренция между производителями товаров становится все острее.

Информационная цивилизация трансформирует политическую цивилизацию: во-первых, увеличение числа работников, обладающих знаниями, не только является причиной смены власти, но и создает условия и силы, которые являются предметом политического участия или демократической политики; во-вторых, новое развитие получила задача принятия решений, оно становится ключевым аспектом политической жизни. Растущий объем и скорость информации, проходящей через общество, и необходимость принимать решения слишком быстро перегружают субъектов, принимающих решения, заставляя общество принимать больше людей для участия в принятии решений и разрабатывать соответствующие системы

¹ 张青松：信息文明建设的哲学思考（J），《理论探讨》，1997（04）：48–51。[Чжан Цинсун. Философские размышления о построении информационной цивилизации // Теоретическая дискуссия. 1997. № 4. С. 48–51. – на кит. яз.]

² Гриценко В. П. Социокультурные коды и механизмы культурной трансляции // Наука. Искусство. Культура. 2014. № 3. С. 5–17.

управления; в-третьих, компьютеры оказывают все более огромное влияние на политическую систему. Большие, централизованно управляемые компьютерные системы могут увеличить власть государства над отдельными людьми; малые, децентрализованные компьютеры и их сети могут быть использованы для увеличения власти отдельных людей. Компьютеры также могут существенно изменить баланс в военной стратегии и политических выборах и даже определить решение политических вопросов. Развитие информационной цивилизации привело к постепенному движению в сторону прозрачности, демократизации и научности политической жизни и процессов.

Влияние информационной революции и информационной цивилизации на политическую или институциональную цивилизацию заключается в следующем: во-первых, дальнейшее развитие информационной цивилизации приводит к смене власти; власть предстает как способность доминировать над другими, и обычно ею пользуются тираны.

Власть есть сила, которая доминирует над другими и обычно состоит из трех элементов: насилия, богатства (денег) и знаний. Статус этих трех элементов различен на разных этапах развития человеческой цивилизации. В длительных сельскохозяйственных цивилизациях насилие играло доминирующую роль как главная основа для приобретения богатства и расширения власти; в ранних индустриальных цивилизациях богатство все больше становилось разменной монетой в борьбе за власть и постепенно превратилось в символ власти, статуса и главное средство контроля над обществом; а с появлением информационных технологий оно стало главным средством контроля над обществом. Наиболее яркой чертой наступающей информационной цивилизации является быстрое расширение и распространение знаний, так что власть перейдет от богатства (денег) к знаниям. Чем больше знаний и информации, тем быстрее они станут доступны каждому социальному агенту, и тем успешнее он будет развиваться в будущем.

Информационная цивилизация оказывает ослабляющее воздействие на институциональное отчуждение. Институциональное отчуждение означает, что люди развивают или формируют институты или системы для того, чтобы работать вместе и повышать эффективность, и действуют в соответствии со своими требованиями, подчиняясь их ограничениям и сдерживающим факторам. Это может даже препятствовать социальному прогрессу. Ослабление институционального отчуждения информационной цивилизацией означает, в целом, большую степень демократии и свободы, что означает свободу и полное развитие человеческой личности, что означает прогресс цивилизации. Увеличение объема информации и ускорение ее потока способствуют ослаблению институционального отчуждения. Несмотря на наличие экономических и политических факторов в развитии или формировании системы, расширение запаса информации и улучшение ее распространения способствуют размыванию институционального отчуждения. Увеличение потока информации в конечном итоге прорвет информационную блокаду, что затруднит поддержание неоправданной системы, устранив предпосылки для злоупотребления властью и тем самым ослабив отчуждение системы. И снова структура информации имеет решающее значение для ослабления институционального отчуждения.

Когда структура распределения информации крайне асимметрична, это может привести к серьезным социальным разногласиям. Группа, обладающая большей и лучшей информацией, будет иметь непропорционально большое преимущество в обществе. Кроме того, наличие независимой свободы выбора информации также важно для ослабления институционального отчуждения¹. Дальнейшее развитие информационной цивилизации привело к эпохальному скачку в духовной цивилизации: она подняла качество человеческого образования на беспрецедентный уровень.

¹ 洪坚,刘时衡,袁名敦:社会信息化进程与人类文明进步 (J),《大学图书馆学报》,1999 (03):13-14. [Хун Цзянь, Лю Шихэн, Юань Минтун. Процесс социальной информатизации и прогресс человеческой цивилизации // Журнал университетской библиотеки. 1999. № 3. С. 13-14. – на кит. яз.]

Постепенное создание глобальной образовательной сети объединило учебные заведения, исследовательские подразделения и информационные подразделения разных национальностей, регионов и даже стран, так что каждый член сети совместно использует все учебные ресурсы и средства; информационная цивилизация позволила глобальному духовному производству максимально использовать мудрость и питание всех человеческих существ. Постепенное формирование глобальной информационной сети позволяет основывать каждое духовное производство и дизайн в ней на анализе, привлечении и использовании всей соответствующей информации, материалов и существующих достижений во всем мире.

Каждый духовный продукт может по-прежнему иметь форму индивидуального исследования, но это уже не чисто индивидуальное творение, а консолидация и сублимация общей мудрости человечества; информационная цивилизация привела к глубоким изменениям в нашем мышлении. В информационной цивилизации основу общества определяют не «боги» и не «вещи», а информация¹. Огромное количество информации течет со скоростью света в сетевом канале и глубоко вовлечено в каждый аспект жизни людей. Взаимодействие между людьми, их образ жизни, обучение и даже мышление оказывает глубокое влияние. Если люди хотят в полной мере использовать информацию и расти в знаниях и интеллекте, они должны отказаться от присущего обычным людям способа мышления и установить способ мышления, который является открытым и конвергентным, присущим только информационным людям.

Информационная цивилизация позволила объединить умственное производство человека с искусственным интеллектом. Будучи продуктом человеческого мозга, компьютер, символизирующий искусственный интеллект, никогда не сможет заменить функции человеческого мозга. Но искусственный интеллект, созданный человеческим мозгом, будет все больше

¹ 王贵喜: 信息文明社会与人的思维方式变化, 《哈尔滨市党校杂志》, 2002 (05). :41-43. [Ван Гуйси. Общество информационной цивилизации и изменение человеческого мышления // Журнал Харбинской муниципальной партийной школы. 2002. Т 5. № 42. С. 41-43. – на кит. яз.]

обладать преимуществами и достоинствами, которых нет у человеческого интеллекта, и будет занимать все более важное место в умственном производстве и деятельности человека. Интеллект человеческого мозга и искусственный интеллект станут более тесно и гармонично интегрированы и будут развиваться вместе синергетически, способствуя прогрессу и развитию духовного производства и жизни человека.

Распространение информационной цивилизации имеет первостепенное значение. Существование информации определяет сознание. Если сознание, понятия, знания, культура, мораль и этика людей формируются в процессе получения различных видов информации, то без информации или распространения цивилизованной информации не могло бы быть и речи о духовной деятельности человека. Современное общество не может развиваться без информации. Все виды информации должны распространяться, чтобы люди могли ими делиться и реализовывать свою собственную ценность. Но как очистить информацию и устранить информационное загрязнение, информационный мусор и контрафактную информацию – это очень сложный вопрос.

Информационная цивилизация повысила общую цивилизованность субъекта. Дальнейшее развитие информационной цивилизации оказало более широкое и глубокое влияние на образ жизни социальных субъектов человека (индивидуальных, групповых и потенциальных субъектов). Информационная цивилизация превратила человеческое общество в «глобальную деревню»¹, тесно взаимосвязанную между собой. С созданием глобальной информационной сети обмен информацией и совместное использование ресурсов сблизил людей во всех сферах жизни, от материального производства и быта до духовного производства и быта. Хотя географические, этнические, расовые, языковые и культурные различия все еще существуют,

¹ Маклюэн М. Галактика Гутенберга : становление человека печатающего / пер. И. О. Тюриной. М. : Акад. Проект ; Фонд «Мир», 2005. 495 с.

осознание и поведение взаимопонимания и терпимости, сосуществования и солидарности будут укрепляться.

Информационная цивилизация привела к серьезным изменениям в структуре человеческой рабочей силы с дальнейшим развитием информационной революции. По мере развития информационной революции число работников сферы услуг в информационной индустрии будет значительно увеличиваться, тем самым сокращая долю работников первичных и вторичных отраслей. Вследствие широкого проникновения информационной индустрии в первичные и вторичные отрасли, границы между так называемым «классом синих воротничков» и «классом белых воротничков», а также между ручным и умственным трудом размываются и стираются. Эти два понятия тихо и быстро сливаются в одно.

Информационная цивилизация ведет к органичной интеграции традиционных дисциплинарных категорий. Широкомасштабная интеграция информации и обработки данных в глобальном масштабе сделала возможным для одной дисциплины или подразделения труда использовать информацию и сильные стороны других дисциплин или подразделений труда при рассмотрении и изучении проблем. В информационном обществе будущего человеческий разум способен использовать и учитывать сильные стороны других дисциплин или подразделений, все подразделения человеческой деятельности превращаются в систему инженерии общества, а подсистемы должны быть скоординированы и подчинены материнской системе.

Традиционная классификация и разделение труда между искусством, наукой и промышленностью будут вновь унифицированы на более высоком уровне. Информационная цивилизация сделает жизнь людей более комфортной, удобной и творческой. Благодаря формированию глобального информационного общества люди могут получить доступ к информации об учебе, жизни и производстве или организовать производство и торговлю, не выходя из дома, благодаря Интернету. Пятая информационная цивилизация предстает как новый скачок в развитии всего человечества. Создание

глобальной информационной сети позволило обеспечить повсеместный обмен информацией, объединение мультимедийных технологий, таких как данные, графика и звук, гармоничное развитие человеческого интеллекта и искусственного интеллекта, интеграцию умственного и физического труда, интеграцию естественных и общественных наук и даже литературы. Объединение естественных и общественных наук и даже литературно-художественного разделения труда, расширение и углубление чувственных и рациональных областей понимания человека неизбежно приведет к беспрецедентному скачку в эволюционной истории всестороннего развития человечества. В этом скачке вперед человеческий потенциал будет более широко и глубоко исследован, и приведен в действие, а способность человека овладеть собой и объективным миром станет более всеобъемлющей и мощной. В этом смысле дальнейшее развитие информационной революции откроет новую эру в истории цивилизации.

Итак, информационная цивилизация является закономерным этапом на пути социального прогресса. Однако несмотря на сходство экономического базиса, социумы информационного типа могут быть различными. Это определяется типом собственности, власти, социальных отношений. Величайшей трагедией на пути современной информационной революции стал бум капитализации.

На рубеже XX–XXI вв. в изменившихся в западных странах информационных условиях Тим Рорер (Tim Rohrer) отмечает капитализацию базовых неосязаемых (нематериальных) культурных объектов, к примеру, такого средства художественной коммуникации как метафора¹. В частности, метафора *информационного шоссе* (нем. *infobahn*), по мысли Т. Рорера, стала пропагандистским средством привлечения невиданных прежде в истории человечества масштабных политических и финансовых ресурсов в новую,

¹ Rohrer T. Even the interface is for sale: Metaphors, visual blends and the hidden ideology of the internet // Current Issues in Linguistic Theory / Eds.: R. Dirven, R. M. Frank, C. Ilie. Vol. 205. John Benjamins Publishing Company, 2001. P. 189-214.; Rohrer, T. Metaphors, Visual Blends and the Ideology of Information Technology // HERMES – Journal of Language and Communication in Business. 2017. Vol. 13. Is. 24. P. 131–159.

раньше не существовавшую отрасль экономики – отрасль информационных технологий (ИТ). В индустриальную эпоху такого перераспределения ресурсов невозможно было представить: сначала возникала и развивалась отрасль производства, а лишь за тем она становилась привлекательной для финансовых или политических инвестиций. Критика Т. Рорера аргументировано доказывает, что путем трансформации общественного сознания под натиском «чудес» новейших технологий возникает первоначально искусственный спрос на несовершенные громоздкие устройства оцифровки аналоговой информации, а за тем формируется наукоемкая индустрия совершенствования этих устройств, а также сфера обслуживания огромных потоков данных, генерируемых этими устройствами, которые, по существу, информацией являются лишь от части¹.

Один из ведущих экономических аналитиков Евросоюза Мариана Маццукато (Mariana Mazzucato) в первое десятилетие XXI в. отмечает коренное изменение экономики западных стран – переход от производства ценности к извлечению ценности². Такой спекулятивный крен экономики стал возможен благодаря неравномерному распределению данных и информационному неравенству как стран различного уровня технологического развития, так и внутри западных стран между различными слоями населения. По мысли одного из европейских ученых П. Дж. Блаунта (P. J. Blount) проект западной глобализации рассчитан на монополизацию управления информацией и потоками больших данных, что превращает их в «информационное оружие», которое теоретик относит к средствам массового поражения: свержения правительств в технологически зависимых от Запада государствах или дистанционного управления ими и целыми народами³.

¹ Бакуменко Г. В., Бакланов И. С., Бакланова О. А. Нейрометафора пользовательского интерфейса Уильяма Гибсона // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2025. Т. 7. № 2. С. 275–305.

² Mazzucato M. *The Value of Everything: Making and Taking in the Global Economy*. Public Affairs, 2018. 384 p.

³ Blount P.J. *Reprogramming the World: Cyberspace and the Geography of Global Order*. E-International Relations, 2019. 216 p.

Некоторые теоретики прогнозируют в ближайшее время новую волну технологического развития, связанную с конвергентными технологиями и ведущую к очередной (шестой) информационной революции¹. Хотя единого мнения на этот счет нет². В том числе российские культурологи усматривают определенную долю мистификации и высокую степень маркетинговой пропаганды с целью привлечения инвестиций в спорную область исследований путем раздувания риска технологической сингулярности (выхода технологий из-под контроля человека в результате технологического прорыва)³.

Риски интенсивного внедрения во все сферы жизни современного общества новейших информационно-коммуникационных технологий мотивируют определенные социальные ожидания, связанные со спецификой модернизации культуры в информационном обществе.

С одной стороны, технологии сами по себе никогда не были источником смысла и ценности человеческой жизни. Напротив, способы и области их применения, т. е. отношение человека и общества к ним, в значительной мере предопределяли тенденции происходящих в культуре изменений. К примеру, культовое, исключительно мирное изобретение тысячелетней китайской цивилизации, – порох, – в нацеленном на самооправдание перед Богом и самоутверждение перед лицом других народов прагматизме молодой европейской цивилизации⁴ было переосмыслено как тротил и использовано в качестве основы огнестрельного оружия. Благодаря этому военному преимуществу европейская цивилизация уничтожила исконные цивилизации Америки и длительное время, ведя колониальные войны, сдерживала развитие древнейших цивилизаций Азии и Африки. Но монополии на технологию рано

¹ Grinin L. E., Grinin A. L., Korotayev A. Forthcoming Kondratieff wave, Cybernetic Revolution, and global ageing // *Technological Forecasting and Social Change*. 2017. Vol.115. P. 52-68.; Kurzweil, R. *The Singularity Is Near: When Humans Transcend Biology*. Viking Press, 2005. 672 p.

² Korotayev A. The 21st Century Singularity and its Big History Implications: A re-analysis // *Journal of Big History*. 2018. Vol. 2, Is. 3. P. 73-119.

³ Бакуменко Г. В., Лугинина А. Г., Бакланова О. А. Эсхатология сингулярности: “Deus ex machina” в построении кинообразов будущего // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2024. Т. 6. № 3. С. 119–167.

⁴ Вебер М. *Хозяйственная этика мировых религий: Опыты сравнительной социологии религии. Конфуцианство и даосизм*. СПб., 2017.

или поздно приходит конец, и тогда диктатор (или доминирующая культура) сам оказывается в плену собственных заблуждений.

Как достижения ядерной физики могут быть нацелены, либо на решение энергетической проблемы дальнейшего развития мировой цивилизации, либо на ее уничтожение, так и новейшие цифровые технологии по своему ценностному потенциалу остаются амбивалентны. Они могут стать средством дальнейшего интенсивного развития современной культуры, обеспечения эволюции и процветания творческих практик или применяться в строго противоположных целях – угнетения творческого потенциала человека, сдерживания культурного развития и межкультурного взаимодействия, манипуляции общественным сознанием, включая разрушение культурной идентичности и самобытности населяющих планету народов.

Учитывая, что цифровые технологии создают, с одной стороны, новые виртуальные среды хранения и передачи информации, а с другой – средства оптимизации обмена и управления информацией, специфику модернизации культуры в информационном обществе кратко можно описать так: ее характеризует эффективное использование новых виртуальных сред и средств оптимизации обмена и управления информацией для усиления ценности и распространения выработанных за тысячелетнюю историю китайской цивилизации культурных смыслов. Эффективность в данном случае, как было рассмотрено в предыдущей главе, состоит не в скорости производства новых (инновационных) смыслов, а в рекомбинации уже существующих при помощи грамотно сформулированных на научной основе управляющих метанарративов. Только опора на выдержанные и отшлифованные за тысячелетия ценности превосходной китайской традиционной культуры позволяет предполагать, что управляющие установки политической элиты современного Китая выступают медиационными метанарративами, разрешающими конструктивную напряженность между традицией и новацией в условиях информационного общества.

2.2. Медиация в государственной доктрине цифровой модернизации Китая

Длительное время в Китае, как и в СССР, многие аспекты теории связи и технологического обеспечения цифровой обработки данных были засекречены и относились исключительно к военной сфере. Рубежными десятилетиями, в течении которых начинают развиваться и использоваться гражданские технологии обработки данных и управления производственными процессами при помощи Электронных вычислительных машин (ЭВМ) считаются 1950-е – 1960-е гг. (между двумя ключевыми датами: в 1950 г. в Киеве советскими учеными под руководством академика С. А. Лебедева создается первая советская ЭВМ, совершенствование которой продолжается в Москве под руководством И. С. Брука, а к концу 1960-х гг. ЭВМ уже используются для навигации и автоматизации управления техническими системами на советских космических кораблях «Союз» и «Л-1»)¹. Уже к 1980-м гг. аналоговым ЭВМ серьезную конкуренцию составляют Цифровые вычислительные машины (ЦВМ), обеспечивающие совершенно иной более высокий уровень производительности за счет использования полупроводников. В производственной сфере, прежде всего в электротехнической промышленности и машиностроении, начинают широко применяться станки с числовым программным обеспечением (ЧПУ) и полуавтоматизированные (роботизированные) конвейеры непрерывного цикла, существенно повышающие производительность труда.

Как отмечают российские теоретики: «В XX веке со страниц научно-фантастических книг (Г. Уэллс, Р. Брэдли, О. Хаксли, А. Азимов, А. Кларк, С. Лем, Р. Хайнлайн, А. Н. Толстой, А. Р. Беляев, И. А. Ефремов и др.) в изобилии посыпались наукоемкие концепты и концепции, предвосхищающие появление новейших технологий, и сопровождающие их новые этические,

¹ Малиновский Б. Н. История вычислительной техники в лицах. Киев : КИТ, ПТОО «А. С. К.», 1995. С. 54–62.

гуманитарные и социально-политические проблемы. Между воображаемыми мирами научной фантастики и научно-технического творчества сложилось общее (конвергентное) дискурсивное поле: с одной стороны, свершающиеся и гипотетические достижения науки становятся питательной почвой художественной фантазии, с другой – фантастические концепты и концепции («ракета», «робот», «робототехника», «компьютер», «киберпространство», «виртуальная реальность», «искусственный интеллект» и др.) силами ученых находят воплощение в окружающей человека техногенной реальности»¹. Так, из художественного творчества и искусствоведческого тезауруса один из ведущих разработчиков пользовательского интерфейса «человек – компьютер» Дуглас Энгельбарт (Douglas Engelbart, 1925–2013) заимствует в 1962 г. термин «графическая метафора»², который обеспечил адаптацию такого сложного технического устройства как компьютер к широкому потребительскому рынку. Уже в 1970-е гг. в США компьютерные игры, прежде (1940-е – 1960-е) разрабатываемые исключительно в экспериментальных целях, образуют отдельное направление индустрии развлечений, и игровые автоматы заполняют пустовавшие пространства в кинотеатрах, супермаркетах, на автозаправках, вокзалах и в других публичных местах.

Скорость освоения цифровыми технологиями различных областей производства и потребительского рынка в западных странах позволила в 1965 г. одному из основателей американской компании Intel, специализировавшейся на разработке и производстве электронных устройств и компьютеров, Гордону Муру (Gordon Moore) сформулировать гипотезу об экспоненциальном росте производства транзисторных микросхем³. В 1975 г. подмеченная десятилетием ранее и отраженная в математической модели

¹ Бакуменко Г. В., Бакланов И. С., Бакланова О. А. Нейрометафора пользовательского интерфейса Уильяма Гибсона // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2025. Т. 7. № 2. С. 277.

² Engelbart D. C. *Augmenting Human Intellect : A Conceptual Framework*. Routledge, 2023. URL: <https://www.taylorfrancis.com/chapters/oa-edit/10.4324/9781003230762-3/augmenting-human-intellect-douglas-engelbart> (дата обращения: 01.08.2025).

³ Moore G. E. Cramming more components onto integrated circuits, Reprinted from *Electronics*, volume 38, number 8, April 19, 1965, pp.114 ff. // *IEEE Solid-State Circuits Society Newsletter*. 2006. Vol. 11. No. 3. P. 33–35.

закономерность с небольшими дополнениями обрела законченный вид и стала известна как «закон Мура». В котором спрогнозировано, что число транзисторов на кристалле микропроцессора непременно будет удваиваться каждые два года.

С 1990-х в США начинается история глобальной сети Интернет. Спрогнозированное же Г. Муром бурное развитие вычислительной техники легло в основание изменившей общественное сознание западного обывателя метафоры информационного шоссе¹. Привлечение невиданных прежде финансовых, политических и организационных ресурсов в интенсивно развивающуюся отрасль спровоцировало инфраструктурную трансформацию экономики западных стран. Результатом пятой информационной революции, обусловленной автоматизацией информационных процессов, стал бурный экономический рост индустрии, обеспечивающей эту автоматизацию. Экономика же социалистических стран к началу 1990-х гг. оказалась не готова к столь значительным инфраструктурным изменениям и темпам экономического роста.

Сложившаяся ситуация стала дополнительным весомым аргументом для формирования на Западе устойчивого метанарратива об организационно-политических преимуществах западного общества². Примечательно, что культурно-исторические особенности незападных обществ в этом метанарративе либо намеренно игнорируются, как несущественный фактор³, либо образуют образ некоего обобщенного антагониста западной цивилизации, неспособного разумно и эффективно решать не только собственные проблемы, но и Запада⁴. Очевидная парадоксальность концепции столкновения цивилизаций состоит в том, что, по существу, именно фундаментальные противоречия прагматизма экспансивной западной

¹ Rohrer T. Even the interface is for sale: Metaphors, visual blends and the hidden ideology of the internet // Current Issues in Linguistic Theory / Eds.: R. Dirven, R. M. Frank, C. Ilie. Vol. 205. John Benjamins Publishing Company, 2001. P. 189-214.

² Fukuyama F. The End of History and the Last Man. Free Press, 2006. 464 p.; Huntington S. P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. Simon & Schuster, 2011. 368 p.

³ Fukuyama F. The End of History and the Last Man. Free Press, 2006.

⁴ Huntington S. P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. Simon & Schuster, 2011.

культуры являются источниками рисков и угроз стабильному глобальному развитию, а ответственность за перспективные риски перекладывается на противопоставленную Западу большую часть человечества. Словно малолетний ребенок молодая западная цивилизация в собственных бедах и огорчениях винит весь окружающий мир.

Дихотомическая модель концепции столкновения цивилизаций базируется исключительно на бинарных оппозициях, свойственных низкоконтекстуальным европейским языкам и культурам¹ (прежде всего, английскому), поэтому межкультурный диалог, в принципе, исключается как средство разрешения противоречий в англосаксонской модели глобального развития. В западном социальном дискурсе, по мысли известного американского теоретика коммуникации Роберта Т. Крейга (Robert T. Craig), доминирует кибернетическая модель коммуникации², которая и мешает адекватно воспринимать существующие в мире культурные альтернативы западному глобальному доминированию.

Интересно, что в отличие от апеллирующих к доступной статистике прогнозных моделей Ф. Фукуямы³ или Г. Мура⁴, широкую известность в 1960-1970-х гг., прежде всего в среде западной интеллектуальной молодежи, получают труды М. Маклюэна⁵ и Э. Тоффлера⁶, которые ближе к спекулятивной художественной или общественно-политической рефлексии. Благодаря футурологическим прогнозам, основанным на деконструкции

¹ Hall E. T. *Beyond Culture*. N. Y. : Anchor Books, 1977. 320 p.; Hall, E. T. *The Silent Language*. N. Y. : Doubleday and Co, 1959. 240 p.

² Craig, R. T. *Communication Theory as a Field* // *Communication Theory*. 1999. Vol. 9. No. 2. P. 119–161.

³ Fukuyama F. *The End of History and the Last Man*. Free Press, 2006.; Фукуяма, Фрэнсис. *Конец истории и последний человек* / Фрэнсис Фукуяма; пер. с англ. М. Б. Левина. М. : АСТ, 2007. 588 с.

⁴ Moore G.E. (2006). *Cramming More Components Onto Integrated Circuits*. Reprinted from *Electronics*, 38(8). 114 ff. *IEEE Solid-State Circuits Society Newsletter*, 11(3). 33–35. <https://doi.org/10.1109/NSSC.2006.4785860>

⁵ McLuhan M. *The Mechanical Bride: Folklore of Industrial Man*. N. Y. : The Vanguard Press, 1951.; Он же... *The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man*. Toronto: University of Toronto Press, 1962.; Он же... *Understanding Media: The Extensions of Man*. N. Y. : McGraw Hill, 1964.

⁶ Тоффлер Э. *Шок будущего* / Э. Тоффлер; ред., вступ. ст. П.С. Гуревич; пер. с англ. Е. Руднева, К. Бурмистров, И. Москвина-Тарханова [и др.]. М. : ООО "Издательство АСТ", 2002. 557, [3] с.; Toffler A. *The Future as a Way of Life* // *Horizon magazine*. 1965. Vol. 7. No 3. P. 108–117.

теоретической оптики, верификация выводов этих теоретиков откладывается в вероятное будущее.

Теория сжатия времени (ускорения течения социального времени) лишь спекулятивно используется как М. Маклюэном, так и Э. Тоффлером, без отсылки к марксизму (“annihilation of space by time”)¹. Но в 1960–1970-е гг. отношение к марксизму в среде радикальной студенческой молодежи Запада меняется. И в теоретической рефлексии намечается «левый» тренд (разворот от функционализма к марксистской критике)². Дэвид Харви (David Harvey) в 1990-х гг. развивает марксистскую теорию, подчеркивая неизбежность ускорения течения социального времени по причине капитализации нематериальных ресурсов³. Сжатие социального времени, как он считает, является логичным следствием усиления капиталистического гнета производственных сил и ресурсов, а асинхрония течения социального времени – наглядное проявление конкурентной борьбы транснационального капитала за тающие на глазах ресурсы.

Поддерживает позиции Харви и политэкономический анализ экологии культуры Элмара Альтфатера (Elmar Altvater)⁴. Он подчеркивает, что так называемый «свободный рынок» (капиталистический уклад) на самом деле никогда в своей истории не был свободным. Просто в отличие от плановой социалистической системы, в которой заложено рациональное отношение как к материальным, так и нематериальным ресурсам, капиталистический (западный) проект глобализации неэкологичен и расточителен. Запад живет в долг, нерационально разграбляя ресурсы других стран и перекладывает собственные обязательства перед будущим на страны с более рациональным

¹ Marx K. Grundrisse: Foundations of the Critique of Political Economy / trans. by M. Nicolaus. London : Penguin, 1993. P. 539. (Российскому читателю работа К. Маркса известна больше в её редакции Ф. Энгельсом см. Маркс К., Энгельс Ф. К критике политической экономии // Собр. соч., изд. 2, т. 13. М.: Политиздат, 1959. 771 с.).

² Harvey D. Social Justice and the City. Athens: University of Georgia Press, 2009. 368 p.

³ Harvey D. The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change. Chichester : Wiley-Blackwell, 1991. 392 p.

⁴ Altvater E. Ecological and economic modalities of time and space // Capitalism Nature Socialism. 1989. Vol. 1, No 3. P. 59–70.; Он же... The future of the market : an essay on the regulation of money and nature after the collapse of “actually existing socialism” / trans. P. Camiller. London : Verso, 1993. VI, 274 p.

экономическим укладом. Капитализм, по существу, свою грабительскую экономику видит как конкурентное преимущество. И может продолжать существовать только постоянно сохраняя и усиливая это конкурентное преимущество (грабеж других стран), что и обуславливает стремление Запада ускорять течение социального времени, сжимая за счет технологий разграбляемое пространство до уровня «заднего двора» (социокультурного фронта)¹.

В целом разделяя политэкономический подход Д. Харви, Дорин Мэсси (Doreen Massey) обращает внимание, что ускорение социального времени зависит от конкретной локальной социокультурной ситуации, от контекстов локальной культуры, особенность которой всегда обусловлена как географическими, так и историческими факторами². Она настаивает, что реакция людей на происходящие изменения сложна и разнообразна, привязана к конкретной местности, в то время как глобальный нарратив сжатия пространства и времени все чаще транслируется именно транснациональной популярной культурой, которая является продуктом и идеологией современных медийных транснациональных корпораций. Эта «новая» поп-культура нацелена на дискредитацию чувства локальности, привязанности человека к Родине, и маскирует культурное воспроизводство в «местах встречи» безальтернативной глобальной доктриной.

Подтверждается мнение Д. Мэсси и сторонниками акторно-сетевой теории. В частности, Б. Латур подчеркивает, что какие бы ни были провозглашаемые культурные нормативы (или нарративы), без их «приземления», т. е. локализации в живых культурных практиках, они остаются лишь пустой риторикой³. Соответственно, реально управляющий

¹ Бакуменко Г. В., Лугинина А. Г. Виртуализация социокультурного фронта «Tertius Romae» // Журнал фронтирных исследований. 2022. Т. 7. № 1. С. 265–293.

² Massey D. Space, Place, and Gender. Minneapolis : University of Minnesota Press, 1994. P. 146–156.

³ Latour B. Ecological Mutation and Christian Cosmology Critical Zones : A lecture for the International Congress of the European Society for Catholic Theology (Osnabrück, August 2021) / trans. S. Ferguson // Bruno Latour, 2011–2024. URL: <http://www.bruno-latour.fr/sites/default/files/181-plus-Vicherat-150ans.pdf> (access 15.08.2024).; The Science and Politics of Landing on Earth / Eds. B. Latour, P. Weibel. Cambridge : MIT Press, 2020. 560 p.

общественным развитием политический метанарратив (как комплекс культурных нормативов индивидуальной и коллективной деятельности, транслируемых посредством результатов этой деятельности) всегда предполагает медиацию локальной традиции и новации. В противном случае он будет выглядеть инородным элементом и отторгаться обществом.

Таким образом, современные дискуссии вокруг критики западного глобального проекта подтверждают эффективность выбранного политическим руководством Китая курса на поэтапную модернизацию культуры и производственных отношений во второй половине XX в., что является базой медиации традиции и новаций государственной политикой.

В отличие от бывших социалистических стран Восточной Европы, принявших в подавляющем большинстве путь «вестернизации» как единственно возможный безальтернативный путь модернизации, Китай, начиная с 1990-х гг., планомерно самостоятельно осуществляет инфраструктурное развитие экономики и культурной жизни. В этой связи основные доктринальные документы стратегического развития Китая представляют собой уникальный метанарратив, основанный на медиации традиции и новаций, и продолжающий развиваться как логичное повествование.

Начиная с 1990-х годов Коммунистическая партия Китая (КПК) и Государственный совет КНР опубликовали ряд ключевых документов, определяющих стратегическое развитие страны. Эти документы включают пятилетние планы (позже переименованные в «программы»), долгосрочные цели и отраслевые стратегии.

В 1991 г. Госсовет КНР, планируя 8-ю пятилетку (1991–1995), принимает в том числе 10-летний план развития народного хозяйства (1991–2000) (中华人民共和国国民经济和社会发展十年规划和第八个五年计划纲

要)¹, в котором основными направлениями развития намечены: переход к рыночной экономике, реформы госпредприятий, развитие городской и сельской инфраструктуры страны.

Основной идеей остается развитие метанарратива «китаизации марксизма» в направлении совмещения плановых и рыночных механизмов управления народным хозяйством с целью создания условий для конкуренции предприятий планового и рыночного типа хозяйствования (государственной и частной собственности на средства производства) в экономической эффективности. Государство и КПК (как политическая сила управления страной) в условиях развития рыночной экономики выступают своего рода национальным арбитром оценки эффективности предприятий и гарантом соблюдения и сохранения социалистических достижений китайского народа.

Реформы, первоначально в сельском хозяйстве, а за тем и в промышленности, начались еще в конце 1970-х гг. под руководством Дэн Сяопина². Новый Десятилетний план (1991–2000) включал, по мимо прочего, корректировку плановых просчетов предыдущего этапа реформ, в результате которых наметилось падение темпов экономического развития и возросла закредитованность предприятий. Наиболее эффективными были признаны предприятия, находившиеся в коллективной собственности, поэтому руководством страны был взят курс на увеличение доли таких предприятий в производстве Валового внутреннего продукта (ВВП): к 1996 г. доля таких предприятий составила 38,2 % от общего числа, а к концу 1990-х гг. во всех отраслях экономика она возросла до 75 %, обеспечивая около 29 % промышленного производства и до 36 % розничных товаров и услуг на внутреннем потребительском рынке³. Существенному приросту доли участия

¹ 中华人民共和国国民经济和社会发展十年规划和第八个五年计划纲要 [Госсовет КНР. Десятилетний план развития народного хозяйства и 8-я пятилетка (1991–1995). Пекин : Издательство народной литературы, 1991. – на кит. яз.]

² Чжан Чжифен. Экономические реформы в Китае: их особенности, механизмы, факторы успеха // Вестник ТГУ. 2003. №4. С. 104–118.; Романова Г. Н. Экономические реформы в Китае, их отличие от реформирования в России // Россия и АТР. 2008. № 4. С. 69–83.

³ Чжан Чжифен. Указ. соч. С. 108.

предприятий коллективной собственности в экономике страны способствовал, в том числе, принятый в 1996 г. очередной план 9-й пятилетки (1996–2000) с корректировками целей до 2010 г. (中华人民共和国国民经济和社会发展“九五”计划和2010年远景目标纲要)¹. Среди основных направлений развития сформулирован политический метанарратив «Два преобразования», подразумевающий: 1) постепенный переход к рынку; 2) изменение модели роста экономики страны за счет увеличения объемов экспорта и привлечение частных инвестиций. В плане также акцентировано внимание на интенсивном развитии западных регионов Китая.

Планы 10-й пятилетки (2001–2005) (中华人民共和国国民经济和社会发展第十个五年计划纲要) сориентированы на расширение международного сотрудничества Китая: вступление страны во Всемирную торговую организацию (ВТО), учреждение Шанхайской организации сотрудничества (ШОС, 上海合作组织), основателями которой 15 июня 2001 г. помимо Китая выступили Россия, Казахстан, Таджикистан, Кыргызстан и Узбекистан². Во внутренней политике КПК взят курс на ускорение урбанизации, включая инвестиции в благоустройство крупных и малых городов страны.

С 2004 г. в рамках развития «мягкой силы» Китай реализует международную программу Глобальная сеть Институтов Конфуция (Confucius Institute / 孔子学院). Миссия сети конфуцианских институтов состоит в пропаганде традиционной культуры Китая, в продвижении китайского языка и философии, в развитии дружеских отношений других стран с Китаем. К основным задачам сети институтов относятся:

– организация курсов китайского языка и культуры;

¹ 中华人民共和国国民经济和社会发展“九五”计划和2010年远景目标纲要 [Госсовет КНР. 9-я пятилетка и перспективы до 2010 года. Пекин : Издательство народной литературы, 1996. – на кит. яз.]

² 中华人民共和国国民经济和社会发展第十个五年计划纲要 [Госсовет КНР. 10-я пятилетняя программа (2001–2005). Пекин : Издательство народной литературы, 2001. – на кит. яз.]

- проведение научных конференций, посвященных Китаю;
- популяризация языка и культуры Китая через различные конкурсы и мероприятия;
- проведение квалификационного теста по китайскому языку (HSK);
- подготовка и издание учебной литературы по китайскому языку;
- студенческие и преподавательские стажировки в Китае, консультации по обучению в КНР.

Первый Институт Конфуция открыт 21 ноября 2004 г. в Сеуле (Республика Корея). В 2010-м г. их в мире насчитывалось уже 322, а также 369 специализированных классов Конфуция в 96 странах и регионах мира с общей численностью слушателей около 360 000 человек¹. В России, к примеру, Институты Конфуция успешно проводят работу в Благовещенске, Владивостоке, Волгограде, Екатеринбурге, Иркутске, Казани, Комсомольск-на-Амуре, Москве, Нижнем Новгороде, Новосибирске, Перми, Рязани, Санкт-Петербурге, Томске, Улан-Удэ и Элисте при ведущих федеральных и региональных высших учебных заведениях.

В 11-ой пятилетней программе (2006–2010) (中华人民共和国国民经济和社会发展第十一个五年规划纲要) особое внимание уделено «научному развитию» (科学发展观) на основе баланса внедрения в производство передовых наукоемких технологий с усилением экологической политики, нацеленной на снижение негативных последствий быстрого экономического роста². Переход от жесткого директивного планирования к программированию социально-экономического развития знаменует собой смену доктрины научно-теоретического и методического обеспечения государственной политики Китая. Программа, в отличие от пятилетнего

¹ Лю Яньдун. Совместная работа для устойчивого развития институтов Конфуция: Программная речь на V съезде Институтов Конфуция // Институт Конфуция (русско-кит. версия). 2011. № 1. С. 10.

² 中华人民共和国国民经济和社会发展第十一个五年规划纲要 [Госссовет КНР. 11-я пятилетняя программа (2006–2010). Пекин: Издательство народной литературы, 2006. – на кит. яз.]

плана, подразумевает более гибкую политику с учетом непредусмотренных положительных факторов влияния на развитие страны и возникающих негативных рисков и угроз.

Смена плановой директивы на программные установки только на поверхностный взгляд выглядит исключительно семантической. На деле в управлении государством изменяется системное представление об управляемом объекте. Плановая директива (сигнал к исполнению) отражает кибернетическую модель коммуникации в социальном механизме: т. е. общество мыслится как механизм, исполняющий спущенные сверху (из управляющего центра) команды. Программирование же социально-экономического развития уже основано на совершенно ином представлении: общество – как сложная информационная система, а эффективность его коллективной деятельности зависит не только от команд и целеуказаний, но и их обоснованной своевременности. Современному обществу в условиях информационной цивилизации для эффективного функционирования необходимо программное обеспечение, от качества которого и зависит способность к достижению поставленных целей.

Следующая 12-я пятилетняя программа (2011–2015) (中华人民共和国国民经济和社会发展第十二个五年规划纲要) включала в себя уже установки на переход к инновационной экономике, сокращение разрыва между городом и деревней, усиление качества производимых в Китае товаров и услуг до уровня мировых стандартов¹. Таким образом, с отставанием в 20 лет (если считать за условную точку отсчета запуск и приватизацию Интернета в США 1990 г., т. е. появление в 1989 г. первого коммерческого интернет-провайдера The World, Закон Конгресс США о науке и передовой технике 1992 г., а также официальную приватизацию созданной глобальной сети в 1994 г.) Китай

¹ 中华人民共和国国民经济和社会发展第十二个五年规划纲要 105页. [Концепция 12-го пятилетнего плана национального экономического и социального развития Китайской Народной Республики, Пекин : Издательство народной литературы, 2011. 105 с. – на кит. яз.]

официально вступает в конкурентную борьбу инновационных экономик. Хотя необходимо учитывать, что по итогам первого десятилетия XXI в. руководство КПК заинтересовано было не столько в состязании с экономиками западных странами, сколько в обеспечении плавного перехода китайского общества к новому состоянию общественных отношений. Как писал Ян Вэньсян, на пути преодоления парадигмы мышления, установленной сельскохозяйственной и индустриальной цивилизациями в истории человечества, необходимо совершить глубокие и радикальные изменения в морали, науке и технике до идеологии и теоретического сознания нового уровня, до всего поля концептуальных форм, ведущих в информационную эпоху и общество знаний¹.

Теорию инновационной экономики, как известно, предложил Йозеф Шумпетер (Joseph Schumpeter, 1883–1950), опубликовав в 1911 г. монографию, существенно её доработав в 1925 г., пересмотрев в ней трехфакторную модель производства и понятие прибыли². Он выделил прибыль из капитала, как доход предпринимателя, и указал на символическую природу оставшегося капитала, которая в полной мере реализуется не просто в производстве товаров и услуг, а в изобретении новых товаров и услуг на основе интеллектуального труда: науки и совершенствования технологий. Западные теоретики XX в. (Э. Тоффлер, Ф. Фукуяма, Д. Белл и др.) не рассматривали в принципе возможность стран социалистического уклада хозяйствования перейти к инновационной экономике, причисляя к ряду наиболее развитых в этом направлении стран только капиталистические (США, Канада, Япония, Сингапур, Австралия, Германия, Швеция, Финляндия, Израиль и др.). Хотя марксисты начала XX в. (в частности, А. А. Богданов,

¹ 杨文祥：论信息文明与信息时代人的素质——兼论信息、创新的哲学本质（J），《河北大学学报（哲学与社会科学版）》，2001（1）：57–63。[Ян Вэньсян. Об информационной цивилизации и качестве человека в информационную эпоху // Журнал Хэбэйского университета. Издание по философии и социальным наукам. 2001. № 1. С. 57–63. – на кит. яз.]

² Шумпетер Й. А. Теория экономического развития = Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung : Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung ; Капитализм, социализм и демократия = Capitalism, Socialism and Democracy / [пер. с нем.: В. С. Автономов, М. С. Любский, А. Ю. Чепуренко ; пер. с англ.: В. С. Автономов и др.]. М. : Эксмо, 2007. 861, [1] с.

В. И. Вернадский и др.) именно в раскрытии интеллектуального потенциала свободного от классовой эксплуатации труда видели цель социалистического развития. Ян Вэньсян обратил внимание, что логика развития информационной цивилизации ведет к смещению производительных сил из товарной сферы в область производства смыслов, поскольку философская природа информации в том, чтобы быть посредником между материей и духом. Эта посредническая природа информации является философской основой многих ее фундаментальных свойств¹. Поэтому существенной частью этой пятилетней программы становится стратегия развития высокотехнологичных отраслей «Сделано в Китае 2025» (中国制造2025, 2015)².

В индустриальной цивилизации общественное производство в основном организовано в форме предприятий, которые организуют производство и обращение товаров, при этом социально-экономическая связь товаров является основным звеном. Этот секрет индустриального товарного общества был раскрыт К. Марксом в «Капитале»³. К. Маркс раскрыл, что товар есть элементарная клеточка такого системного организма как капиталистическое товарное общество. Рабочая сила, деньги, капитал также являются элементарными клеточками этого социума. Семья больше не выполняет функцию общественного производства, эта функция перешла к предприятию. Предприятие мобилизует социальные ресурсы и организует общественное производство в социальном масштабе с помощью экономических средств в виде товаров на рынке и политических средств государства в виде законов и деклараций. Поэтому микроэкономической организацией промышленной

¹ 杨文祥：论信息文明与信息时代人的素质 — 兼论信息、创新的哲学本质（J），《河北大学学报（哲学与社会科学版）》，2001（1）：57–63. [Ян Вэньсян. Об информационной цивилизации и качестве человека в информационную эпоху // Журнал Хэбэйского университета. Издание по философии и социальным наукам. 2001. № 1. С. 57–63. – на кит. яз.]

² Сделано в Китае 2025 // Россия и Китай: Азиатское иллюстрированное обозрение, 2008–2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://ruchina.org/economy/made-in-china.html> (дата обращения: 07.08.2025).

³ Маркс К., Энгельс Ф. К критике политической экономии // Собр. соч. Изд. 2. Т. 13. М.: Политиздат, 1959. 771 с.

цивилизации является предприятие, а макроэкономической организацией – национальное государство.

При переходе же от индустриального товарного производства, подразумевающего рыночный дефицит товаров, к инновационному производству, подразумевающему не только преодоление дефицита, но и создание спроса на новые виды товаров и услуг, изменяются товарные качества: на первое место выдвигаются уникальные инновационные свойства, предполагающие преимущества инновации по сравнению с существующей линейкой предложений. Вполне логично, что усиливается роль медиации традиции (существующей линейки предложений) и новации (инновационные предложения). В Китае, как и во всех странах, такой медиантой выступает культура, а медиационный тип ее модернизации, выбранный в качестве метанарратива и генеральной стратегемы социально-экономического развития страны как раз и является фактором ускорения разрешения неминуемо возникающей *конструктивной напряженности* (А. С. Ахиезер¹).

Важный и ответственный вопрос современности – конструирование качества человека в исторических условиях информационной цивилизации. Человек существует как биосоциальное существо². Качество человека есть сложное системное образование³, именуемое личностью. Это сочетание врожденных физиологических и психологических основ человека, а также приобретенных знаний и способностей, полученных в процессе информационной цивилизации. Оно есть системно-ядерное образование личности, ядро структуры личности, сформированное в результате интернализации и сублимации приобретенных человеком знаний и способностей, и это наиболее стабильная часть структуры личности, определяющая сущностные её характеристики. Системные качества личности, таким образом, – это отправная точка культивирования человека обществом и

¹ Ахиезер А. С. Научно-техническая революция и некоторые социальные проблемы производства и управления. М.: Наука, 1974.

² Дубинин Н. П. Что такое человек. М. : Мысль, 1983. 334 с.

³ Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. : Наука, 1982. С. 86–135.

его конечная цель. Соответственно, основным объектом производства инновационной экономики становится сам человек. В этом китайская инновационная экономика значительно отличается от западной, располагая существенным стратегическим преимуществом. Если западный человек конструируется транснациональными корпоративными производителями поп-культуры как индивидуалист, как шизоидного типа личность («*тело без тела*»), в результате чего социальность в западной культуре приближается к состоянию ризомы¹, то коллективистский тип личности китайской культуры, обусловленный ментальными кодами конфуцианской социальной философии, вплетенной в концепцию мироздания традиционной культуры, как музыка вселенной, посредством концепта вселенской гармонии «хэ» (諧)², становится

¹ Делез Ж. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения / Жиль Делез, Феликс Гваттари ; [пер. с фр. Д. Кралечкина]. Екатеринбург : У-Фактория, 2007. 670 с.

² 王德峰. 音乐形而上学与现代性批判[J]. 哲学研究, 2015(3): 45-52. [Ван Дэфэн. Музыкальная метафизика и критика современности // Философские исследования. 2015. № 3. С. 45–52. – на кит. яз.]; 杜维明. 儒家思想新论[M]. 南京, 2001. 180页. [Ду Вэймин. Новая интерпретация конфуцианской мысли. Нанкин: Издательство «Народное издательство Цзянсу», 2001. 180 с. – на кит. яз.]; 罗艺峰. 中国音乐思想史五讲[M]. 上海: 上海音乐出版社. 2014. 359页. [Ло Ифэн. Пять лекций по истории китайской музыкальной философии [M]. Шанхай: Шанхайское музыкальное издательство, 2014. 359 с. – на кит. яз.]; 李泽厚. 华夏美学[M]. 台湾: 三民书局出版社, 1997. 232页. [Ли Цзэху. Эстетика китайской цивилизации. Тайвань: Sanmin Bookstore, 1997. 232 с. – на кит. яз.]; 刘承华. 儒家音乐美学现代性转换的路径与困境[J]. 中国音乐学, 2018(2): 89-96. [Лю Чэнхуа. Пути и трудности модернизационной трансформации конфуцианской музыкальной эстетики // Китайское музыкознание. 2018. № 2. С. 89–96. – на кит. яз.]; 项阳. 礼俗之间: 中国音乐文化史研究[M]. 上海, 2020: 52-71. [Сян Ян. Между ритуалом и обычаем: Исследования истории китайской музыкальной культуры. Шанхай: Шанхайское музыкальное издательство, 2020. С. 52–71. – на кит. яз.]; 谢秋菊. 浅论“和”在中西方古代音乐美学思想中的异同[J]. 音乐时空, 2013, (05): 78-79. [Се Цюцзю. Краткий анализ различий и сходств понятия «гармония» в древнекитайской и западной музыкальной эстетике // Музыкальное время и пространство. 2013. № 5. С. 78–79. – на кит. яз.]; 方东美. 中国人生哲学. 台北, 1980. 264页. [Фан Дунмэй. Философия китайской жизни. Тайбэй, 1980. 264 с. – на кит. яз.]; 黄翔鹏. 中国人的音乐和音乐学. 济南, 1997. 276页. [Хуан Сянпэн. Музыка и музыкознание китайского народа. Цзинань: Издательство литературы и искусства провинции Шаньдун, 1997. 276 с. – на кит. яз.]; 蔡仲德. 音乐与文化的人本主义思考[M]. 广州, 2003. 362页. [Цай Чжундэ. Гуманистическое осмысление музыки и культуры. Гуанчжоу: Народное издательство Гуанчжоу, 2003. 362с. – на кит. яз.]; 周宪. 文化表征与文化研究. 北京, 2017. 370页. [Чжоу Сянь. Культурная репрезентация и культурные исследования. Пекин: Издательство Пекинского университета, 2017. 370 с. – на кит. яз.]; 石惠敏. 浅谈中国传统音乐与西方音乐美学思想的异同[J]. 黄河之声, 2015, (12): 101. [Ши Хуэйминь. Различия и сходства китайской традиционной музыки и западной музыкальной эстетики // Голос Хуанхэ. 2015. № 12. С. 101. – на кит. яз.]; 邵汉明·刘辉·王永平. 儒家哲学智慧[M]. 长春, 2005. 328页. [Шао Ханьминь, Лю Хуэй, Ван Юнпин. Мудрость конфуцианской философии. Чанчунь: Народное издательство Цзилинь, 2005. 328 с. – на кит. яз.]; Чжу Цзюньси. Конфуцианская философия музыки в пространстве культуры глобализма // Человек и культура. 2025. № 1. С. 13–27.

опорой коллективной устремленности Китая к равноправному диалогу культур, к Сообществу единой судьбы человечества (人類命運共同體, 2012)¹.

Поэтому среди ключевых направлений 12-й пятилетней программы (2011–2015) усиливается внимание государства к развитию отраслей культуры: Развитие культурной индустрии (文化产业) как новой точки экономического роста; Поддержка традиционных ремесел, туризма и креативных индустрий. В официальных документах КПК и Госсовета КНР традиционная китайская культура рассматривается как важный ресурс для экономического развития, национальной идентичности и «мягкой силы» (软实力). Эта взаимосвязь особенно усилилась после 2010-х годов, когда Китай начал активно продвигать культурную индустрию как часть стратегии модернизации.

В рамках 12-й пятилетней программы предусмотрено создание культурных парков (напр., Шанхайская зона культурного наследия), кратное усиление финансирования проектов, связанных с нематериальным культурным наследием (НКН)². В 2014 г. Принимается государственный «План развития культурной индустрии» с целью увеличить долю культурного сектора в ВВП до 5 % к 2020 г. путем субсидирования малых предприятий в сфере культуры и создания «культурных кластеров» (напр., 798 Art Zone в Пекине)³.

¹ Совместное формирование новых партнерских отношений сотрудничества и взаимного выигрыша, создание Сообщества единой судьбы человечества – Выступление председателя КНР Си Цзиньпина в ходе дебатов на 70-й Генассамблее ООН [Электронный ресурс]. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2015-11/02/content_36956721_2.htm (дата обращения: 07.04.2025).

² 中华人民共和国国民经济和社会发展第十二个五年规划纲要, 2011. 105页. [Концепция 12-го пятилетнего плана национального экономического и социального развития Китайской Народной Республики, 2011. 105 с. – на кит. яз.]

³ 国家文化产业振兴规划, 2014. 8页. [Национальный план возрождения культурной индустрии, 2014. 8 с. – на кит. яз.]

Следующая 13-я пятилетняя программа (2016–2020) (中华人民共和国国民经济和社会发展第十三个五年规划纲要)¹ содержит вполне очевидные отсылки к глобальному развитию в рамках метанарративов «Новой нормальности» экономики и целевой установки на борьбу с бедностью. Кроме того, эти направления обеспечены такими положениями усиления мягкой силы как: «Интеграция культуры и технологий: развитие цифровых музеев, VR-туризма», «Стратегия интеграции культуры и туризма» (2018), включая развитие «красного туризма» (посещение революционных мест) и этнокультурных деревень (к примеру, Провинция Юньнань продвигает туры с акцентом на культуру народности)²; «Культурный экспорт: продвижение китайских фильмов, литературы и искусства за рубежом», включая проекты культурного обмена «Пояс и путь», а также поддержки анимационных студий, использующих традиционные сюжеты (например, «Нэчжа»)³.

Различные концепции «новой нормальности» первоначально складываются в теоретической дискуссии западных экономистов как рефлексия неспособности «наиболее развитых стран» преодолеть экономический кризис 2008–2009 гг. и выйти на докризисные показатели экономического роста⁴. Китай вступает в эту дискуссию, располагая положительным опытом снижения негативных глобальных факторов на темпы роста китайской экономики. Несмотря на отдельные пессимистические прогнозы относительно интенсивности развития китайской экономики⁵,

¹ 中华人民共和国国民经济和社会发展第十三个五年规划纲要. 153页. [Общая схема 13-го пятилетнего плана национального экономического и социального развития Китайской Народной Республики, 2016. 153 с. – на кит. яз.]

² 关于促进文化和旅游融合发展的意见, 2018. [Мнения о содействии комплексному развитию культуры и туризма, 2018. – на кит. яз.]

³ 中华人民共和国国民经济和社会发展第十三个五年规划纲要, 2016. 153页. [Общая схема 13-го пятилетнего плана национального экономического и социального развития Китайской Народной Республики, 2016. 153 с. – на кит. яз.]

⁴ Коновалова Ю. А. «Новая нормальность» и модель «Двойной циркуляции» по-китайски: к вопросу о «современном этапе» развития мирового хозяйства // Вестник РУДН. Сер.: Экономика. 2023. № 1. С. 7–29.

⁵ Ху Аньган. «Новая нормальность» Китая: Почему китайская экономика все еще на правильном пути // Россия в глобальной политике. 2015. № 3. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/novaya-normalnost-kitaya/> (дата обращения: 08.08.2025).

предпринятые руководством КНР меры по диверсификации экономических рисков сгладили последствия кризиса 2008–2009 гг., что и вывело Китай в глобальные лидеры. Выступая на Мировом экономическом форуме (Давос, Швейцария, 2017) Си Цзиньпин кратко охарактеризовал основания интерпретации «новой нормальности» китайскими теоретиками: «...экономика Китая вошла в то, что мы называем “новой нормой”, в которой происходят серьезные изменения с точки зрения темпов роста, модели развития, экономической структуры и движущих сил роста. Но экономические основы, поддерживающие устойчивое развитие, остаются неизменными... мы будем адаптироваться к “новой нормальности”, оставаться на шаг впереди и предпринимать скоординированные усилия для поддержания устойчивого роста, ускорения реформ, корректировки экономической структуры, повышения уровня жизни людей и предотвращения рисков...»¹.

Таким образом, благодаря управляющей роли государства как медиатора происходящих изменений, в руках которого сохраняются рычаги корректировки экономической структуры с целью планомерного повышения уровня жизни людей и предотвращения перспективных рисков, культура современного Китая оказалась более адаптивна к турбулентности информационной эпохи, чем растиражированные западными теоретиками примеры «наиболее развитых стран». Экспансивный характер культуры стран с богатым колониальным и неоколониальным прошлым подрывает их способность к скоординированным усилиям для поддержания устойчивого (стабильного) развития, обостряя между ними конкуренцию и противоречия в распределении ресурсов. Политические и экономические элиты этих стран лишь декларативно заботятся о повышении уровня жизни собственных граждан, на деле лишь эксплуатируя этот нарратив для собственного обогащения при снижении благосостояния большей части общества.

¹ Full Text of Xi Jinping keynote at the World Economic Forum. CGTN. URL: <https://america.cgtn.com/2017/01/17/full-text-of-xi-jinping-keynote-at-the-world-economic-forum> (дата обращения: 08.08.2025).

Принятая Госсоветом КНР 14-я пятилетняя программа (2021–2025) и цели до 2035 г. (中华人民共和国国民经济和社会发展第十四个五年规划和2035年远景目标纲要) ориентированы на усиление роли в экономическом росте «Двойной циркуляции» и технологической независимости¹. Среди ключевых положений программы культура обозначена как весомая часть «внутреннего круга» экономики двойной циркуляции (双循环). Для повышения экономической эффективности культурных индустрий отдельно намечена программа оцифровки культурного наследия, включая использование блокчейна для защиты авторских прав, а также при государственной поддержке осуществляются крупные культурные проекты, такие как: Национальный проект «Цифровой Шелковый путь», который помимо прочего включает оцифровку древних текстов; Популяризация ханьфу (汉服) и чайной культуры через соцсети (Douyin, Xiaohongshu)².

Таким образом, в китайских стратегических документах политический метанарратив «превосходная традиционная китайская культура» раскрывается в трех основных аспектах: во-первых, традиционная культура выступает экономическим ресурсом, обеспечивающим через туризм, цифровизацию и креативные индустрии достаточно высокую долю ВВП (не менее 5-10 %); во-вторых, она является уникальным идеологическим инструментом укрепления национальной культурной идентичности и коллективного единства народа Китая; в-третьих, только с опорой на самобытность традиционной китайской культуры возможно усиление глобального влияния Китая посредством стратегии «мягкой силы». Именно в

¹ 中华人民共和国国民经济和社会发展第十四个五年规划和2035年远景目标纲要, 2021. 142页. [Общая схема 14-го пятилетнего плана национального экономического и социального развития Китайской Народной Республики и долгосрочные цели на 2035, 2021. 142 с. – на кит. яз.]

² 中华人民共和国国民经济和社会发展第十四个五年规划和2035年远景目标纲要, 2021. 142页. [Общая схема 14-го пятилетнего плана национального экономического и социального развития Китайской Народной Республики и долгосрочные цели на 2035, 2021. 142 с. – на кит. яз.]

этом контексте следует рассматривать роль традиционной культуры Китая в намеченной руководством страны парадигме цифровой модернизации.

Рассмотрим основные официальные документы, которые показывают развитие цифровизации на всех уровнях, начиная с высшего государственного, провинциального, муниципального и заканчивая университетом, чтобы была возможность проследить развитие цифровизации на всех уровнях, на всей вертикали управления современной культурой Китая. Развитие цифровизации на всех уровнях управления в Китае предполагает вертикальный анализ четырех уровней: государственный (национальный), провинциальный (региональный), муниципальный (городской / сельский) и университетский (институциональный). Китай активно внедряет цифровые технологии на всех уровнях управления – от общегосударственных стратегий до локальных инициатив в университетах. Эта вертикаль отражает системный подход к цифровой трансформации, где центральное правительство задает курс, а регионы и учреждения адаптируют его под свои нужды.

На национальном (общегосударственном) уровне в 2016 г. обозначена общая стратегия цифровизации¹ и реализуется национальный проект «Цифровой Китай» (数字中国, 2017–2025), в который входят с 2023 г. подпроекты, связанные с интеграцией в системы управления и культурного производства технологий искусственного интеллекта (ИИ), 5G и блокчейна². В национальном проекте реализуются ключевые направления развития «умных городов» (Smart Cities), создание национальных платформ (напр., электронное правительство), включая разработку системы «Один код на всё» (一码通 – единый цифровой ID для госуслуг)³.

В рамках программы 14-й пятилетки (2021–2025), предусмотрен поэтапный переход к цифровой экономике, рост которой планируется к 2025 г.

¹ 国家信息化发展战略纲要, 2016. 32页. [Концепция Национальной стратегии развития информатизации, 2016. – на кит. яз.]

² 数字中国建设整体布局规划, 2023. [Генеральный план строительства цифрового Китая, 2023. – на кит. яз.]

³ Там же.

до 10 % ВВП. На платформе «Государственные услуги» (政务服务网) запланирована к этому же сроку полная цифровизация госуслуг¹.

На провинциальном уровне реализуется комплекс проектов «Пилотные зоны цифровой экономики» (напр., Чжэцзян, Гуандун)².

В частности, в Ханчжоу (провинция Чжэцзян) осуществляется тестирование цифрового юаня; в Шэньчжэнь (город субпровинциального значения в провинции Гуандун) создан и функционирует региональный центр ИИ и big data³. Успехи Китая в анализе big data и развитии ИИ базируются на трех ключевых факторах. Во-первых, это изначальный доступ к большим базам данных для подражания. Во-вторых, слабость политики персональных данных. В-третьих, это наличие огромного рынка рабочей силы⁴. Намечена и планомерно осуществляется с 2019 г. цифровизация сельских территорий, подразумевающая повышение качества интернет-связи в деревнях и внедрение технологий цифрового сельского хозяйства⁵ (одним из примеров может служить комплекс «Умная теплица», разработанный в Шаньдуне).

На муниципальном уровне начиная с 2014 г. реализуется комплекс проектов «Умные города» (智慧城市)⁶, включающий как оптимизацию управления коммунальными службами (например, в Шанхае внедрено цифровое управление транспортом на платформе Alibaba's City Brain), так и

¹ 中华人民共和国国民经济和社会发展第十四个五年规划和2035年远景目标纲要, 2021. 142页. [Общая схема 14-го пятилетнего плана национального экономического и социального развития Китайской Народной Республики и долгосрочные цели на 2035, 2021. 142 с. – на кит. яз.]

² 浙江省数字经济促进条例, 2020. 25页. [Положения о содействии развитию цифровой экономики провинции Чжэцзян, 2020. 25 с. – на кит. яз.] – первый региональный закон о цифровизации; 广东省数字经济发展规划, 2021–2025. 69页. [План развития цифровой экономики провинции Гуандун на 2021–2025 годы. 69 с. – на кит. яз.]

³ 浙江省数字经济促进条例, 2020. 25页. [Положения о содействии развитию цифровой экономики провинции Чжэцзян, 2020. 25 с. – на кит. яз.]

⁴ Цит. по: Зуенко И.Ю. Китай в эпоху Си Цзиньпина. М. : Издательство АСТ, 2024. С. 116.

⁵ 数字乡村发展战略纲要, 2019. [Концепция стратегии цифрового развития сельских районов, 2019. – на кит. яз.]

⁶ 关于促进智慧城市健康发展的指导意见, 2014. [Руководящие мнения по содействию здоровому развитию умных городов, 2014. – на кит. яз.]; 新型智慧城市建设指南, 2021. 68页. [Руководство по строительству новых умных городов, 2021. 68 с. – на кит. яз.]

полный переход на цифровой документооборот муниципальных услуг (примером может служить применение технологии блокчейн для оформления документов в Сучжоу)¹, а также повсеместное внедрение на территории Китая цифровой платформы для бизнеса «Одно окно» (一窗通), включающей дистанционную регистрации компаний онлайн (внедрено и активно эксплуатируется в Пекине, Гуанчжоу и др. городах).

На институциональном (университетском) уровне с 2018 г. государством поддерживаются национальные инициативы цифровизации образования (например, платформа «Умный кампус» (智慧校园) в университетах Цинхуа и Пекина; разнообразные онлайн-курсы на платформе XuetangX (китайский аналог Coursera)². Отдельные университеты реализуют локальные проекты прорывных технологий (например, в Фуданьском университете Шанхая осуществляет работу лаборатория ИИ для анализа big data, Чжэцзянский университет активно сотрудничает с платформой Alibaba в области развития *cloud computing* (облачных вычислений)).

Таким образом, в Китае сложилась комплексная вертикаль цифровизации от государственного уровня (Электронное правительство, цифровой юань), к региональному (浙江省数字经济条例, 广东数字经济发展规划, пилотные зоны Ханчжоу и Шэньчжэнь), муниципальному (智慧城市建设指南, «Умные города» в Шанхае и Сучжоу) и институциональному (教育信息化2.0, «Умные кампусы», онлайн-образование и пр.). В этом комплексе можно выделить основные тренды: ориентацию на сквозную интеграцию оборота информации (данные с муниципального уровня поступают в национальные аналитические системы), акцент на внедрение технологии ИИ и блокчейн (особенно в пилотных регионах Чжэцзян и Гуандун), а также опору

¹ 新型智慧城市建设指南, 2021. 68页. [Руководство по строительству новых умных городов, 2021. 68 с. – на кит. яз.]

² 教育信息化2.0行动计划, 2018. 10页. [План действий по информатизации образования 2.0, 2018. 10 с. – на кит. яз.]

на образование как на драйвер цифровой трансформации культуры (подготовка квалифицированных кадров для цифровой экономики ведет к качественным изменениям)¹.

Следует подчеркнуть, что медиация в государственной доктрине цифровой модернизации Китая нацелена, прежде всего, на оптимизацию и обеспечение внутренних процессов социально-экономического развития китайского общества. Что отличает государственную доктрину Китая от западных трендов цифровизации, основанных на глобальной экспансии нормативов западной культуры в информационное пространство технологически зависимых от Запада стран. Как следует из проанализированных документов стратегического планирования социально-экономического развития КНР государственный политический метанарратив «превосходная традиционная китайская культура» основан на трех направлениях ее эксплуатации и развития:

1) в качестве экономического ресурса обеспечения посредством туризма, цифровизации и креативных индустрий высокой доли культурного инновационного продукта в общем ВВП (не менее 5–10 %);

2) в качестве уникального ценностно-смыслового ядра идеологии укрепления национальной культурной идентичности и коллективного единства народа Китая;

3) в качестве базовой основы (ценностно-смыслового ядра) усиления глобального влияния Китая, т. е. его «мягкой силы» на международной арене в области налаживания равноправного межкультурного диалога и обмена культурными достижениями разных стран.

Государственная доктрина цифровой модернизации Китая, таким образом, опирается на традиционную культуру как на экономический и ценностно-смысловой ресурс текущего и перспективного социально-экономического развития. Технологические инновации, связанные с

¹ 中国数字经济发展白皮书 20页. [Белая книга о развитии цифровой экономики Китая. 20 с. – на кит. яз.]; World Bank (2022), China's Digital Governance Model.

информационным этапом эволюции общественных отношений, в перспективе социально-экономического развития представляют собой средства оптимизации социального управления и программирования, в то время как традиционная культура остается ценностно-смысловым ядром идеологии укрепления национальной культурной идентичности и коллективного единства народа Китая, продвижения его имиджа в международных отношениях и одним из важнейших ресурсов дальнейшего экономического развития.

Таким образом, медиационные функции государства в реализации доктрины цифровой модернизации Китая обусловлены, с одной стороны, исторически сложившимися кодами традиционной китайской культуры, ценностный потенциал которой представляет собой ресурс эффективного управления. Основной функцией государства остается разрешение конструктивной напряженности между традицией и новациями путем формулирования политического метанарратива. Из основной функции вытекают другие задачи государственного управления и стратегического планирования дальнейшим развитием общественных отношений, а именно:

- повышение благосостояния населения и решение задач поддержания стабильного экономического роста с учетом преимуществ внутреннего рынка и перехода на новый тип производства в условиях информационного общества
- от производства товаров к производству смыслов, т. е. к культурному производству;

- обеспечение перехода экономики на инновационные технологии, основанные на передовых достижениях науки; сфера культуры попадает в область инновационной экономики (креативные индустрии, культурный туризм, система образования, наука и т. д.) в качестве драйвера интенсивного развития;

- совершенствование нормативной базы регулирования социально-экономического и социокультурного развития с учетом общенациональных интересов и геополитических вызовов, включая поиск альтернатив западному

доминированию в международных отношениях с целью обеспечения национального суверенитета в области культуры.

Поставленная задача, таким образом, решена.

Анализ медиационных функций государства в реализации доктрины цифровой модернизации Китая показал, что традиционная культура рассматривается политическим руководством КНР, во-первых, в качестве социально-экономического ресурса обеспечения развития страны. Реализация данной доктрины может быть осуществлена благодаря высокой доли культурного инновационного продукта (туризм, креативные индустрии, цифровизация и т.д.) в общем ВВП (не менее 5–10 %). Во-вторых, традиционная культура выступает в качестве уникального ценностно-смыслового ядра идеологии укрепления национальной культурной идентичности и коллективного единства народа Китая. В-третьих, традиционную культуру необходимо рассматривать в качестве основы (ценностно-смыслового ядра) усиления «мягкой силы» Китая. Технологические инновации, связанные с информационным этапом эволюции общественных отношений, в перспективе социально-экономического развития представляют собой лишь средства оптимизации социального управления и программирования, в то время как традиционная культура остается ценностно-смысловым ядром идеологии укрепления национальной культурной идентичности и коллективного единства народа Китая, продвижения его имиджа в международных отношениях и одним из важнейших ресурсов дальнейшего экономического развития.

2.3. Функции традиционной культуры в цифровой модернизации Китая*

Основные функции традиционной культуры в цифровой модернизации Китая определены в медиационной государственной доктрине, рассмотренной в предыдущем параграфе. Но доктринальные установки государственной политики только тогда можно считать политическим метанарративом, предопределяющим текущую и перспективную ситуацию, когда он реализуется в конкретных культурных практиках, влияя на культурную и художественную жизнь народа. Когда локальные нарративы художественного творчества реально насыщают доктринальные установки (политический метанарратив) постоянно расширяющимся содержанием. Иными словами, реальный политический метанарратив отличается от разного рода пустых политических деклараций тем, что конкретные нарративы художественного творчества не только соответствуют доктринальным установкам, но и наполняют их реальным содержанием.

В советской культуре подобным образом был реализован политический метанарратив социалистического реализма, став одновременно и стилистическим направлением, характеризующим официальное художественное творчество в СССР, и своего рода смысловым канонem, семиотическим кодом целой эпохи, повлияв в том числе и на развитие социалистической культуры КНР в XX в. В 1960-е и 1980-е гг. этот метанарратив стал для отдельных советских художников антитезой формирования целей и содержания творчества, но, тем не менее, высокохудожественные достижения советской культуры в живописи, музыке, театре, кинематографе, архитектуре, дизайне и т. д. скорее не опровергают ценность управляющей функции политического метанарратива, а подтверждают продуктивность четко обозначенной в рамках метанарратива

* При написании параграфа использованы материалы опубликованных исследований соискателя, включая научные статьи, указанные в списке использованной литературы под №№ 200, 202.

официальной государственной идеологии. Причем даже критическое отношение художника к обозначенной в метанарративе государственной доктрине становится порой отправной точкой в расширении содержания провозглашенного метанарратива. Так, к примеру, попавший в свое время в немилость официальной государственной цензуре СССР «формализм» в творчестве Д. Д. Шостаковича, тем не менее стал методом создания монументальной музыкальной фрески эпохи, – широко известной во всем мире Симфонии № 7 «Ленинградской» (соч. 60, 1941), – ставшей непревзойденным эталоном реализма советского искусства.

Наиболее значительное проявление информационно-компьютерная революция приобрела в феномене документной матрицы. Концепт и феномен документной матрицы возник давно. Однако свою ведущую роль он приобрел в эпоху капитализма, товарного производства и научно-технической революции. Документ возник как технотронный, знаково-символический, матричный код, способный в точной знаковой форме передавать программу производства предметных и других продуктов производства. Мишель Фуко выделил три основных эпистемы¹ в Европе – ренессансную (XVI в.), классическую (XVII–XVIII вв.) и современную (с конца XVIII в. и по настоящее время). Эпистемы – это логико-познавательные модели познания и производства, которым соответствуют типы семиозиса – языковых моделей познания и производства. Каждая эпистема² и семиозис характеризуется особой связью между логикой, делами, словами и вещами, т. е. конкретную форму знаково-ментальной презентации смыслов³. Набор знаковых форм, моделирующих в определенном тексте производство (воспроизводство) вещи, товара и утвержденных законом называется документом. Эта документно-матричная революция совершена была уже упоминавшемся Полем Отле. Хотя

¹ Бокарева О. Б. Генезис гуманитарных наук у М. Фуко, понятие «эпистемы» и программа археологии знания // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 2-2. С. 6–10.

² Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В. П. Визгина; вступ. ст. Н. С. Автономовой. СПб. : Талисман, 1994. С. 41–44.

³ Гриценко В. П. Культура как знаково-семиотическая система : дис. ... д-ра филос. наук. М., 2000. 338 с.

порой возникает иллюзия, что информационная революция была совершена компьютерщиками.

Коренная революция была произведена автором глобального города-знания, создавшего новую теорию социальных кодов – документно-матричные коды. Революция П. Отле явилась продуктом эпохи механизма, энциклопедизма, просвещения и типографии. Она содействовала формированию книжной энциклопедии (гипертекста), который в период компьютеризации трансформировался в матрицу электронного гипертекста на основе электронного документа и документооборота. Произшедшая информационная революция была переходом с бумажной информатики линейного текста на электронную матрицу и социокод. В информационной сфере текстографического типа документ стал основным носителем рациональной информации, что революционизировало социальную память и систему переработки и использования информации – мышление, интеллект, самосознание. В начале XX в. Поль Отле осознал и вывел на уровень метанарратива документную матрицу¹ и заложил фундамент общества знаний и вместе со своими соратниками заложил основу новому типу социокода и культурной трансляции. Отле объединил журнальные и газетные статьи, рекламные сообщения, гравюры, фотографии, схемы, диаграммы в интегрированное пространство имен и создав единое пространство документосферы. Сформировался современный этап рационализации социального интеллекта, именуемый цифровизацией. На смену лично-именным, профессионально-именным и универсально-понятийным кодам пришел документно-матричный.

Поля Отле можно смело называть одним из архитекторов общества глобализации и информатизации общества знания. Для этого нужно было размышлять об интеллекте как о глобальной информационно-

¹ Отле П. Организация умственного труда // Труды по библиотековедению. Руководство для общественных библиотек. Организация умственного труда. Руководство к администрированию: практ. пособ. М.: Либерея, 2002. С. 136–158; Отле П. Руководство к администрированию // Там же. С. 159–226; Отле П. Тратат о документации // Библиотека, библиография, документация: избранные труды пионера информатики. М.: ФАИР-ПРЕСС; Пашков дом, 2004. С. 187–309.

коммуникативной коллективной деятельности – гиперинтеллекте. Все это произошло во многом благодаря тому, что под влиянием идей социальной интернационализации и на основе качеств имманентных его деятельности, – библиограф, книговед, документовед, – он развивал идеи универсализма. Отле с единомышленниками заложили институциональный центр интеллектуального глобализма – Мунданеум. Путь в глобализацию центр прокладывал через метанарративы библиотечно-библиографической деятельности и документоведения. В 1895 г. Был создан Международный библиографический институт как институция, содержащая универсальный библиографический репертуар. Эта социальная машина содержала сумму универсальных кодов всеобщего интеллекта. Коллективный разум человечества перестраивался: на смену именным кодам (М. К. Петров), пришли концептуальные (универсально-понятийные)¹. Универсальные коды заложены были еще Аристотелем, как логические и этические универсалии они разрабатывались в средние века, как философские и научные категории и концепты, – в Новое время.

Один из вариантов универсальной науки разрабатывался П. Отле, который объединил библиографические и документалистские категории интегрировал с иконографическим репертуаром, музеями книги и прессы, международной библиотекой и музеем. По существу, научный тезаурус (тезаурус совокупной научной лексики) был интегрирован в тезаурус культуры и искусства, мифа и религии на основе общих принципов систематизации и организации знания – универсальной десятичной классификации. Центральную интегрирующую и организующую роль в мировом интеллекте или глобальной информационной системе согласно П. Отле и А. Лафонтену должен был играть Всемирный дворец – Palais Mondial (1910). Так же, как и другие проекты «всеобщего благоустройства» в эпоху массового общества на базе машинерии, проект «глобальной

¹ Гриценко В. П. Социокультурные коды и механизмы культурной трансляции // Наука. Искусство. Культура. 2014. № 3. С. 5–17.

библиотеки» носил централистский и стандартизированный характер¹. В 1920 г. этот дворец получил название Mundaneum. Он должен был стать самым масштабным международным центром, в котором Международный библиотечный институт (МБИ) интегрировал бы вокруг себя организации и службы всемирной документационной (семиотической)² «машины»³. П. Отле⁴ проектировал и создавал универсальный мировой документационный и информационный центр, однако мыслил это, скорее, как социальный институт, а не как техническое устройство. Эта институция должна была включить МБИ, архивные службы, книгоиздательские службы, другие различные международные подразделения. Этот институт глобализации должен был, как и всякий институт, регулировать деятельность социума по удовлетворению определенных потребностей, в данном случае, формирование глобального информационного пространства в документационно упорядоченной форме⁵.

Проект П. Отле отличался рядом гуманитарных и гуманистических признаков:

- а) мирный и демократический характер,
- б) основным двигателем была информационно-документационный сфера,
- в) все преобразования носили светский характер.

Современные мегаполисы и цивилизация также содержат в себе подсистему умного города и всеобщего интеллекта. Однако в современном глобальном социуме на первое место в конструировании и прототипировании выходит медиакommunikация и манипулирования. С начала XXI в., по мере того как всеобъемлющая национальная мощь Китая продолжала расти, его

¹ Абрамова Э. Г. Поль Отле – архитектор «общества знания» // Вестник Луганского государственного университета имени Владимира Даля. 2021. № 3. С. 34–38.

² Гриценко В. П. Социальная семиотика. Екатеринбург : Ин-т международных связей, 2006. 243 с.

³ Мэмфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества / пер. с англ. яз. Т. Азаркович, Б. Скуратов. М. : Логос, 2001. 406 с.

⁴ Otlet P. Traité de documentation : le livre sur le livre, théorie et pratique. Bruxelles : Editions Mundaneum, 1934. 452 p.

⁵ Абрамова Э. Г. Поль Отле – архитектор «общества знания» // Вестник Луганского государственного университета имени Владимира Даля. 2021. № 3. С. 34–38.

международный статус также улучшался, а потребность Китая в собственном голосе все больше привлекает внимание всего мира. В то же время, похоже, все больше набирает силу убеждение в том, что Соединенные Штаты находятся в относительном упадке, центр тяжести мировой власти смещается на Восток и что Китай стал новым соперником Соединенных Штатов на пути глобализации. Западная цивилизация, представленная Соединенными Штатами и Европой, по-прежнему остается самой могущественной силой в мире. Интересен Ответ Китая на этот цивилизационный Вызов: если Китай хочет успешно добиться национального возрождения, он должен укреплять свою культурную престижность в процессе открытости и участия в глобализации. Политика «мягкой силы» предполагает осуществление взаимовыгодного обмена посредством сотрудничества: активно стремиться к сотрудничеству, делиться возможностями развития Китая, его достижениями и опытом со всем миром. Китайская стратегия взаимности предполагает, что возможности для обеспечения права Китая на слово могут быть достигнуты только путем следования китайскому пути и построения сообщества с общей судьбой для всего человечества.

После XIX Национального конгресса Коммунистической партии Китая больше внимания стало уделяться стратегии культурной уверенности. Она нацелена на стремление Китая к открытости внешнему миру. Национальные культуры расцветают благодаря обмену, а цивилизация в целом обогащается и прогрессирует благодаря взаимному обучению. Обмены и коммуникация способствуют мирному развитию, а взаимное обучение в цивилизационном контакте является основой и важной движущей силой прогресса человеческой цивилизации в целом.

В настоящее время цифровые технологии достигли значительного прогресса, став новым типом когнитивного инструмента и мощным средством воздействия на социальную жизнь, а их влияние на производство и жизнь человеческого общества становится все более заметным. В пятом разделе «XIV Пятилетнего плана и концепции национального экономического и

социального развития Китайской Народной Республики до 2035 года»¹, который называется «Ускорение цифрового развития и создание цифрового Китая» обозначено: «ускорить создание цифровой экономики, цифрового общества и цифрового правительства и использовать цифровую трансформацию в целом для стимулирования изменений в способах производства, жизни и управления»². Целевая установка пятилетней программы основана на положении, что цифровая трансформация ведет к изменениям в способах производства и культурной жизни, оптимизируя систему социального управления в целом.

Современное производство предполагает использование интеллекта как внутреннего фактора производства. Это достигается за счет использования компьютеров и Интернета вещей. В современных условиях интеллектуальное производство является ведущим средством в конкуренции за лидерство.

В Чунцине 24 августа 2023 г. состоялось одно из важных мероприятий Smart Expo – IV Саммит-форум по промышленному Интернету и интеллектуальному производству³. Его тема – «Расширение возможностей интеллектуального производства залог лидерства в будущем».

Лю Лихун, заместитель министра промышленности и информационных технологий, выступил на форуме в режиме онлайн⁴. Академик Китайской инженерной академии Ву Хэцюань выступил с основным докладом в формате видео⁵. Около 200 человек, известных экспертов в области промышленного

¹ 中华人民共和国国民经济和社会发展第十四个五年规划和2035年远景目标纲要, 2021.03.13, 新华社. [План XIV Пятилетнего плана национального экономического и социального развития Китайской Народной Республики и программа целей видения до 2035 года // Информационное агентство Синьхуа. 2021. 13 марта – на кит. яз]. URL : https://www.gov.cn/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm (дата обращения : 14.12.2023).

² План развития Китая на четырнадцатую пятилетку и до 2035 года // Ресурсный центр по стратегическому планированию [Сайт]. URL : <http://stratplan.ru/news/Plan-razvitiya-Kitaya-na-chetyrnadtsatuyu-ryatiletku-i-do-2035-goda> (дата обращения : 14.12.2023).

³ В Чунцине открылся Форум цифровой экономики «Китай – ШОС» // Рамблер / Новости [Сайт]. URL : https://news.rambler.ru/world/47088055/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения : 15.12.2023).

⁴ Перед предприятиями встают вызовы кибербезопасности // Международная жизнь – Обзор зарубежных СМИ [Сайт]. URL : <https://interaffairs.ru/news/show/28412?ysclid=lymwnte62i220618824> (дата обращения : 15.12.2023).

⁵ Там же.

Интернета и интеллектуального производства, представителей профильных государственных ведомств и предприятий собрались вместе, чтобы обменяться новыми технологиями и новыми результатами. Они совместно обсудили пути совершенствования развития промышленного Интернета. Отмечалось, что интеграция 5G и промышленного Интернета может ускорить процесс цифрового восхождения Китая на новый уровень индустриализации. Однако из-за таких факторов, как фрагментация рынка, промышленная децентрализация и высокие цены на соответствующее оборудование, это затрудняет внедрение 5G + промышленного Интернета в краткосрочной перспективе.

Ху Цзяньбо, главный инженер института и генеральный секретарь Индустриального альянса промышленного Интернета, отметил, что самый дешевый в настоящее время промышленный модуль 5G стоит 500 юаней. Цены на такое оборудование, как 5G CPE (клиентское терминальное оборудование) и промышленные шлюзы 5G, также высоки. Поскольку для организации промышленного интернета 5G+ требуется большое количество сопутствующего оборудования, компаниям зачастую приходится вкладывать для этого большие деньги¹. Поэтому, предприятия следует поощрять к ускорению исследований и разработок терминальных модулей и терминальных продуктов для типичных промышленных сценариев. В то же время, следует поддерживать развитие связей между компаниями. Это увеличит охват промышленных компаний при строительстве базовых станций 5G и еще больше снизит затраты компаний, развертывающих промышленный Интернет 5G+.

Лю Чжэнь, академик IEEE (Институт инженеров по электротехнике и электронике), бывший президент Азиатской инженерной академии Microsoft и председатель Aolin Technology Co., Ltd., считает, что большая часть промышленного Интернета должна полагаться на разработку снизу вверх.

¹ В Китае наступает период стремительного развития промышленного Интернета // Жэньминь Жибао онлайн. 2021. 23 авг. URL : <http://russian.people.com.cn/n3/2021/0823/c31518-9887004.html> (дата обращения : 17.12.2023).

Нижний уровень ОТ-систем (таких как MES, APS) и систем управления (таких как PLC, SCADA) реализуют сбор данных об оборудовании, производственных линиях и заводах, а также реализуют информационный контроль заводского оборудования¹. Однако из-за длительного периода внедрения, высокой степени индивидуальной разработки и высокой стоимости сопутствующих систем малые и средние предприятия не могут себе их позволить. Промышленная интернет-платформа среднего уровня реализует облачное хранение данных об оборудовании + визуальное управление + анализ на основе данных об оборудовании. Однако эта часть данных ограничена уровнями оборудования и производственных линий и не имеет интеграции с данными ОТ и ИТ. Следовательно, цикл соотношения ввода-вывода этой платформы также очень длинный. Верхний уровень промышленных приложений реализует локальную оптимизацию: профилактическое обслуживание оборудования, мониторинг производства, управление энергопотреблением, послепродажное обслуживание. Однако его недостатком является то, что он осуществляет лишь частичную оптимизацию и не предоставляет общего анализа и плана оптимизации.

Лю Чжэнь предположил, что не все производственные и эксплуатационные звенья предприятия требуют сбора и анализа данных. Если заранее точно определить, какие звенья действительно требуют сбора и анализа данных, а затем развернуть промышленный Интернет и оборудование целенаправленным образом, то это снизит капитальные вложения предприятий в цифровую трансформацию². С этой целью компаниям необходимо использовать более передовые концепции и технологии для создания цифровых двойников на уровне предприятия и разработки цифровой трансформации сверху. На этой основе алгоритмы данных + искусственного

¹ 2020 T-EDGE | 傲林科技董事长、IEEE院士刘震：软件行业的时代机遇，钛媒体，2020年12月18日。[2020 T-EDGE. Лю Чжэнь, председатель Aolin Technology и академик IEEE: Возможности в индустрии программного обеспечения // Titanium Media. 2020. 18 дек. – на кит. яз]. URL : <https://www.tmtpost.com/nictation/4899565.html>. (дата обращения : 18.12.2023).

² 当代数字化转型的痛点与解决方式，傲林科技。[Болевые точки и решения современной цифровой трансформации – на кит. яз]. URL : <https://www.allintechinc.com/h-nd-66.html> (дата обращения : 17.12.2023).

интеллекта используются для поддержки принятия корпоративных решений.

Хэ Жуй, заместитель генерального директора China Mobile Internet of Things Co., Ltd., отметил, что компания создала систему приложений 5G+IoT¹, которая полностью обеспечит цифровую модернизацию отрасли². Также создана база цифровой разведки 5G, чтобы обеспечить единый доступ к частным сетевым услугам для промышленных предприятий и способствовать углубленному развитию промышленного Интернета. Например, компания использует 5G+IoT, чтобы помочь производителям бытовой техники построить эффективные фабрики.

Чу Цзянь, основатель компании Zhejiang Lanzhuo Industrial Internet Information Technology Co., Ltd., подчеркнул, что его компания основана на разработке supOS³, которая имеет независимые права собственности. Это обеспечивает лидерство в контрольных показателях + поддержку платформы для содействия цифровой и интеллектуальной трансформации обрабатывающей промышленности.

В Гаомине⁴ озвучили модель трансформации производства, придав мощный импульс ускорению строительства современных «трех новых» городов⁵. Прозвучал призыв к цифровой и интеллектуальной трансформации обрабатывающей промышленности Гаомина. Округ Гаомин провел

¹ The Internet of Things – Интернет вещей.

² 中国智博会“第四届工业互联网和智能制造高峰论坛”/中移物联网有限公司副总经理何瑞以《5G+IoT注智赋能工业互联》为主题发表演讲, 知乎, 2021年8月13日. [IV саммит по промышленному Интернету и интеллектуальному производству China Smart Expo / Хэ Жуй, заместитель генерального директора China Mobile Internet of Things Co., Ltd., выступил с речью на тему «Внедрение интеллектуальных данных 5G + IoT для обеспечения промышленной взаимосвязи» // Чжиху. 2021. 13 авг. – на кит. яз]. URL : https://www.zhihu.com/column/c_1242112284832714752 (дата обращения : 19.12.2023).

³ Сайт SupOS [<https://www.supos.com/home>] – первая промышленная операционная система Китая с независимыми правами интеллектуальной собственности. Платформа является основной платформой «умного мозга» обрабатывающей промышленности. Это интегрированная прикладная платформа для мониторинга процессов, управления производством и принятия бизнес-решений, ориентированная на предприятие и реализует информатизацию, оцифровку, интеллектуальную модернизацию и трансформацию корпоративных клиентов с помощью новой бизнес-модели «Платформа + промышленные интеллектуальные приложения». Гибкие возможности горизонтального и вертикального расширения, предоставляемые supOS, могут удовлетворить потребности предприятий от малого до крупного, от развития бизнеса с одним преимуществом до диверсифицированных групповых приложений.

⁴ Гаомин – район городского подчинения городского округа Фошань провинции Гуандун.

⁵ 刘洋：超前探索“佛山制造+数字经济” 提升城市新能级，新浪转自《佛山日报》，2020年5月21日. [Лю Янг: Предварительное изучение темы «Производство в Фошане + цифровая экономика» для повышения нового энергетического уровня города // Фошань Дейли. 2020. 21 мая – на кит. яз]. URL : https://sinogerman.foshan.gov.cn/xwzx/gdgc/content/post_4357012.html (дата обращения : 20.12.2023).

конференцию по цифровому и интеллектуальному преобразованию и развитию производства, чтобы реализовать требования провинциального и муниципального внедрения. Секретарь районного комитета партии Гаомин Ян Юнтай и мэр района Лян Яобинь присутствовали на встрече и договорились о совместной работе, предложив продвигать цифровую и интеллектуальную трансформацию обрабатывающей промышленности как приоритетный проект¹.

Будучи крупным производственным районом, Гаомин в прошедшие годы превзошел запланированный уровень: общий объем промышленного производства превышает 330 миллиардов юаней². При этом значительная часть приходится на традиционное производство, что обеспечивает основу для преобразований. Гаомин создал ряд эталонных компаний по цифровой трансформации, в том числе Esquel Textile³. В районе эффективно развиваются два национальных демонстрационных предприятия «Интеграция и информатизация», в том числе Foshan Lighting и Haitian Flavor Industry (Gaoming), два провинциальных промышленных предприятия по эталонному Интернету, одна провинциальная демонстрационная площадка фабрики данных и три муниципальных демонстрационных площадки. Сюда входят Huaxing Glass, Демонстрационная библиотека, Law En Sanitary Ware и три других демонстрационных предприятия интеллектуального производства муниципального уровня. Можно сказать, что Гаомин добился больших успехов в области цифровых демонстрационных фабрик, цифровых демонстрационных семинаров, цифровой трансформации производственных

¹ 高明区区长梁耀辉：以强大自信推动高明腾飞/高明两会,南方+, 2019年2月28. [Лян Яохуэй, губернатор округа Гаомин: «Мы с большой уверенностью способствуем росту компании «Гаомин» // Gaoming Two Sessions. 2019. 28 февр. – на кит. яз]. URL : <https://m.163.com/dy/article/E94S966M055004XG.html> (дата обращения : 21.12.2023).

² 历史时刻！高明官宣GDP过千亿，佛山五区均入千亿方阵，南方报业传媒集团南方+客户端，2023年1月9日. [Исторический момент! Официальный представитель Гаомина заявил, что ВВП превышает 100 миллиардов, а площадь пяти районов Фошаня составляет 100 миллиардов квадратных метров // Южная газета медиагруппы «Юг». 2023. 01 сент. – на кит. яз]. URL : https://gov.sohu.com/a/627409670_100116740 (дата обращения : 20.12.2023).

³ 拥抱智能制造 创建数字工厂，高明人民政府网转自《佛山日报》，2021年4月15日. [Использование интеллектуального производства для создания цифровой фабрики // Фошань Дейли. 2021. 15 апр. – на кит. яз]. URL : https://www.gaoming.gov.cn/zwgk/jrgm/content/post_4763560.html (дата обращения : 20.12.2023).

предприятий. Лидерство посредством сравнительного анализа и демонстрации, а также лидерство посредством совместного преобразования являются ключевыми направлениями трансформации экономики Гаомина.

С одной стороны, Гаомин активно поддерживает и поощряет предприятия в зоне для достижения трансформации и развития различными путями, поддерживает создание демонстрационных эталонов и в то же время, поддерживает ведущие предприятия, такие как Haitian Flavor Industry (Gaoming) и Esquel, включая предприятия добывающей и перерабатывающей промышленности, толкающими кластерное развитие производственной цепочки. В планировании цифровой и интеллектуальной трансформации и развитии обрабатывающей промышленности в районе Гаомин важную роль играет развивающаяся платформа Международного информационного порта Рунзе. С помощью этой платформы Гаомин объединяет усилия с поставщиками промышленных интернет-программных услуг, такими как Fii и Dingjie Software, чтобы развивать большое количество компаний, занимающихся цепочками поставок, и поставщиков профессиональных услуг, включая поставщиков услуг цифровой трансформации к 2023 г.¹. С опорой на эти разработки в провинции развиваются экологические модульные интернет-платформы (Esquel Textile and Plastics Alliance)².

Промышленный парк Цанцзян – это давно существующий промышленный парк в районе Гаомина. В процессе содействия преобразованию обрабатывающей промышленности Гаомин стремится способствовать разумному преобразованию парка, ускорению строительства базовых станций 5G и активному развертыванию новой информационной инфраструктуры: промышленный Интернет, центры обработки данных, модернизация внутренних и внешних сетей, поддержка и стимулирование

¹ 高明大力推动工业互联网发展, 佛山市高明区政府网转自《佛山日报》, 2020年6月16. [Высоко развитая поддержка промышленного интернета, сеть местного самоуправления города Фошань // Фошань Дейли. 2020. 16 июня – на кит. яз]. URL : https://www.gaoming.gov.cn/zwgk/jrgm/content/post_4383286.html (дата обращения : 22.12.2023).

² 刘嶧: 全力建设现代化“三新”城市, 《佛山日报》, 2021年6月24日. [Лю Янь: Тотальные усилия по строительству современных «трех новых» городов // Фошань Дейли. 2021. 24 июня – на кит. яз]. URL : https://www.gaoming.gov.cn/zwgk/jrgm/content/post_4383286.html (дата обращения : 22.12.2023).

различных субъектов рынка к участию в инвестициях и строительстве в цифровой экономике¹. Эффективность цифровой трансформации предприятий провинции подтверждается повышением производительности труда в два раза, снижением потребления энергии на единицу продукции более чем на 10 % и ежегодной экономии около 5 % затрат на рабочую силу². Благодаря применению энергосберегающих систем было сэкономлено в общей сложности 10,55 миллионов юаней, и они были выбраны в объявлении о демонстрационном проекте эталонного проекта цифровой трансформации производства провинции в 2022 г. Обобщая комплексные достижения провинции Гаомин, Хэ Чжиен обращает внимание, на продуктивность политического нарратива «одно предприятие, одна политика»³, подразумевающего высокий уровень инициативности и ответственности конкретных предприятий.

Приоритетами цифровизации в государственных документах стратегического планирования названы три области: цифровая экономика, цифровое общество и цифровое правительство. Приоритетность этих направлений обуславливается возможностью внедрения в них универсальных программ оптимизации управленческих, технологических, логистических и производственных процессов. Соответственно, возникают вопросы эффективности применения высвобождающихся ресурсов, сохранения культурной самобытности и разнообразия в условиях унификации информационного пространства. Решение этих вопросов связано именно с культурной политикой, поскольку основным объектом производства в

¹ 叶能军, 尹辅华: 顺德高明向低效用地说“不” 推进土地高质量利用, 搜狐转自《南方日报》, 2019年1月4日. [Е Нэнцзюнь, Инь Фухуа: Шунде Гаомин говорит «нет» неэффективному землепользованию, чтобы способствовать качественному землепользованию // Южный ежедневник. 2019. 04 янв. – на кит. яз]. URL : https://www.sohu.com/a/286566611_118671 (дата обращения : 20.12.2023).

² 刘增, 劳子浩: 高明工业企业掀起“技改热”, 《佛山日报》, 2022年6月28日. [Лю Цзэн, Ло Цзыхао: Промышленные предприятия Гаомина спровоцировали «лихорадку технологических реформ» // Фошань Дейли. 2022. 28 июня – на кит. яз]. URL : https://www.gaoming.gov.cn/zwgk/jrgm/content/post_4383286.html (дата обращения : 22.12.2023).

³ 何志勇: 高明东西部大协作按下“加速键”, 《佛山日报》, 2023年10月26日. [Хэ Чжиен: Гаоминское сотрудничество Востока и Запада нажимает «кнопку ускорения» // Фошань Дейли. 2023. 26 окт. – на кит. яз]. URL : https://www.gaoming.gov.cn/zwgk/jrgm/content/post_4383286.html (дата обращения : 22.12.2023).

информационном обществе становится человек. Поэтому сохранение и укрепление общекитайской культурной идентичности взято на вооружение и выражено политическим метанарративом «превосходной традиционной китайской культуры».

Как было проанализировано в предыдущем параграфе, медиация государственной доктрины цифровой модернизации Китая нацелена, прежде всего, на оптимизацию и обеспечение внутренних процессов социально-экономического развития китайского общества. Государственная доктрина Китая в отличие от западных трендов цифровизации, основанных на глобальной экспансии нормативов западной культуры в информационные пространства других стран, ориентирована на реализацию документно-матричной модели П. Отле исключительно во внутреннем информационном пространстве с сохранением государственного контроля в области международных отношений, включая продвижение на международной арене китайских институтов «мягкой силы». Государственный политический метанарратив КНР «превосходная традиционная китайская культура» основан на трех направлениях ее эксплуатации и развития:

1) в качестве экономического ресурса обеспечения посредством туризма, цифровизации и креативных индустрий высокой доли культурного инновационного продукта в общем ВВП (не менее 5–10 %) к 2035 г.;

2) в качестве уникального ценностно-смыслового ядра идеологии укрепления национальной культурной идентичности и коллективного единства народа Китая;

3) в качестве базовой основы (ценностно-смыслового ядра) усиления глобального влияния Китая, т. е. его «мягкой силы» на международной арене в области налаживания равноправного межкультурного диалога и обмена культурными достижениями разных стран.

По всем трем направлениям в Китае интенсивно развиваются различные культурные практики и осуществляются художественно-технологические эксперименты. Обобщая положительные результаты интенсивной цифровой

модернизации современной культуры Китая, следует также обращать внимания на возникающие проблемы и противоречия с целью дальнейшего их медиационного разрешения. Рассмотрим отдельные примеры по каждому направлению.

Сфера экономики туризма и креативных индустрий в направлении увеличения доли культурного инновационного продукта в общем ВВП на основе цифровизации артефактов культурного наследия претерпевает в Китае бурный рост¹.

С одной стороны, практика оцифровки и применения изображений костюмов этнических меньшинств, как отмечает Гань Цзяньхоу, позволяет создать стандартизированный набор данных, составляющих информационную базу изображений костюмов, а также разработать на ее основе методами семантической сегментации и генерации эскизов динамические мультимедийные способы экспонирования наследования культурного наследия². Помимо новых приемов экспонирования, что непосредственно связано с репрезентацией наследия в глобальной цифровой информационной среде, включая подобные экспозиции в маршруты виртуальных туристических туров, предложенные Гань Цзяньхоу технологические решения открывают скрытые прежде источники разработки уникального

¹ 甘健侯. 少数民族服饰图像数字化技术及应用. 科学出版社, 2025年3月第1版, 265 页. [Гань Цзяньхоу. Технологии оцифровки и применение изображений костюмов этнических меньшинств. Пекин : Science Press, 2025. 265 с. – на кит. яз]; 邹广文. 中国当代语境下的文化矛盾与文化走向. 首都师范大学出版社. 2019年1月版, 406页. [Цзоу Гуанвэнь. Культурные противоречия и культурные тенденции в современном Китае. Capital Normal University Press, 2019. 406 с. – на кит. яз]; 冯天瑜. 中华文化生态论纲. 长江文艺出版社, 2021年3月, 415 页. [Фэн Тяньюй. Очерк китайской культурной экологии. Изд-во «Литература и искусство Чанцзян», 2021. 415 с. – на кит. яз]; 中国现代化报告2009: 文化现代化研究 / 中国现代化战略研究课题组. 北京大学出版社, 2009年1月版, 437 页. [Отчет о модернизации Китая 2009: исследование культурной модернизации / Исследовательская группа по стратегии модернизации Китая. Изд-во Пекинского университета, 2009. 437 с. – на кит. яз]; 高书生. 文化数字化: 关键词与路线图. 北京联合出版公司, 2022年5月, 142 页. [Гао Шушэн. Культурная цифровизация: ключевые слова и дорожная карта. Пекин : Beijing United Publishing Company, 2022. 142 с. – на кит. яз]; 宋洋洋. 中国文化科技融合战略发展研究报告: 文化和科技融合有效机制的探索与创新. 中国人民大学出版社, 2025年2月. 224 页. [Сун Яньян. Исследовательский отчет о стратегическом развитии интеграции культуры и технологий в Китае: исследование и внедрение эффективных механизмов интеграции культуры и технологий. Пекин : Изд-во Китайского университета «Жэньминь», 2025. 224 с. – на кит. яз].

² 甘健侯. 少数民族服饰图像数字化技术及应用. 科学出版社, 2025. , 265 页. – [Гань Цзяньхоу. Технологии оцифровки и применение изображений костюмов этнических меньшинств. Пекин: Science Press, 2025. 265 с. – на кит. яз.]

промышленного дизайна одежды, упрощая и ускоряя, в том числе, технологические процессы. Таким образом, новейшие технологии существенным образом усиливают репрезентативность материального культурного наследия этнических меньшинств, расширяют культурное разнообразие, представляя культуру Китая как совокупность локальных культур малых этносов, и становятся средством (ресурсом) стимулирования экономики.

В целом такое применение технологий в полной мере отвечает государственной доктрине цифровой модернизации Китая¹.

Вместе с тем широкое распространение технологий динамической мультимедийной экспозиции культурного наследия обнаруживает некоторые проблемы в плане сохранения его аутентичных смыслов².

В частности, независимая исследовательница Ли Сяопэй на примере анализа распространения цифровых технологий популяризации Вэньжэнь-хуа (文人画) – уникального феномена китайской культуры, живописи «людей культуры»³, демонстрирует как стремление к коммерциализации древнейших музейных экспонатов не только создает уникальные по содержанию захватывающие массовую публику инсталляции, но и ретуширует или даже нивелирует и полностью трансформирует существенную часть уникального нематериального художественного содержания. Китайские ученые активно изучают возможности виртуальной и дополненной реальности в плане создания нового информационного пространства нематериального культурного наследия Китая⁴. Но результаты такого расширения жизни

¹ 王宏昌. 非物质文化遗产的数字化传播研究. 天津人民出版社, 2025年6月第1版, 268 页. [Ван Хунчан. Исследование цифровой коммуникации нематериального культурного наследия. Тяньцзинь: Тяньцзиньское народное изд-во, 2025. 268 с. – на кит. яз.]; Чэнь Лилун. Цифровизация как способ сохранения культурного наследия в Китае и России: опыт сравнительного анализа : дис. ... канд. культурологии : 5.10.1. Краснодар, 2024. 186 с.

² Рыбак К. Е. Роль и место общественных музеев в музейной сети. М., 2021. 134 с.

³ Ли С., Багрова Н.В. Культурная практика китайской литературной живописи: проблемы наследования в цифровую эпоху // Культура и искусство. 2025. № 8. С. 1-20.

⁴ 牛世山. 基于GIS、VR技术的考古对象的数据采集、复原和展示[J]. 南方文物, 2015, № 3: 191. [Нью Шишань. Сбор данных, восстановление и демонстрация археологических объектов на основе геоинформационных технологий ГИС и технологий виртуальной реальности // Южные артефакты. 2015. № 3. С. 191. – на кит. яз.]; 杨政安. 基于大数据技术的沉浸式虚拟现实可视化展示系统研究[J]. 信息系统工程, 2023,

нематериального культурного наследия Вэньжэнь-хуа несколько противоречивы. Ли Сяопэй в соавторстве с Натальей Викторовной Багровой, доктором культурологии, профессором кафедры искусств Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств им. А. Д. Крячкова, отмечают, «что цифровое наследие китайской литературной живописи по сути является диалогом между рациональностью технических инструментов и традиционным культурным кодом. Несмотря на то, что нынешняя практика добилась прорыва в эффективности реставрации и широте популяризации наследия, она сталкивается с тройным кризисом эстетического размывания, философской редукции и этического отсутствия»¹. Для сохранения же уникального содержания древнейших артефактов культурного наследия требуется «перестроить фокус применения технологий на междисциплинарное видение, изучив закономерности наследования искусства литературной живописи в диалектических отношениях между “инструментом” и “Дао”, “формой” и “духом”, “публичным” и “приватным”», чтобы можно было реализовать заложенное в духовном наследии китайской культуры «путешествия в созерцании», сохранив и акцентировав наиболее существенную особенность культурной практики живописи китайских литераторов².

№ 8: 12-15. [Ян Чжэнань. Исследование иммерсионной системы визуального отображения виртуальной реальности на основе технологии больших данных // Инженерия информационных систем. 2023. № 8. С. 12–15. – на кит. яз.]; 马晓悦, 孙铭菲, 陈强. 沉浸式技术体验如何影响数字文化接受意愿--基于自我分类调节作用的实证研究[J]. 西安交通大学学报(社会科学版), 2021, Т. 41, № 5: 144–154. [Ма Сяюэ, Сунь Минфэй, Чэнь Цян. Как иммерсивный технологический опыт влияет на готовность к принятию цифровой культуры: эмпирическое исследование, основанное на роли самоопределения и регулирования // Журнал Сианьского университета Цзяотун: социальные науки. 2021. № 2. Т. 49. С. 121–142. – на кит. яз.]; 徐锦宁. 文物数字化在新媒体下的展示与传播价值--以《每日故宫》App为例[J]. 美与时代(上), 2021, № 2: 79–81. [Сюй Цзиньнин. Выставочные и коммуникативные возможности оцифровки культурных реликвий в новых средствах массовой информации: на примере приложения «Ежедневник “Запретного города”» // Эпоха и эстетика. 2021. № 2. С. 79–81. – на кит. яз.]; 邢武, 肖元. 数字非物质文化遗产博物馆互动动画设计研究[J]. 艺术与表演, 2023, Т. 4, № 3. [Гэн Ву, Сяо Юань. Исследование интерактивного анимационного дизайна нематериального культурного наследия цифрового музея // Записки об искусстве и перформансах. 2023. № 3. Т. 4. – на кит. яз.]; 库尔班·哈德尔. 数字图书馆中的书画文物数据库建设与管理[J]. 中关村, 2024, № 6: 104-105. [Курбан Хадер. Создание и управление базой данных каллиграфических и живописных культурных реликвий в цифровой библиотеке // Чонгуансун. 2024. № 6. С. 104–105. – на кит. яз.]; 芝亭. 文心一言, “利刃出鞘”生成式AI时代. 华东科技, 2023, № 3: 12–13. [Чжи Тин. Комплекс Вэньсинь: прорыв в генеративную эпоху искусственного интеллекта // Восточно-Китайская наука и техника. 2023. № 3. С. 12–13. – на кит. яз.]

¹ Ли С., Багрова Н. В. Указ. соч. С. 19–20.

² Там же.

На этом примере мы сталкиваемся с проблемой экологии культуры, с необходимостью направлять развитие технологий в русло совершенствования, позволяющее сохранять наиболее ценный культурный опыт, а не забывать его.

На возникающие противоречия, в частности, обращает внимание Цзоу Гуанвэнь¹. Теоретик подчеркивает, что культурные противоречия, возникающие в процессе модернизации Китая (такие как: синхронное наследование диахронической культуры и конфликты на концептуальном, институциональном и артефактном уровнях), представляют собой интерактивную загадку культурной современности в контексте глобализации. Соответственно, необходима концептуализация теоретической основы «культурного Китая» в эпоху цифровизации. И разрешение противоречий, по мысли Цзоу Гуанвэнь, возможно посредством актуализации ключевого кода китайской культуры – принципа «сохранения середины и ценности гармонии», – что обеспечит укрепление культурной уверенности и инновационной жизнеспособности традиции². Цзоу Гуанвэнь подчеркивает, что перспективное развитие культуры Китая в контексте глобального развития мировой цивилизации может быть основано на симбиозе «культурного и биологического слоев» чтобы нивелировать интерактивное воздействие цифровых технологий на культурную экосистему в переходный период. По его мысли, культурные противоречия Китая проистекают из многочисленных и интенсивных социальных трансформаций. Поэтому необходимо интегрировать глобальные перспективы с локальным дискурсом и возродить национальную духовную сплоченность посредством культурной реконструкции.

Разделяет опасения Цзоу Гуанвэня и Фэн Тяньюй, анализируя генеративные механизмы китайской культуры с экологической точки зрения и критикуя современные культурно-экологические кризисы (такие как:

¹ 邹广文. 中国当代语境下的文化矛盾与文化走向. 首都师范大学出版社, 2019. 406 页. [Цзоу Гуанвэнь. Культурные противоречия и культурные тенденции в современном Китае. Capital Normal University Press, 2019. 406 с. – на кит. яз.]

² 邹广文. Там же. С. 324.

разрушение окружающей среды и дисбаланс ресурсов)¹. Теоретик, опять же, обращается к базовым ценностям традиционной китайской культуры, к ее коду, акцентируя внимание на необходимости реконструкции культурно-экологической модели на триединстве «географической среды, экономической почвы и социальной системы» для выявления современной ценности традиционной экологической мудрости традиции (такой как, гармония между природой и человеком). Китайская культурная экология, по мысли Фэн Тяньюя, основанная на «генеративном творении», требует целостного восточного подхода для примирения природной и человеческой экологии и избежания «ловушки Фукидида»².

Таким образом, современные культурные практики цифровой модернизации традиционной китайской культуры с целью увеличения доли культурного инновационного продукта в общем ВВП содержат в себе сложные противоречия и, одновременно, раскрывают экологическую функцию традиционной культуры в цифровой модернизации Китая. Ценностно-смысловой потенциал традиционной культуры, содержащий в себе ключевые концепты гармонии и срединного пути, наполняет политические метанарратив государственной доктрины цифровой модернизации Китая «превосходная традиционная китайская культура» содержанием экстраполяции накопленного за тысячелетия культурного опыта в конструируемую посредством новейших технологий социальную реальность.

В области укрепления национальной культурной идентичности и коллективного единства народа Китая ключевой проблемой, по мнению Ян Шэнпина, остается необходимость усиления культурной осведомлённости и культурной уверенности в аспекте реагирования на культурные интервенции и экспансивное влияние западной культуры³.

¹ 冯天瑜. 中华文化生态论纲. 长江文艺出版社·2021. 426 页. [Фэн Тяньюй. Очерк китайской культурной экологии. Издательство «Литература и искусство Чанцзян», 2021. 426 с. – на кит. яз.]

² 冯天瑜. С. 360–366.

³ 杨生平. 全球化视野下中国文化发展研究. 首都师范大学出版社·2013. 299 页. [Ян Шэнпин. Исследование развития китайской культуры в перспективе глобализации. Capital Normal University Press,

Проблема, обозначенная Ян Шэнпином, обусловлена как внутренними, так и внешними факторами.

В развитии любой традиционной культуры основным механизмом воспроизводства является передача культурного опыта из поколения в поколение. Это обуславливает консерватизм традиционной культуры в восприятии новаций. И необходим управляющий центр, осуществляющий путем медиации разрешение непременно возникающей конструктивной напряженности¹. Иначе культура не развивается, стагнирует и замыкается сама на себе. К чему, собственно, и привела традиционная культура феодального Китая. Кризис феодализма, обострившийся в Китае на рубеже XIX–XX вв., подорвал доверие к традиционной культуре, обслуживавшей консервативные феодальные отношения. В начале XX в. в Китае образовался культурный разрыв между городской культурой, активно следовавшей по пути «вестернизации» вслед за колониальной интервенцией западных стран, и культурой сельской общины, остававшейся на позициях традиционализма. Этот кризис сформировал устойчивый нарратив отсталости традиционной китайской культуры от западной «более прогрессивной». Однако, позаимствовав наиболее прогрессивные марксистские идеи, Китай отказался от роли колонии западного империализма и выбрал собственный путь социально-экономического развития. Китаизация марксизма, по существу, представляет собой медиацию политэкономической теории К. Маркса (одного из интеллектуальных достижений европейской культуры) с историческим метанарративом «срединного пути» традиционной китайской культуры². Таким образом, Китай преодолел на протяжении XX в. внутренние факторы ограничения культурной осведомлённости, но остается все же, по мнению

2013. 299 с. – на кит. яз.]

¹ Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Т. 1. От прошлого к будущему. Новосибирск, 1998.; 刘梦溪. 中国文化的张力：传统解故. 中信出版社, 2016. 464页. [Лью Мэньси. Напряженность китайской культуры: переосмысление традиций. Пекин : Цзуньсин, 2016. 464 с. – на кит. яз.]

² 朱晓虹. 文化批判理论视阈下的中国传统文化现代意义研究. 浙江大学出版社, 2023. , 231页. [Чжу Сяохун. Исследование современного значения традиционной китайской культуры с точки зрения теории культурной критики. Ханчжоу : Изд-во Чжэцзянского университета, 2023. 231 с. – на кит. яз.]

Лью Мэньси, дисбаланс осведомленности и культурной уверенности¹.

Если отбросить, как отжившие свое время, идеологические императивы западного неоколониализма и империализма. То наиболее конструктивным внешним фактором усиления культурной уверенности является успешная состязательность культур разных стран в плане вклада наивысших достижений в общую копилку. Здесь и спорт высших достижений, и масштабность космических программ, и эвристический потенциал разрабатываемых интеллектуальной элитой теорий и технологий, и, конечно же, вклад художественной национальной элиты за все времена в общий банк мировой художественной культуры.

Новейшие цифровые информационно-коммуникационные технологии, с одной стороны, создают новую площадку цифровой репрезентации культурных достижений. Парадигма цифровой модернизации поэтому предполагает постоянное расширение представленности цифровых копий культурного наследия и наивысших культурных достижений на новом быстро развивающемся информационном поле. С другой же стороны, общее глобальное информационное пространство существенным образом ускоряет культурный обмен. И это требует более быстрого освоения национальной культурой достижений других стран.

Внешние факторы усиления китайской культурной уверенности в себе переплетены с вопросами *ценностно-смыслового ядра усиления глобального влияния Китая, т. е. его «мягкой силы»*. Поэтому рассмотрим эти две области реализации ресурса превосходной китайской традиционной культуры на одном примере.

В 2006 г. в журнальной серии 科幻世界 («Мир фантастики») публикуется роман китайского инженера-компьютерщика и писателя Лю Цысиня (刘慈欣) «Задача трёх тел» (三体), ставший началом принесшей

¹ 杨生平. 全球化视野下中国文化发展研究. 首都师范大学出版社, 2013. 299 页. [Ян Шэнпин. Исследование развития китайской культуры в перспективе глобализации. Capital Normal University Press, 2013. 299 с. – на кит. яз.]

автору мировую известность трилогии «Воспоминания о прошлом Земли» (地球往事). Отдельной книгой роман издается в 2008 г. на китайском языке и в 2014 г. под заглавием «The Three-Body Problem» в переводе Кен Лю на английском. В том же году роман номинирован на премию «Небьюла», а в 2015 г. завоевал одну из самых престижнейших премий в мире фантастической литературы – премию «Хьюго» как лучший роман года. Известный австралийский теоретик медиа и поп-культуры Джон Хартли (John Hartley) в 2022 г. назвал книгу Лю Цысиня одной из самых успешных моделей глобализации по-китайски, ставя фантастический роман в один ранг с политическими заявлениями и декларациями руководства КНР¹. Такую оценку Д. Хартли дал книге ввиду того, что не только Барак Обама (44-й президент США) ее прочел, ее популярность у любителей фантастики во всем мире подорвала длительное доминирование фантастов США, предложив новые альтернативы вероятного будущего. Мир любителей фантастики вдруг узнал, что о будущем можно мыслить иначе – не только по-американски, но и по-китайски. А это, по мнению Хартли, существенно подрывает западные политические нарративы, чем сообщение «Синьхуа», что китайские новости будут глобализованы².

Интересно, что вокруг успеха Лю Цысиня разыгралась своего рода «эпистемологическая война» с реальными жертвами.

Транснациональная телекорпорация Netflix, один из ведущих в мире производителей и дистрибьютор видеоконтента для интернет-телевидения, заявила в сентябре 2020 г. о разработке Дэвидом Бениофф (David Friedman), шоураннера нашумевшего сериала HBO «Игра престолов», а также Даниелем Уайссом (Daniel Brett Weiss), участвовавшим в сценарной адаптации книг Джорджа Мартина для того же сериала HBO, и китайско-американским сценаристом, известном по драматическому сериалу HBO «Настоящая кровь»

¹ Hartley J. (2022). 'Pathetic earthlings! Who can save you now?' Science fiction, planetary crisis and the globalisation of Chinese culture. *Global Media and China*, 7(1), 3-23. <https://doi.org/10.1177/20594364211067872> (дата обращения 07.06.2025)

² Там же.

(True Blood, 2008-2013), Александером Ву (Alexander Woo) теле-адаптации романа Лю Цысиня¹. С этого момента западная пресса не утихала вокруг заявленного проекта. Любители фантастики отслеживали каждое сообщение о кастинге актеров, слухи и сплетни вокруг персоналий режиссерского (Дерек Цан и др.) и актерского (Эйса Гонсалес, Бенедикт Вонг, Цай Чинь, Джон Брэдли, Лиам Каннингем, Джован Адепо и др.) составов. Вполне естественно для западного шоу-бизнеса, что спекулятивные слухи о запланированной на 2024 г. премьере телесериала искусственно подогревались Netflix с целью «разогрева» публики. Первые же выходные оправдали рекламные и маркетинговые вложения корпорации и сериал вышел в лидеры по кассовым сборам как в США, так и во всех странах мира, завоеванных транснациональной дистрибьюцией Netflix².

Между тем, еще в 2008 г., когда романы Лю Цысиня были опубликованы отдельными книгами на нескольких языках, права на них были приобретены китайской частной инвестиционно-холдинговой компанией Tencent (腾讯控股有限公司)³ (основана в 1998 г.). По заказу китайской корпорации в 2015 г. студия YooZoo Film (шанхайской компании YooZoo Group) начала работу над сериалом «Задача трёх тел» (三体). Netflix, соответственно, вынуждена была в 2020 г. заключить сделку с YooZoo Film о совместном производстве сериала под своей маркой. В результате сделки на китайской стриминговой платформе Tencent Video (腾讯视频), на Центральном телевидении Китая (CCTV), а также международных каналах WeTV и Rakuten Viki 12 января 2023 г. стартует китайский сериал. Netflix же первую серию своей адаптации

¹ White Peter. David Benioff & D.B. Weiss Set Sci-Fi Drama 'The Three-Body Problem' As First Major Netflix Series; Alexander Woo, Rian Johnson, Rosamund Pike To EP // Deadline Hollywood, September 1, 2020 URL: <https://deadline.com/2020/09/david-benioff-d-b-weiss-three-body-problem-netflix-1203028218/> (дата обращения 08.06.2025)

² 3 Body Problem: See more company credits at IMDbPro // IMDbPro, 2024-2025. URL: https://www.imdb.com/title/tt13016388/?ref_=fn_all_ttl_1 (дата обращения 08.06.2025)

³ Rebecca Davis. Tencent's First 'Three-Body Problem' Trailer Sparks Rivalry with Netflix's Adaptation // Variety, Nov 9, 2021. URL: <https://variety.com/2021/tv/news/three-body-problem-first-trailer-tencent-netflix-1235108546/> (дата обращения 08.06.2025)

представляет зрителям 21 марта 2024 г., т. е. через год и два месяца (вполне достаточное время, чтобы подогретая рекламно-маркетинговыми скандалами и спекуляциями публика Netflix познакомилась ради интереса с китайской продукцией).

Пикантности развернувшейся глобальной игре американской Netflix и китайской YooZoo Group придало облетевшее мировые новостные ленты 18–19 декабря 2020 г. сообщение о покушении на жизнь подписанта договора между компаниями с китайской стороны – основателя и директора YooZoo Group Линя Ци (林奇, 1981–2020)¹. 25 декабря 2020 г. успешный китайский предприниматель и продюсер скончался на 39-ом году жизни. Трагедия приостановила производство китайского сериала, но и с новой силой подстегнула к нему интерес. В ноябре 2021 г. публика познакомилась с долгожданным первым трейлером от YooZoo Film (Tencent Penguin Pictures Culture Communication Co., Ltd.) сериала “San Ti” (2023).

Но настоящее сражение («эпистемологическая война») развернулось вокруг интерпретации смыслов «Задачи трёх тел» посредством экранизаций.

Сквозной темой трилогии Лю Цысиня «Воспоминания о прошлом Земли» (地球往事) и особенно первого романа, легшего в основу китайской и американской экранизаций, является проблема предельности научного знания. Она, в том числе, отражена в заголовке первого романа. «Задача трех тел» – это задача классической механики по определению траекторий движения трёх масс (тел) из точно определенных положений с известной начальной скоростью на основе законов движения и всемирного тяготения Ньютона. Основное противоречие состоит в том, что в отличии от таких же условий для двух тел, общего решения в замкнутой системе трех тел не существует: в большинстве начальных условий взаимообусловленные траектории трех тел непредсказуемы, т. е. динамическая система из трех тел проявляет хаотичный

¹ Михаил Гришин. «Задача трех тел»: работу над сериалом остановило отравление // Газета.Ру: Культура, 24 декабря 2020. URL: https://www.gazeta.ru/culture/2020/12/24/a_13412906.shtml?updated (дата обращения 07.09.2024).

характер, вероятное положение трех тел относительно друг друга невозможно математически просчитать в большинстве случаев. Этот парадокс, в частности, указывает на пределы адекватности законов классической механики, которые описывают закономерности движения лишь при определенных обстоятельствах и не применимы, к примеру, для описания движения астрофизических тел во Вселенной. Экстраполяция обнаруженных пределов классической механики на научное знание в целом предполагает зависимость релевантности знания о действительности от условий его получения, т. е. всегда остается вероятность существования иных условий, при которых установленные закономерности не действуют. Моделирование пограничных условий, при которых наука оказывается не в состоянии объяснить реальность, т. е. при которых реальность оказывается шире, чем способно объяснить рациональное мировоззрение, составляет основу художественного метода построения жизненных перипетий персонажей в романе. Эта же концепция реализуется и в экранизациях. Но сеттинг двух экранизаций во многом различен. Персонажи Лю Цысиня в разных экранизациях оказываются в разных реальностях и даже с ними происходят существенные метаморфозы.

В романе, как и в китайской экранизации, протагонист представлен двумя персонажами: это китайский ученый Ван Мяо (Wang Miao), занимающийся прикладной физикой (т. е. разработкой передовых технологий в области наноматериалов), и неординарный следователь капитан китайской полиции Ши Цян (Shi Qiang), методы которого выходят за рамки официально принятых. По этой причине, управление полиции капитана отстранило от работы, но его приглашает в военное спецподразделение его армейский сослуживец генерал Чан Вэйси, зная о личностных достоинствах Ши по военному братству. Подобное раздвоение протагониста свойственно, в частности, комедийным сюжетам Юйдун, одной из разновидностей Хэнаньской оперы (豫剧), и исконному китайскому фэнтезийному жанру,

основанному на хореографии боевых искусств, Уся (武侠), где соратником главного героя (мужественного доблестного воина), противостоящего сверхмогущественным злым силам, оказывается юмористический персонаж (европейский аналог – дуэт Дона Кихота и Санчо Пансы Мигеля де Сервантеса). Хотя по фабуле и логике развития драматургии китайский сериал остается классической *дорамой* (азиатский аналог европейской драмы).

Повествование романа Лю Цысиня начинается с трагедии семьи астрофизика Е Вэньцзе (ее отца и матери), которая оказывается первопричиной её одиночества и стремления тайно искать духовную близость среди звезд. Наличие инопланетной разумной жизни и вероятность связи с ней землян бесконечно мала. Эту фабулу Лю Цысинь погружает в эпоху Культурной революции и использует как для характеристики самой эпохи (романтическая эпоха великих революционных дерзаний, коллективных устремлений нации, не замечающей под толпой ног судьбы конкретных людей), так и для означения контраста между воодушевляющей красотой великих идей и судьбой простой одинокой девушки. Отчаянный поступок юной Е Вэньцзе, тайный эксперимент по налаживанию связи с далекими инопланетянами, – это вопль одиночества в пустоте.

И вдруг пустота ответила...

В романе эта сюжетная линия объясняет, что приглашение трисоляриан (инопланетян) на Землю, поставившее под угрозу существование всего человечества, произошло случайно. Оно не было специально спланировано. И случилось не по логике обстоятельств, а наоборот – вопреки. Так вопреки стереотипам представлений о принципах мироздания рождалась и сама европейская наука (копернианская революция), так и современные прорывные технологии чаще вопреки социальным ожиданиям раскрывают неожиданных границы реальности.

Тема семьи скрепляет в романе несколько сюжетных линий и в целом форму повествования. Логика масштабирования ценности семьи строится от преодоления сиротского одиночества формирующейся личностью юной

Е Вэньцзе к её гиперболизированной ответственности за жизнь на Земле: семья → человечество → жизнь на Земле. Образ человечества в романе схож с образом избалованного ребенка, привыкшего, что все существует только для него. Образ Е Вэньцзе символизирует в романе женское начало мироздания, обозначаемое в традиционной китайской культуре Инь (陰), отождествляемое с Землей, противлежащей Небу Янь (陽) и принимающей Небо. Человечество, «малый ребенок», не является срединной сутью гармонии Инь и Янь, а лишь частью жизни, на которой лежит ответственность за сохранение жизни и гармонии мироздания. Героиня романа, таким образом, призывая Небо (Янь) на Землю (Инь), пытается восстановить утерянную гармонию семьи – хэ (諧), означающей в конфуцианской традиции мир и согласие в семье, в многоликом человечестве и во взаимоотношениях человечества с остальным миром.

Тема семьи в китайском сериале не педалируется, но составляет сеттинг разворачивающегося сюжета – базовую основу реальности, объясняющую происходящее. Ценность семьи в художественной реальности сериала представляет собой культурный норматив, которому следуют все персонажи, включая трисоляриан. Первоначально неоднозначно воспринимая предложение о сотрудничестве генерала Чана Вэйси, ученый и семьянин Ван Мяо постепенно осознает нависшую над ним, над его семьей, над научным сообществом и, в конечном итоге, над всем человечеством угрозу.

Сериал же Netflix (США, Англия, Китай) по жанру ближе к английской (шекспировской) комедии, где каждый из персонажей рано или поздно оказывается в двусмысленной парадоксальной ситуации. Гармоничная целостная личность в культурных нормативах западного общества не воспринимается как реальная. Целостность Вана Мяо в западных культурных нормативах выглядела бы исключительно комично (Дон Кихот). Поэтому центральный образ разбивается коллективом сценаристов Netflix между несколькими персонажами, характеристики которых дополняются актуальными для западного обывателя политическими нарративами.

Так в сериале Netflix прикладной физикой в области наноматериалов занимается Огги Салазар (Auggie Salazar), её роль исполнила мексиканская актриса Эйса Гонсалес (Eiza González): женщина-латиноамериканка, эмигрантка, которой грозит депортация по истечению срока визы (т. е. явно читается антитрамповский феминистский политический нарратив демократической партии США). Часть функций образа Вана Мяо перекладывается на чернокожего парня Сола Дюрана (Saul Durand – британо-американский актёр Джон Адепо / Jovan Adepo), с которым у Огги в прошлом предполагаются романтические отношения, не приведшие к семейному счастью по причине наркомании и беспорядочных половых связей Сола.

Семья в американском сериале отодвинута на второй план. На первом плане дружеское сообщество британского публичного университета Оксфорда: Огги Салазар, Сола Дюрана, английского лорда и предпринимателя Джека Руни (Jack Rooney – британский актер Джон Брэдли / John Bradley), профессора Оксфорда и по совместительству онкологического пациента, наследника огромного состояния Уилла Даунинга (Will Downing – английский актёр Алекс Шарп / Alex Sharp), – и только предмет тайной романтической привязанности Даунинга китайка Джин Ченг (Jin Cheng), которую сыграла новозеландская актриса китайского происхождения Джесс Хонг (Jess Hong), да британский актер Бенедикт Вонг (Benedict Wong), сыгравший роль оперативника лондонской стратегической разведки Да Ши (Da Shi), подчиняющегося жесткому и дальновидному политику Томасу Уэйд (Thomas Wade – ирландский актёр Лиам Каннингэм / Liam Cunningham) напоминают о китайском происхождении экранизируемого источника.

Целостный образ главного героя, как и объединяющий перипетии сюжета романа образ семьи, как человечества общей судьбы, в американском сериале разбиты на осколки, фрагментированы по типу бодрийяровского субъекта. Странной и нелепой в этой связи выглядит финальная сцена сериала, когда Да Ши, пытаясь приободрить растерянных и придавшихся пьянству Сола Дюрана и Джесс Хонг (слова Сола: «Мы медленные, тупые и быстро

умираем. Мы жуки», – так называли людей трисоляриане), привозит отчаявшихся ученых на болото чтобы показать, с какой жизненной силой роятся над ним насекомые (т. е. жуки) несмотря на то, что люди всеми силами с ними борются. В общем контексте сериала, где основные персонажи представлены как экзальтированные личности на грани деградации, призыв учиться у жуков коллективной солидарности выглядит пародийно смешно, как и попытка драму трансформировать в шекспировскую комедию.

В книге, как и в китайской экранизации, финальная сцена происходит на хлебном поле, переживающем нашествие саранчи. Монолог Ши Цяна в оригинале тоже представлен в качестве жизнеутверждающего призыва, но гораздо шире по содержанию. Помимо сравнения технологического разрыва между людьми и саранчой с технологическим разрывом между трисолярианами и людьми монолог содержит указание, что саранча, так же как люди занимает жизненное пространство между Небом и Землей. Поэтому авторская аллегория Лю Цысиня в контексте символики судьбы и жизненного выбора Е Вэньцзе выглядит гораздо содержательнее.

С одной стороны, в фабуле Лю Цысиня читается отсылка к глобальной стратегии США на международной арене по сдерживанию технологического и социально-экономического развития других стран. Поэтому попытка «примерить на себя чужой кафтан» посредством насыщения мизансцен экранизации Netflix собственными болезненными темами (нарративами) и выглядит как клоунский костюм: не по росту и не по размеру, где-то куце, где-то мешковато. Саранча финальной сцены в данном контексте выступает символом мягкой силы Китая в достаточно сложном геополитическом окружении, а не стратегией претендующих на мировое господство США.

С другой стороны, финальная сцена посредством символической связи с философией срединного пути служит основанием примирения эко-центризма Е Вэньцзе с отказавшейся от антропоцентризма наукой (Вана Мяо). Этическим вопросам пределов научного знания и технологического развития, которые занимают центральное место в книге Лю Цысиня, задается

направление рационального разрешения: человечество уже давно выросло из «детского сада» защиты себя от окружающего мира при помощи освоения технологий, пора осваивать технологии гармоничного сосуществования человека с окружающей средой. Эта тема в принципе потеряна в американском сериале. Она размыта гипертрофированной внешней угрозой технологически более развитых (на самом деле несуществующих) инопланетян, которая заставила, словно по мановению волшебной палочки, людей вспомнить, что все они люди и могут составлять единую семью – человечество.

Можно сравнить зрительские оценки сериалов по статистике IMDb:

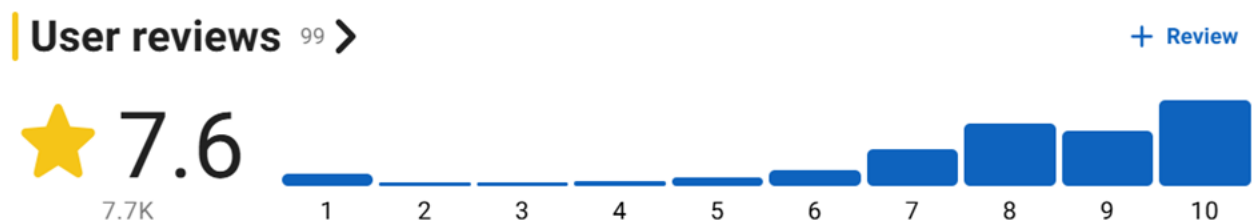

Рисунок 1. – Отзывы пользователей IMDb о сериале “San Ti” (YooZoo Film, 2023).

Источник: <https://www.imdb.com/title/tt20242042>

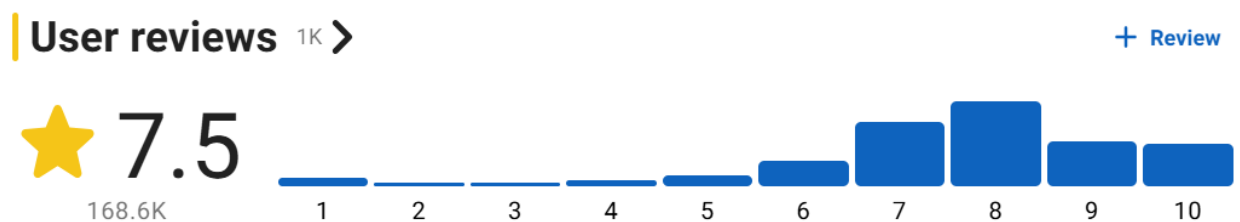

Рисунок 2. – Отзывы пользователей IMDb о сериале “3 Body Problem” (Netflix, 2024).

Источник: https://www.imdb.com/title/tt13016388/?ref_=tt_mlt_t_1

Как видно из опубликованных на страницах IMDb в свободном доступе показателей, китайский сериал посмотрели 7 700 пользователей сайта (см. Рисунок 1), а американский (см. Рисунок 2) – 168 600, т. е. у американского

сериала почти в 22 раза больше зрителей, чем у китайского. Но оценка китайского сериала и на текущий момент (август 2025) составляет 7,6 балла из 10-ти возможных, а американского уступает китайскому – всего 7,5 балла.

Достаточно сравнить показательные комментарии пользователей сайта IMDb о впечатлениях от просмотра, чтобы акцентировать внимание на сильных и слабых сторонах экранизаций.

1. Отзывы о китайском сериале

Прекрасная адаптация книги

Пользователь: hiraishinnojutsu, 16 февраля 2023 г. (*до старта сериала Netflix*). Оценка: 8 из 10-ти.

«Дайте самим китайцам адаптировать работу своего самого любимого автора научной фантастики к серебряному экрану почти слово в слово, им нужно 30 чертовых эпизодов, чтобы рассказать всю историю. Я сам очень ценю их усилия, вы можете видеть любовь, которую режиссеры и сценаристы вложили в этот проект, в отличие от того, что делают их западные коллеги, когда дело доходит до адаптации в наши дни. Нужно немного поработать над частями *cgi*¹, надеюсь, что это шоу убьет его хотя бы в Китае, чтобы они могли получить бюджет на фильм, если студия даст зеленый свет адаптации следующих двух книг, на что я очень надеюсь. Это, честно говоря, вполне хорошая альтернатива само-вставляющимся, политически мотивированным голливудским проектам, и да, я вообще не собираюсь следить за версией адаптации от Netflix, независимо от того, сколько они в нее вложат своего бюджета (ну, может быть, только трейлер)»².

По сравнению с версией Netflix, это лучший

Пользователь: ioniasob, 2 апреля 2024 г. (*после старта сериала Netflix*). Оценка: 10 из 10-ти.

«Детали, с которыми представлена история, даже без прочтения книг и

¹ CGI – от англ. computer-generated imagery, дословно – «изображения, сгенерированные компьютером»

² Hiraishinnojutsu. A fine adaptation of the book // IMDb, Feb 16, 2023. URL: https://www.imdb.com/title/tt20242042/review/rw8875023/?ref_=tturv [пер. Синь Юйфэн]

после просмотра сериала Netflix, впечатлили меня в этой азиатской версии. Чувствительность актёров, детализация камер и спецэффектов, включая музыку, значительно превосходят результат недавней серии на Netflix.

Прихожу к выводу, что действующие законы, которые Netflix должен соблюдать, чтобы иметь возможность воспроизводить азиатский фильм, привели к потере слишком большого количества деталей, добавив множество других, представляющих интерес для Америки и Европы.

Мне понравилась эта версия, созданная в родной стране автора, то, как она уважает женщин и как критикует внешнее влияние и агрессивность, с которой принимаются решения.

Я думаю, что в ней есть много основополагающих тем, которые заставляют задуматься, стать лучше и предложить миру решения, а не бояться, прибегать к алкоголю и наркотикам или становиться преступником.

Думаю, мир мог бы перестать быть Нано :))¹. < ... В финальной шутке комментатор явно имел ввиду, что миру пора стать «большим» (взрослым), вырасти из детский яслей узких двумерных представлений о реальности ... – отсылка к «теории охотника и фермера», транслируемой сторонниками трисоляриан в романе и его теле-адаптациях ... >

2. Отзывы о сериале Netflix

Посредственная проблема с телом

Пользователь: kylesykrebs, 22 апреля 2024 г. Оценка: 6 из 10-ти.

«На момент написания этой статьи рейтинг шоу составил 7,9. Я подозреваю, что со временем он снизится примерно до 7,2, хотя лично я считаю, что заслуженная оценка – “6”.

Слишком строго? Я так не думаю. Хотя я не ненавижу шоу и не являюсь одним из тех людей, которым нужно или которые ожидают, что все адаптации будут строго придерживаться исходного материала, я думаю, что, если вы собираетесь вносить изменения в свою адаптацию, они должны иметь смысл

¹ Ioniacob. Compared to the Netflix version, this is the best // IMDb, Apr 2, 2024. URL: https://www.imdb.com/title/tt20242042/review/rw9715224/?ref_=tturv_25 [пер. Синь Юйфэн] (дата обращения 07.06.2025).

и вносить какие-то улучшения. Это шоу провалилось по обоим показателям. Оригинальные книги автора Цысинь Лю были жесткой научной фантастикой и блестящими по размаху и воображению. Адаптация упрощают исходный материал для телевидения и вносят изменения, чтобы успокоить политических зрителей. Ничто из этого не является улучшением. Все, чего она достигает, – это поглощает то, что делало книги такими оригинальными, и превращает их в тот же самый голливудский вздор, которого пруд пруди в наши дни»¹.

Просто потрясающе

Пользователь: jwe1-484-530258, 27 сентября 2024 г. Оценка: 10 из 10-ти.

«Хотя сериал значительно отличается от книги, он великолепно раскрывает суть романа новыми и интересными персонажами. И в книге, и в сериале есть несколько потрясающих идей. С нетерпением жду следующих двух сезонов.

Первая книга – один из лучших научно-фантастических романов. Сериал захватывает, а развитие персонажей и их взаимодействие удивительно искусны.

Тема инопланетного вторжения – давний троп в научной фантастике, но этот совершенно уникален. Добавление китайской культурной революции завораживает. К сожалению, религиозные темы не вызывают удивления»².

Восторженные и критические отзывы зрителей иллюстрируют результаты нашего анализа. Китайская телеверсия за счет сохранения символического контекста традиционной китайской культуры получилась содержательно более насыщенная и интригующая. Все, что осталось от оригинала в версии Netflix, также находит восторженный отклик у западной публики. Зрителей привлекает, как выразился один из комментаторов, «альтернатива само-вставляющимся, политически мотивированным

¹ Kylesykrebs. Mediocre Body Problem // IMDb, Apr 22, 2024. URL: https://www.imdb.com/title/tt13016388/review/rw9749962/?ref_=tturv_4 [пер. Синь Юйфэн] (дата обращения 08.06.2025).

² Jwe1-484-530258. Simply awesome // IMDb, Sep 27, 2024. URL: https://www.imdb.com/title/tt13016388/review/rw10034703/?ref_=tturv_25 [пер. Синь Юйфэн] (дата обращения 08.06.2025)

голливудским проектам».

На специальном форуме «Потенциал и воображение глобального диверсифицированного развития интеллектуальной собственности» в рамках Форума «Золотой кубок» 26-го Шанхайского международного кинофестиваля официальная команда по развитию интеллектуальной собственности романа «Задача трех тел» Three-Body Universe и ее партнер Light Media объявили о замысле полнометражного кинофильма «Задача трех тел» режиссера Чжана Имоу (张艺谋)¹. Чжао Цзилун (赵骥龙), генеральный директор Three-Body Universe, подчеркнул: «Использование передовых технологий для создания аудиовизуальных эффектов научно-фантастических блокбастеров пока находится на ранней стадии. Мы уделяем больше внимания межпоколенческому и межрегиональному распространению интеллектуальной собственности “Three Body”, а также стремимся посредством съёмок фильма распространять позитивные ценности и отражать концепции сосуществования, гармонии и терпимости, которые придают особое значение китайской культуре»².

Корреспондент «Синьхуа» Сюй Сяоцин добавляет, что на китайском большом экране самым зрелым научно-фантастическим проектом, «выращенным» по роману Лю Цысиня, является «Блуждающая Земля». Выход фильма «Блуждающая Земля 3» запланирован на 2027 г. Первый фильм «Блуждающая Земля» (2019) собрал в прокате более 4,6 млрд юаней, «Блуждающая Земля 2» (2023) за год собрал более 4 млрд юаней. Между тем, «Одинокая луна» и «Безумный пришелец» также возглавляли чарты кассовых сборов. В какой-то момент популярность китайских научно-фантастических блокбастеров превзошла популярность некоторых голливудских

¹ 许晓青. 张艺谋执导《三体》电影! 国产科幻影视精品浪潮来袭? // 新华网, 19.06.2024 [Сюй Сяоцин. Чжан Имоу снимает «Задачу трёх тел»! Это начало волны высококачественных китайских научно-фантастических фильмов? // Синьхуанет – на кит. яз.] URL: <http://www.news.cn/ent/20240619/5467b99196b1496ba206a4e0bf7e509c/c.html> (дата обращения 08.06.2025)

² 许晓青. Там же.

блокбастеров, выпущенных в то же время¹.

Построение цифрового общества является важным элементом социального строительства, подчеркивающим инициативу государства, рынка и социальных субъектов, а не просто естественным следствием распространения цифровых технологий, но и важной проблемой, которой должны заниматься социальные науки. Социальные науки должны адаптироваться к новым условиям цифровой эпохи и быть достаточно смелыми, чтобы совершить революцию. Несмотря на значительные достижения в построении цифрового общества, оно также сталкивается с рядом проблем. Если технологические активы информационных ресурсов, представленные данными, вычислительными мощностями и алгоритмами, показывают собой «цифровую жесткую силу», то Китай имеет преимущество одновременного создания «цифровой мягкой силы», в основе которой лежат общество, культура и правила. Партийные документы декларируют, что мы должны быть более активными в выдвижении идей, установлении правил и расширении возможностей общества, чтобы стать не только «технологической вершиной» цифровых технологий, но и «интеллектуальной вершиной» мирового цифрового общества, закладывая новый фундамент и придавая новый импульс великой социальной революции.

В последние годы различные действия и приложения, связанные с цифровым обществом, достигли положительных результатов, как в городах, так и в деревнях, как со стороны правительства, так и со стороны участников рынка или социальных субъектов, а некоторые межсекторальные многопрофильные совместные приложения сыграли важную роль в продвижении социального строительства, при этом «социальное управление при поддержке технологий» играет выдающуюся роль и оказалось исключительно эффективным.

¹ 许晓青. 张艺谋执导《三体》电影! 国产科幻影视精品浪潮来袭? // 新华网, 19.06.2024 [Сюй Сяоцин. Чжан Имоу снимает «Задачу трёх тел»! Это начало волны высококачественных китайских научно-фантастических фильмов? // Синьхуанет — на кит. яз.] URL: <http://www.news.cn/ent/20240619/5467b99196b1496ba206a4e0bf7e509c/c.html> (дата обращения 08.06.2025).

Во-первых, организационные и мобилизационные преимущества партийных комитетов и правительства были использованы в полной мере, а модернизация потенциала социального управления была использована как рычаг для достижения очевидных результатов в области интеллектуального социального управления. Принимая упрощение и децентрализацию правительства в качестве прорыва, строительство «умного+» правительства достигло большого прогресса, предприятия и население получили большее чувство доступа и удовлетворения, а государственное управление претерпевает всесторонние, систематические и реформирующие изменения.

Все больше государственных учреждений полагаются на различные формы «умных мозгов», используя ресурсы данных, принадлежащие платформе, в качестве важной основы для принятия решений¹.

Во-вторых, было мобилизовано участие игроков рынка, и строительство «умных» сообществ и цифровых деревень стало новой инвестиционной точкой, улучшая условия жизни людей, делая ее удобной для населения и создавая новые возможности. Строительство «умных» сообществ и цифровых деревень стало новой инвестиционной точкой, улучшая условия жизни людей, обеспечивая удобство для населения и создавая рабочие места. В частности, после проверки новой эпидемии пневмонии Китай стал первой страной в мире, которая масштабно применила технологию искусственного интеллекта для реагирования на инциденты в области общественного здравоохранения. Страна первой в мире применила технологию искусственного интеллекта к прецедентам в области общественного здравоохранения. Как в городских, так и в сельских районах подход к решению проблем привел к тому, что ряд межсекторальных и многосценических совместных приложений сыграли важную роль в продвижении социального строительства.

Надо иметь в виду, что функция совместного подключения

¹ 李卓, 刘少鹏, 闫晓静: 有为政府与活力社会: 数字社会治理的理论逻辑与实践路径, 《河海大学学报(哲学社会科学版)》, 2024 (03): 38–51. [Ли Чжо, Лю Шаопэн, Янь Сяоцзин. Перспективное правительство и динамичное общество: теоретическая логика и практический путь управления цифровым обществом // Журнал Университета Хохай. Издание по философии и социальным наукам. 2024. № 3. С. 38–51. – на кит. яз.]

интеллектуальных технологий была полностью задействована для содействия взаимопомощи и соответствия спроса и предложения в обществе, что повышает эффективность решения социальных проблем. Повысилась эффективность решения социальных проблем. Все больше организаций используют цифровые и интеллектуальные инструменты для создания связей между сообществами, чтобы способствовать оптимальному распределению социальных потребностей и ресурсов.

Цифровые технологии оказывают все более глубокое влияние на социальные структуры, общественные унастроения и социальное управление¹. Однако в целом строительство цифрового общества в Китае все еще сталкивается со многими проблемами. Поскольку границы сценариев цифрового применения еще четко не определены. Уровень практики построения цифрового общества различен, а социальные проблемы становятся все более заметными.

Пока цифровые приложения сильно фрагментированы, и отсутствует общее национальное планирование по их проектированию. Цифровое общество охватывает образование, культуру, здравоохранение, благосостояние, среду обитания, управление и другие аспекты и является интегрированным и взаимодополняющим процессом. До сих пор отсутствует общий план или схема развития национального «цифрового общества». На местном уровне, если мы посмотрим на практику построения цифровых обществ по всему миру, мы увидим, что в городах, хотя в некоторых местах строительство умных городов и умных сообществ достигло хороших результатов, в большинстве районов оно по-прежнему носит фрагментарный характер. Эти приложения часто не обеспечивают интеграцию данных и не могут достичь синергии эффективности управления.

Цифровизация все еще находится на стадии строительства

¹ Гамурзиева Д. А. Социальная политика в цифровом обществе (на примере Республики Ингушетия) // Государство, право, политика и экономика в условиях цифровой трансформации : сб. докл. I всерос. науч.-практ. конфер. молодых ученых, аспирантов и студентов (Ростов-на-Дону, 16 марта 2022 г.). Ростов Н/Д : Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2022. С. 107–112.

инфраструктуры, с относительно единичными сценариями применения и серьезным формализмом в некоторых областях. Строительство инфраструктуры является основой построения цифрового общества. Однако в некоторых местах построение «цифрового общества» превратилось просто в усиление физической безопасности, например, в установку камер и добавление оборудования для наблюдения. Существует феномен «оцифровки ради оцифровки». Эти инфраструктуры цифровых приложений имеют высокие затраты на эксплуатацию и обслуживание, низкие показатели применения, малоактивное участие общественности и недостаточное расширение прав и возможностей, и не могут играть полноценную и активную роль во всех аспектах жизни общества. Эта постоянная проблема, связанная с акцентированием аппаратного обеспечения над прикладным, а регулирования над расширением возможностей, не только игнорирует тот факт, что ключ к построению цифрового общества лежит в предоставлении полной возможности для активизации.

Вместе с тем растет цифровой разрыв и возникает социальная реакция, размышления о пороках капитала и технологий становятся задачей управления, и все более актуальным становится совершенствование цифровых правил в социальной сфере.

Цифровой разрыв проявляется не только в региональных, городских и сельских различиях. Вопросы, поднимаемые новыми технологиями, носят в первую очередь социальный, культурный и политический, а не технологический характер: от уголовного правосудия, этики и конфиденциальности до прав работников. От взаимодействия между правительством, рынком и обществом требуются решения, какие технологии в итоге необходимы¹.

В настоящее время наблюдается недостаток социальной мобилизации в построении цифрового общества, все большее значение приобретают права

¹ Малышева Г. А. О социально-политических вызовах и рисках цифровизации российского общества // Власть. 2018. Т. 26. № 1. С. 40–46.

уязвимых групп населения, а также появляются такие регулятивные проблемы, как алгоритмическая дискриминация, мошенничество с большими данными и глубокая фальсификация. Возникновение «киберпанка» среди молодежи представляет собой отражение и критику зла капитала и технологий, которое вышло из сферы интеллектуального дискурса и стало частью популярной культуры.

Пока бизнес-модели внедрения цифровых технологий остаются незрелыми. Отсутствует политическая поддержка устойчивых инвестиций участников рынка в социальный сектор. В настоящее время сценарии, в которых цифровые технологии могут быть использованы в социальной сфере, с одной стороны, «богаты», а с другой – «избирательны».

Важно расширять исследования фундаментальных теоретических вопросов, связанных с цифровым обществом, и, в частности, продвигать теоретически ориентированные эмпирические исследования, которые используют данные для ответа на злободневные социальные вопросы¹. В частности, данные, связанные с социальными сценариями и значимостью, должны быть открыты в упорядоченном виде под предлогом соблюдения закона, чтобы люди имели право знать и навыки применять актуальную проверенную информацию². Необходимо продолжать повышать «цифровую грамотность» граждан. Разработчикам же технологий необходимо изменить структуру своих знаний и больше изучать гуманитарные и социальные науки, что будет способствовать изменению структуры талантов, чтобы больше людей могли улучшать свою работу³.

¹ Люблинский В. В., Макушина Л. В. Социальное государство: проблемы и приоритеты в цифровом обществе // Среднерусский вестник общественных наук. 2019. Т. 14. № 4. С. 108–122.; Борисов Б. П. Город будущего как материализованный «художественный образ» // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия. Сборник научных статей Восьмого международного научного форума. Москва, 2023. С. 259–274.

² Гамурзиева Д. А. Социальная политика в цифровом обществе (на примере Республики Ингушетия) // Государство, право, политика и экономика в условиях цифровой трансформации : сб. докл. I всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых, аспирантов и студентов (Ростов-на-Дону, 16 марта 2022 г.). Ростов Н/Д : Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2022. С. 107–112.

³ Гамурзиева Д. А. Социальная политика в цифровом обществе (на примере Республики Ингушетия) // Государство, право, политика и экономика в условиях цифровой трансформации : сб. докл. I всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых, аспирантов и студентов (Ростов-на-Дону, 16 марта 2022 г.). Ростов Н/Д : Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2022. С. 107–112. ; Горлова И. И., Зиновьева Н. Б. Медиаактивность в социальных сетях

Международный политический и экономический порядок сталкивается с новыми вызовами. По мере дальнейшего роста национальной мощи Китая его участие в трансформации современного международного порядка растет. В этих условиях культурная идентичность превращается в базовую основу широкой и глубокой уверенности в себе. Великая китайская традиционная культура, его революционная культура и передовая социалистическая традиция, взращенная в великой борьбе партии и народа, представляют его уникальную духовную самобытность. В отчете XIX Национального конгресса Коммунистической партии Китая политически декларирована миру культурная стратегия в построении сообщества с единой судьбой человечества. Китай уважает многообразие цивилизаций в мире, использование открытого обмена между ними, что позволит преодолеть взаимное отчуждение и способствует взаимообогащению и преодолению междоцивилизационных конфликты, достижению равенства. В то время как мировая экономика сталкивается с трудностями, Китай предложил инициативу «Один пояс, один путь», учредил Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, учредил Фонд Шелкового пути и способствовал его участию во взаимовыгодном сотрудничестве.

Можно утверждать, что современные медиа ресурсы являются важным средством реализации успешной политики Китая как внутри страны, так и за рубежом. Китайское руководство реализует путь развития страны, основанный на мирной дипломатии, всему миру демонстрирует свою добрососедскую и дружественную политику, предлагает инициативу «Пояс и путь», учреждает Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и Фонд Шелкового пути, а также активно участвует в развитии сотрудничества с другими странами для взаимной выгоды. Однако на периферии политики Китая, с его растущим подъемом, мир полон спекуляций о его будущем, неадекватными оценками возможностей Китая для сотрудничества с

дружественными странами. Как и многие страны западного порядка, в XIX–XX вв. Китай предпринял ряд действий по повышению своего престижа. Для этого эффективно используется идеология «мягкой силы», дискурсы сотрудничества в глобальной и региональной медиа коммуникации. Благодаря своему экономическому могуществу и дружественной политике Китай восстановил свое ведущее место на мировой арене.

Как очевидно из проанализированных практик популяризации традиционной китайской культуры в музейно-туристической сфере и в области популярной культуры (на примере экранизаций получившего мировое признание фантастического романа Лю Цысиня), ее функции не ограничиваются задекларированными в общих чертах политическими нарративами руководства КНР. Помимо трех основных задекларированных и реализуемых на практике функций: 1) экономический ресурс туризма, цифровизации и креативных индустрий; 2) ценностно-смысловое ядро укрепления культурной идентичности и коллективного единства; 3) база усиления «мягкой силы» Китая, – традиционная китайская культура является: 4) основанием для оценки эффективности новейших цифровых технологий и определения направлений их развития в плане обеспечения качества воспроизводства смыслов и ценностей китайской цивилизации, а также 5) источником уникальности продуктов популярной культуры, транслирующих позитивные образы будущего на основе переосмысления нематериального культурного наследия китайской цивилизации.

Эти функциональные дополнения представляются в парадигме цифровой модернизации Китая наиболее существенными. Они вскрывают сущность цифровых расширений современной культуры в информационную эпоху. Эти расширения сами по себе не вырабатывают уникальных ценностей и смыслов, поскольку представляют собой лишь математические модули уже накопленной информации, т. е. продукт вторичной переработки. Источником же смыслов и ценностей остается традиционная культура и практики ее актуализации, осмысления и рекомбинации. Культурный опыт, накопленный

за тысячелетия от поколения к поколению, весь багаж материального и нематериального культурного наследия остается базовым ресурсом дальнейшего социально-экономического развития, ценность которого со временем будет только возрастать.

Интенсивно развивающаяся цифровая информационная среда сама по себе является новейшим вызовом. Как перед китайским обществом, пред культурами разных народов стоит задача насыщения нового информационного пространства культурно-значимыми смыслами, усиления посредством новейших технологий собственной самобытности и уникальности. Только когда существующее культурное разнообразие в достаточной мере будет отражено в формирующейся цифровой среде, можно будет говорить о ее конструктивном положительном влиянии на развитие мировой цивилизации.

Таким образом, мы выделяем пять основных функций традиционной культуры в парадигме цифровой модернизации китайского общества.

На основе анализа документов государственного стратегического планирования проанализированы следующие функции:

- 1) традиционная культура как ресурс экономически туризма, цифровой и креативных индустрий;
- 2) традиционная культура как ценностно-смысловое ядро укрепления культурной идентичности и коллективного единства;
- 3) традиционная культура как база усиления «мягкой силы» Китая в международных отношениях.

На основе анализа культурных практик мы дополняем задекларированные в государственных документах функции следующими:

- 4) традиционная культура является основанием для оценки эффективности новейших цифровых технологий и определения направлений их совершенствования в плане обеспечения качества воспроизводства смыслов и ценностей китайской цивилизации;
- 5) традиционная культура остается источником уникальности продуктов

популярной культуры, транслирующих позитивные образы будущего на основе переосмысления нематериального культурного наследия китайской цивилизации.

Соответственно, на обсуждение выносится положение, что основные функции традиционной культуры Китая в парадигме цифровой модернизации китайского общества представлены в политических нарративах руководства КНР и отражены в документах стратегического планирования социально-экономического развития страны. Помимо основных функций, задекларированных и реализуемых на практике, традиционная китайская культура является основанием оценки эффективности новейших цифровых технологий и определения направлений их развития в плане обеспечения качества воспроизводства смыслов и ценностей китайской цивилизации, а также источником уникальности продуктов популярной культуры, транслирующих позитивные образы будущего на основе переосмысления нематериального культурного наследия китайской цивилизации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщая результаты диссертационного исследования, можно констатировать, что с охватом широкого теоретического и эмпирического материала в новом контексте рассмотрен объект исследования – традиционная культура Китая, и изучена специфика ее воспроизводства в парадигме цифровой модернизации (предмет исследования).

При достижении цели исследования последовательно решены поставленные научно-познавательные задачи.

В частности, были рассмотрены междисциплинарный культурологический, социально-философский, социально-исторический, структурно-семиотический, нарративный, компаративный научные подходы к изучению роли традиционной культуры в формировании социальной памяти китайской цивилизации, что позволило сформулировать положение о том, что традиционная культура в социальной памяти китайской цивилизации является базовым элементом (ключом) декодирования актуальных для современного общества культурных смыслов, позволяющим формировать культурную идентичность китайской цивилизации и проектировать будущее.

Установлено, что материалистическое понимание истории культуры как результата деятельности людей российской культурологии (М. С. Каган, В. С. Стёпин, А. Я. Флиер и др.) трактует культуру как исторически сформировавшуюся систему надбиологических программ жизнедеятельности общества. Это положение согласуется с историческим материализмом в его трактовке китайскими теоретиками и раскрывает область символического производства идейных и идеологических факторов эффективной коллективной деятельности по цифровой модернизации общественных отношений. Изменения в информационных процессах последнего времени, обусловленные научно-техническим развитием, потребовали обращения к концепции документно-матричной культуры П. Отле, теориям медиа (М. Маклюэн и др.), информационного общества (Ё. Масуда, Э. Тоффлер,

Д. Белл и др.), конструктивной напряженности (А. С. Ахиезер и др.) в контексте развития семиотических (Р. О. Якобсон, Ю. М. Лотман, У. Эко и др.) и нарративных (П. Рикер, Р. Барт, Е. С. Маслов, В. П. Гриценко и др.) подходов в изучении надбиологических программ жизнедеятельности общества как развивающихся систем.

Политические метанарративы управляющего центра современного Китая в лице политического руководства (государства) в диалоге традиции и новации посредством медиации задают направление и модальность расширения границ общественного сознания в направлении самосовершенствования.

Научная новизна полученного результата состоит в том, что установлен наиболее релевантный для изучения роли традиционной культуры в формировании социальной памяти китайской цивилизации в плане раскрытия основных функций традиционной культуры в парадигме цифровой модернизации современного Китая методический синтез семиотических и нарративных приемов. Эвристический потенциал подобного синтеза состоит в прочтении кодов традиционной культуры в социальном дискурсе современной эпохи.

Личный вклад диссертанта в данном случае состоит в рассмотрении перспективных научных подходов к изучению роли традиционной культуры в формировании социальной памяти китайской цивилизации и определении наиболее актуального аспекта нарративного подхода.

Были изучены механизмы воспроизводства культуры в модернизирующемся обществе на основе выработанных в XX в. культурой Китая принципов модернизации. Полученные результаты позволили сформулировать положение о наличии политического метанарратива в государственной доктрине социально-экономического развития Китая, опирающегося на уже сложившиеся за века и тысячелетия исторические и эпистемологические метанарративы. Опора на уже имеющийся ресурс характеризует наиболее эффективную стратегию модернизации современного

общества. Не разрыв с традицией определяет эффективность стратегии модернизации, а переосмысление и обновление традиции, иначе сама модернизация теряет смысловые и ценностные основания, подменяется деиндигенизацией автохтонной культуры и ее ассимиляцией инородными культурными нормативами. Подобная подмена модернизации традиционной культуры ведет общество в инверсионную ловушку, нивелирует его способность к расширению мировоззренческого горизонта за счет медиации традиции и новации.

Научная новизна полученного результата состоит в уточнении структуры механизма воспроизводства культуры в модернизирующемся обществе, которая в Китае приобрела медиационный диалогический характер. Поэтому диалогическая концепция медиационного преодоления конструктивной напряженности между традицией и новациями А. С. Ахиезера позволяет наиболее адекватно описать принципы модернизации и самоописания культуры современного Китая с учетом устойчивых констант (кодов) традиционной культуры. Уточнении структуры механизма воспроизводства культуры в модернизирующемся обществе Китая на основе теории выдающегося российского культуролога А. С. Ахиезера составляет личный вклад соискателя.

Также, в рамках выработанного методического подхода была определена роль управляющего центра (государства) в коммуникативной модели медиации традиции и новации в условиях модернизации Китая. На основе решения этой задачи сформулировано положение о том, что на протяжении XX в. в Китае сложилась уникальная культурная модель медиации традиции и новации в условиях модернизации общества. Общество Китая с опорой на эпистемологический метанарратив диалектического материализма признается ведущим субъектом исторического процесса, который понимается как постоянное обновление (модернизация) общественных отношений. Общественные отношения опираются на реинтерпретацию исторических и повседневных нарративов, которые как

культурные артефакты составляют сложную семиотическую систему современной культуры. Общество, таким образом, является субъектом модернизации, а традиционная культура – объектом модернизации. Ключевой задачей социалистического общества (общества модернизирующейся культуры) является освоение инновационных нарративов (новаций), которые неминуемо вступают в противоречие с устоявшимися повседневными нарративами, образуя область конструктивной напряженности между традицией и новацией. Эффективность диалектико-диалогического разрешения возникающей конструктивной напряженности зависит от выработки управляющим центром (государством) медиационных политических метанарративов, нацеленных на расширение мировоззренческого горизонта индивида и общества, включая упреждение деструктивных тенденций инверсии традиции и новаций.

Научная новизна этого положения состоит в том, что впервые определена роль управляющего центра (государства) в коммуникативной модели медиации традиции и новации в условиях модернизации Китая. Эта роль заключается в формулировании и артикуляции политического метанарратива медиационного преодоления конструктивной напряженности между традицией и новациями в условиях постоянной социальной модернизации. В этом состоит личный вклад диссертанта.

Решение следующей задачи, – раскрыть специфику модернизации культуры в условиях информационного общества, – позволило сформулировать положение, что цифровые технологии создают, с одной стороны, новые виртуальные среды хранения и передачи информации, а с другой – средства оптимизации обмена и управления информацией. Поэтому специфику модернизации культуры в информационном обществе характеризует стремление эффективно использовать новых виртуальные среды и средства оптимизации обмена и управления информацией для усиления ценности и распространения выработанных за тысячелетнюю историю китайской цивилизации культурных смыслов. Эффективность в

данном случае состоит не в скорости производства новых (инновационных) смыслов, а в рекомбинации уже существующих при помощи грамотно сформулированных на научной основе управляющих метанарративов. Опора на выдержанные и отшлифованные за тысячелетия ценности превосходной китайской традиционной культуры позволяет утверждать, что управляющие установки политической элиты современного Китая выступают медиационными метанарративами, разрешающими конструктивную напряженность между традицией и новацией в условиях информационного общества.

Научная новизна положения состоит в том, что методический синтез семиотического и нарративного подходов позволил раскрыть специфику модернизации культуры в условиях информационного общества, которая заключается в том, что основным продуктом производства в информационную эпоху становится человек, – культурные и ментальные характеристики личности, обеспечивающие культурную преемственность поколений и консолидированность общества перед возникающими рисками интенсивного социально-экономического развития, являются основой традиционной культуры Китая. Эта специфика и составляет личный вклад диссертанта в изучение традиционной культуры Китая в парадигме цифровизации.

На основе комплекса государственных документов стратегического развития Китая с 1990 г. диссертантом проанализированы медиационные функции государственной доктрины цифровой модернизации.

Государственная доктрина цифровой модернизации в Китае опирается на традиционную культуру как на экономический и ценностно-смысловой ресурс текущего и перспективного социально-экономического развития. Технологические инновации, связанные с информационным этапом эволюции общественных отношений, в перспективе социально-экономического развития представляют собой средства оптимизации социального управления и программирования, в то время как традиционная культура остается ценностно-смысловым ядром идеологии укрепления национальной

культурной идентичности и коллективного единства народа Китая, продвижения его имиджа в международных отношениях и одним из важнейших ресурсов дальнейшего экономического развития. Научная новизна положения состоит в выбранном ракурсе анализа медиационных функций государственной доктрины. В частности установлено, что традиционная культура рассматривается политическим руководством КНР, во-первых, в качестве экономического ресурса обеспечения посредством туризма, цифровизации и креативных индустрий высокой доли культурного инновационного продукта в общем ВВП (не менее 5–10 %); во-вторых, в качестве уникального ценностно-смыслового ядра идеологии укрепления национальной культурной идентичности и коллективного единства народа Китая; в-третьих, в качестве базовой основы (ценностно-смыслового ядра) усиления «мягкой силы» Китая. Личный вклад соискателя состоит в том, что анализ медиационных функций государственной доктрины цифровой модернизации Китая с выработанными методическими позициями был осуществлен впервые.

На основе анализа стратегических документов политического руководства Китая и современных практик популяризации традиционной китайской культуры установлена совокупность основных функций традиционной культуры Китая в парадигме цифровой модернизации китайского общества.

Эта совокупность включает следующие основные функции:

- 1) традиционная культура как экономический ресурс туризма, цифровизации и креативных индустрий;
- 2) традиционная культура как ценностно-смысловое ядро укрепления культурной идентичности и коллективного единства;
- 3) традиционная культура как база усиления «мягкой силы» Китая;
- 4) традиционная культура как основание оценки эффективности новейших цифровых технологий и определения направлений их развития;

5) традиционная культура как источник уникальности продуктов популярной культуры, транслирующих позитивные образы будущего на основе переосмысления нематериального культурного наследия китайской цивилизации.

Научная новизна и личный вклад диссертанта состоит в установлении совокупности основных функций традиционной культуры Китая в парадигме цифровой модернизации.

Таким образом, можно заключить, что поставленная цель (выявить специфику воспроизводства традиционной культуры Китая в парадигме цифровой модернизации) достигнута.

Теоретическая значимость результатов диссертационного исследования состоит в апробации методического синтеза семиотических и нарративных приемов, эвристический потенциал которого раскрывается путем прочтения кодов традиционной культуры в социальном дискурсе современной эпохи. Этот продуктивный синтез в диссертации реализован далеко не полностью, но предпринятая попытка раскрывает перспективы дальнейших исследований по оценке значимости культурных достижений китайской цивилизации и современной китайской культуры для всего человечества.

Практическую ценность полученных результатов состоит, прежде всего, в их применимости для определения наиболее перспективных направлений совершенствования цифровых технологий в плане продвижения смыслов и ценностей традиционной китайской культуры. Однако, передовые позиции современной культуры Китая и опыт реализации в ней ресурсного потенциала культурного наследия ценен и для других стран, выбирающих традиционную культуру в качестве основания (ценностно-смыслового ядра) усиления культурной идентичности, общественного единства и самобытности дальнейшего развития в цифровую эпоху.

Перспективы дальнейших исследований определяются возможностью на основе полученных результатов более детально изучить взаимодействие государственной политики и спонтанных, низовых цифровых практик,

связанных с традиционной культурой (например, fan-культура, независимые цифровые архивы, блогинг). Предложенная теоретическая модель представляется продуктивной для сравнительных исследований. Поэтому в качестве перспективной задачи можно обозначить применение разработанного подхода к анализу процессов цифровой модернизации культуры в других цивилизационных контекстах, например, в Российской Федерации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Источники:

а) на русском языке:

1. XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. М.: Госполитиздат, 1962. Стенографический отчет. Т. 1–3. – URL: https://archive.org/details/22nd_Congress_CPSU_17_31_Oktiabria_1961/22nd_congress_CPSU_17_31_oktiabria_1961_Vol_1/page/3/mode/1up (дата обращения: 01.06.2024).
2. Алексей Маслов: «Мы плохо понимаем, что в реальности происходит в Китае» // Финверсия [Сайт]. – URL : <https://www.finversia.ru/news/events/aleksei-maslov-my-plokho-ponimaem-cto-v-realnosti-proiskhodit-v-kitae-41599> (дата обращения : 14.12.2023).
3. В Китае наступает период стремительного развития промышленного Интернета // Жэньминь Жибао онлайн. – 2021. – 23 августа. – URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2021/0823/c31518-9887004.html> (дата обращения: 17.12.2023).
4. В Чунцине открылся Форум цифровой экономики «Китай – ШОС». – URL: <https://news.rambler.ru/world/47088055-v-chuntsine-otkrylsya-forum-tsifrovoy-ekonomiki-kitay-shos/?ysclid=meh3vkga6n367485787> (дата обращения: 15.12.2023).
5. Гришин, М. Задача трех тел: работу над сериалом остановило отравление // Газета.Ру: Культура. 2020. – URL: https://www.gazeta.ru/culture/2020/12/24/a_13412906.shtml?updated (дата обращения: 07.09.2024).
6. Лю Яньдун. Совместная работа для устойчивого развития институтов Конфуция: Программная речь на V съезде Институтов Конфуция // Институт Конфуция (русско-кит. версия). – 2011. – № 1. – С. 5–16.
7. Перед предприятиями встают вызовы кибербезопасности // Международная жизнь – Обзор зарубежных СМИ [Сайт]. – URL :

<https://interaffairs.ru/news/show/28412?ysclid=lymwnte62i220618824> (дата обращения: 15.12.2023).

8. План развития Китая на четырнадцатую пятилетку и до 2035 года // Ресурсный центр по стратегическому планированию. – URL: <http://stratplan.ru/news/Plan-razvitiya-Kitaya-na-chetyrnadtsatuyu-pyatiletku-i-do-2035-goda> (дата обращения : 14.12.2023).

9. Сделано в Китае 2025 // Россия и Китай: Азиатское иллюстрированное обозрение, 2008–2025. – URL: <https://ruchina.org/economy/made-in-china.html> (дата обращения: 07.08.2025).

10. Синология.Ру: история и культура Китая. – URL: <http://www.synologia.ru> (дата обращения: 31.05.2024).

11. Си Цзиньпин. Доклад на XIX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая. 2017, 18 октября. – URL: <http://ukros.ru/wp-content/uploads/2017/11/1.pdf> (дата обращения: 13.12.2023).

12. Си Цзиньпин. Доклад на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая. 2022. 16 октября. – URL: [russian.cgtn.com>event/doc/ruSJlsd23-20221025.pdf](http://russian.cgtn.com/event/doc/ruSJlsd23-20221025.pdf) (дата обращения : 13.12.2023).

13. Совместное формирование новых партнерских отношений сотрудничества и взаимного выигрыша, создание Сообщества единой судьбы человечества – Выступление председателя КНР Си Цзиньпина в ходе дебатов на 70-й Генассамблее ООН. – URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2015-11/02/content_36956721_2.htm (дата обращения: 17.04.2025).

б) на английском языке:

14. 3 Body Problem. User reviews // IMDb. 2024–2025. – URL: https://www.imdb.com/title/tt13016388/reviews/?featured=rw9863032&ref_=tt_ururv_genai_c_5 (дата обращения: 08.06.2025).

15. Full Text of Xi Jinping keynote at the World Economic Forum. CGTN. –

URL: <https://america.cgtn.com/2017/01/17/full-text-of-xi-jinping-keynote-at-the-world-economic-forum> (дата обращения: 08.08.2025).

16. Hartley, J. 'Pathetic earthlings! Who can save you now?' Science fiction, planetary crisis and the globalisation of Chinese culture. *Global Media and China*. – 2022. – № 7. – P. 3–23. – URL: <https://doi.org/10.1177/20594364211067872> (дата обращения: 07.06.2025).

17. Hiraishinnojutsu. A fine adaptation of the book // IMDb. 2023, 16 February. – URL: https://www.imdb.com/title/tt20242042/review/rw8875023/?ref_=tturv (дата обращения: 07.06.2025).

18. Ioniacob. Compared to the Netflix version, this is the best // IMDb. 2024, 2 April. – URL: https://www.imdb.com/title/tt20242042/review/rw9715224/?ref_=tturv_25 (дата обращения: 07.06.2025).

19. Jwe1-484-530258. Simply awesome // IMDb, Sep 27, 2024. – URL: https://www.imdb.com/title/tt13016388/review/rw10034703/?ref_=tturv_25 (дата обращения: 08.06.2025).

20. Kylesykrebs. Mediocre Body Problem // IMDb. 2024, 22 April. – URL: https://www.imdb.com/title/tt13016388/review/rw9749962/?ref_=tturv_4 (дата обращения: 08.06.2025).

21. Rebecca, Davis. Tencent's First 'Three-Body Problem' Trailer Sparks Rivalry with Netflix's Adaptation // *Variety*. 2021, 9 November. – URL: <https://variety.com/2021/tv/news/three-body-problem-first-trailer-tencent-netflix-1235108546/> (дата обращения: 08.06.2025).

22. Statistical Report on Internet Development in China / China Internet Network Information Center (CNNIC), September 2020. – URL: <https://www.cnnic.com.cn/IDR/ReportDownloads/202012/P020201201530023411644.pdf> (дата обращения: 13.12.2023).

23. The 47th Statistical Report on China's Internet Development / China Internet Network Information Center (CNNIC), February 2021. – URL:

<https://www.cnnic.com.cn/IDR/ReportDownloads/202104/P020210420557302172744.pdf> (дата обращения: 13.12.2023).

24. The 48th Statistical Report on China's Internet Development / China Internet Network Information Center (CNNIC). 2021. – URL: <https://www.cnnic.com.cn/IDR/ReportDownloads/202111/P020211119394556095096.pdf> (дата обращения : 13.12.2023).

25. White, Peter. David Benioff & D.B. Weiss Set Sci-Fi Drama 'The Three-Body Problem' As First Major Netflix Series; Alexander Woo, Rian Johnson, Rosamund Pike To EP // Deadline Hollywood. 2020, 1 September. – URL: <https://deadline.com/2020/09/david-benioff-d-b-weiss-three-body-problem-netflix-1203028218/> (дата обращения: 08.06.2025).

в) на китайском языке:

26. 牢记历史经验历史教训历史警示 为国家治理能力现代化提供有益借鉴, 人民网, 2014年10月14日. [Си Цзиньпин. Вспоминая исторический опыт, уроки и предостережения для модернизации национального управления // Жэньминь Жибао. – 2014. – 14 октября. – на кит. яз.]. – URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2014/1014/c87228-25826757.html> (дата обращения: 14.12.2023).

27. 中共中央文献研究室编《习近平关于协调推进“四个全面”战略布局论述摘编》. 北京: 中央文献出版社, 2015. 84 页. [Выдержки из трудов Си Цзиньпина о координации и продвижении стратегического плана «Четыре всеобъемлющих принципа» / Бюро по исследованию литературы ЦК КПК. – Пекин : Центральное литературное издательство, 2015. – 84 с. – на кит. яз].

28. 中共中央宣传部组织编著《习近平总书记系列重要讲话读本（2016年版）》. 北京: 中央文献出版社, 2016: 201-203. [Серия важных речей Генерального секретаря Си Цзиньпина (издание 2016 г.). – Пекин : Центральное литературное издательство, 2016. – С. 201–203. – на кит. яз.]

29. 习近平.《中国共产党第十九次全国代表大会报告摘编》, 北京:外

文出版社, 2018年.: 23. [Си Цзиньпин. Выдержки из доклада XIX Национального съезда Коммунистической партии Китая. – Пекин : Издательство на иностранном языке, 2018. – С. 23. – на кит. яз.]

30. 邓小平文选》第3卷〔M〕, 北京:人民出版社, 1993年10月1日: 193–274. [Дэн Сяопин. Избранные труды Дэн Сяопина. – Пекин: Народное издательство, 1993. – С. 193–274. – на кит. яз.]

31. 傅凯华: 推动中华优秀传统文化创造性转化创新性发展.光明日报, 2021年11月25日. [Фу Кайхуа. Содействие творческому преобразованию и инновационному развитию выдающейся традиционной культуры Китая // Жэньминь Жибао. – 2021. – 25 ноября. – на кит. яз.]. – URL: http://www.qstheory.cn/qshyjx/2021-11/25/c_1128098271.htm# (дата обращения: 14.12.2023).

32. 历史时刻！高明官宣GDP过千亿，佛山五区均入千亿方阵，南方报业传媒集团南方+客户端，2023年1月9日. [Исторический момент! Официальный представитель Гаомина заявил, что ВВП превышает 100 миллиардов, а площадь пяти районов Фошаня составляет 100 миллиардов квадратных метров // Южная газета медиагруппы «Юг». – 2023. – 01 сентября. – на кит. яз.]. – URL: https://gov.sohu.com/a/627409670_100116740 (дата обращения: 20.12.2023).

33. 《佛山日报》，2020年5月21日. [Лю Янг: Предварительное изучение темы «Производство в Фошане + цифровая экономика» для повышения нового энергетического уровня города // Фошань Дейли. – 2020. – 21 мая. – на кит. яз.]. – URL: https://sino-german.foshan.gov.cn/xwzx/gdgc/content/post_4357012.html (дата обращения: 20.12.2023).

34. 刘增，劳子浩：高明工业企业掀起“技改热”，《佛山日报》，2022年6月28日. [Лю Цзэн, Ло Цзыхао. Промышленные предприятия Гаомина спровоцировали «лихорадку технологических реформ» // Фошань Дейли. –

2022. – 28 июня. – на кит. яз.]. – URL: https://www.gaoming.gov.cn/zwgk/jrgm/content/post_4383286.html (дата обращения: 22.12.2023).

35. 刘增：全力建设现代化“三新”城市，《佛山日报》，2021年6月24日. [Лю Янь: Тотальные усилия по строительству современных «трех новых» городов // Фошань Дейли. – 2021. – 24 июня. – на кит. яз.]. – URL: https://www.gaoming.gov.cn/zwgk/jrgm/content/post_4383286.html (дата обращения: 22.12.2023)

36. 王小石：如果中国陷入动乱，只会比苏联更糟,新华社，2013年8月1日. [Ван Сяоши. Если Китай погрузится в хаос, это будет хуже, чем Советский Союз // Агентство новостей Синьхуа. – 2013. – 1 августа. – на кит. яз.]. – URL: <http://opinion.people.com.cn/n/2013/0801/c1003-22406106.html> (дата обращения: 14.12.2023).

37. 姚洋：中国式现代化，观察者网2013年12月10日，2020年8月18日. [Яо Ян. Модернизация в китайском стиле // Гуаньча. – 2013. – 10 декабря. – на кит. яз.]. – URL: https://www.guancha.cn/YaoYang/2013_12_10_191547_s.shtml (дата обращения: 14.12.2023).

38. 叶能军，尹辅华:顺德高明向低效用地说“不”推进土地高质量利用，搜狐转自《南方日报》，2019年1月4日. [Е Нэнцзюнь, Инь Фухуа: Шунде Гаомин говорит «нет» неэффективному землепользованию, чтобы способствовать качественному землепользованию // Южный ежедневник. – 2019. – 04 января. – на кит. яз.]. – URL: https://www.sohu.com/a/286566611_118671 (дата обращения: 20.12.2023).

39. 拥抱智能制造

创建数字工厂，高明人民政府网转自《佛山日报》，2021年4月15日.

[Использование интеллектуального производства для создания цифровой фабрики // Фошань Дейли. – 2021. – 15 апреля. – на кит. яз.]. – URL: https://www.gaoming.gov.cn/zwgk/jrgm/content/post_4763560.html (дата обращения: 20.12.2023).

40. 中国智博会“第四届工业互联网和智能制造高峰论坛”/中移物联网有限公司副总经理何瑞以《5G+IoT注智赋能工业互联》为主题发表演讲，知乎，2021年8月24日。[IV саммит по промышленному Интернету и интеллектуальному производству China Smart Expo / Хэ Жуй, заместитель генерального директора «China Mobile Internet of Things Co., Ltd.» выступил с речью на тему «Внедрение интеллектуальных данных 5G + IoT для обеспечения промышленной взаимосвязи» // Чжиху. – 2021. – 24 августа. – на кит. яз.]. – URL: https://www.zhihu.com/column/c_1242112284832714752 (дата обращения: 19.12.2023).

41. 高明大力推动工业互联网发展，佛山市高明区政府网转自《佛山日报》，2020年6月16日。[Высоко развитая поддержка промышленного интернета, сеть местного самоуправления города Фошань // Фошань Дейли. – 2020. – 16 июня. – на кит. яз.]. – URL: https://www.gaoming.gov.cn/zwgk/jrgm/content/post_4383286.html (дата обращения: 22.12.2023).

42. 高明区区长梁耀辉：以强大自信推动高明腾飞/高明两会,南方+, 2019年2月28日。[Лян Яохуэй, губернатор округа Гаомин: «Мы с большой уверенностью способствуем росту компании «Гаомин» // Gaoming Two Sessions. – 2019. – 28 февраля. – на кит. яз.]. – URL: <https://m.163.com/dy/article/E94S966M055004XG.html> (дата обращения: 21.12.2023).

43. 何志勇：高明东西部大协作按下“加速键”，《佛山日报》，2023年10月26日。[Хэ Чжиен: Гаоминское сотрудничество Востока и Запада нажимает «кнопку ускорения» // Фошань Дейли. – 2023. – 26 октября. – на кит. яз.]. – URL: https://www.gaoming.gov.cn/zwgk/jrgm/content/post_4383286.html (дата обращения: 22.12.2023).

44. 当代数字化转型的痛点与解决方式，傲林科技。[Болевые точки и решения современной цифровой трансформации. – на кит. яз.]. – URL: <https://www.allintechinc.com/h-nd-66.html> (дата обращения: 17.12.2023).

45. 许晓青. 张艺谋执导《三体》电影! 国产科幻影视精品浪潮来袭? // 新华网, 19.06.2024. [Сюй Сяоцин. Чжан Имоу снимает «Задачу трёх тел»! Это начало волны высококачественных китайских научно-фантастических фильмов? // Синьхуанет. – 2024. – 19 июня. – на кит. яз.]. – URL: <http://www.news.cn/ent/20240619/5467b99196b1496ba206a4e0bf7e509c/c.html> (дата обращения: 08.06.2025).

46. 中华人民共和国国民经济和社会发展规划和第八个五年规划纲要 [Госсовет КНР. Десятилетний план развития народного хозяйства и 8-я пятилетка (1991–1995). – Пекин : Издательство народной литературы, 1991. – на кит. яз.]

47. 中华人民共和国国民经济和社会发展规划“九五”计划和2010年远景目标纲要 [Госсовет КНР. 9-я пятилетка и перспективы до 2010 года. – Пекин : Издательство народной литературы, 1996. – на кит. яз.]

48. 中华人民共和国国民经济和社会发展规划第十个五年计划纲要 [Госсовет КНР. 10-я пятилетняя программа (2001–2005). – Пекин : Издательство народной литературы, 2001. – на кит. яз.]

49. 中华人民共和国国民经济和社会发展规划第十一个五年计划纲要 [Госсовет КНР. 11-я пятилетняя программа (2006–2010). – Пекин: Издательство народной литературы, 2006. – на кит. яз.]

50. 中华人民共和国国民经济和社会发展规划第十四个五年规划和2035年远景目标纲, 2021.03.13, 新华社. [План XIV Пятилетнего плана национального экономического и социального развития Китайской Народной Республики и программа целей видения до 2035 года // Информационное агентство Синьхуа. – 2021. – 13 марта. – на кит. яз.]. – URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm (дата обращения : 14.12.2023).

51. 文化和旅游部关于推动数字文化产业高质量发展的意见. 文旅产业〔2020〕78号 [Заключение Министерства культуры и туризма о содействии качественному развитию цифровой культурной индустрии. Развитие индустрии культурного туризма. Министерство культуры и туризма. – 2020. –

№ 78. – на кит. яз.]. – URL: <https://www.waizi.org.cn/law/95034.html> (дата обращения: 13.12.2023).

52. 文化科技蓝皮书：文化科技创新发展报告 [Синяя книга по культурным технологиям: отчет о развитии инноваций в области культурных технологий. – на кит. яз]. – URL : <https://wenku.so.com/d/d34c410c3eb4fd9991a91098a88b15ff> (дата обращения: 13.12.2023).

53. 新一代人工智能创新发展行动计划(2022~2025年) [План действий по внедрению инноваций и разработке искусственного интеллекта нового поколения (2022–2025 годы). – на кит. яз.]. – URL : https://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm#:~:text (дата обращения: 13.12.2023).

54. 2022年全国科技经费投入统计公报（国家统计局 科学技术部 财政部2023.09.18） [Национальный статистический бюллетень по инвестициям в науку и технологии за 2022 год / Национальное бюро статистики, Министерство науки и технологий, Министерство финансов. – 2023. – 18 сентября. – на кит. яз.]. – URL: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202309/t20230918_1942920.html (дата обращения: 12.12.2023)

55. 2022年国民经济和社会开展统计公报(国家统计局 28.02.2023) [Статистическое коммюнике о национальном экономическом и социальном развитии в 2022 году / Национальное бюро статистики. – 2023. – 28 февраля. – на кит. яз.]. – URL: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202302/t20230228_1919011.html?eqid=aa0f162f00127ce5000000004642e28fd: (дата обращения: 12.12.2023).

56. 2020 T-EDGE | 傲林科技董事长、IEEE院士刘震：软件行业的时代机遇, 钛媒体, 2020年12月18日. [2020 T-EDGE. Лю Чжэнь, председатель Aolin Technology и академик IEEE: Возможности в индустрии программного обеспечения // Titanium Media. – 2020. – 18 дек. – на кит. яз.]. – URL :

<https://www.tmtpost.com/nictation/4899565.html>. (дата обращения: 18.12.2023).

57. 中华人民共和国国民经济和社会发展第十二个五年规划纲要, 2011. 105页. [Концепция 12-го пятилетнего плана национального экономического и социального развития Китайской Народной Республики. – Пекин : Издательство народной литературы, 2011. – 105 с. – на кит. яз.]

58. 国家文化产业振兴规划, 2014. 8页. [Национальный план возрождения культурной индустрии. – Пекин, 2014. – 8 с. – на кит. яз.]

59. 关于促进文化和旅游融合发展的意见, 2018. [Мнения о содействии комплексному развитию культуры и туризма. – Пекин, 2018. – на кит. яз.]

60. 中华人民共和国国民经济和社会发展第十三个五年规划纲要, 2016. 153页. [Общая схема 13-го пятилетнего плана национального экономического и социального развития Китайской Народной Республики. – Пекин, 2016. – 153 с. – на кит. яз.]

61. 中华人民共和国国民经济和社会发展第十四个五年规划和2035年远景目标纲要, 2021. 142页. [Общая схема 14-го пятилетнего плана национального экономического и социального развития Китайской Народной Республики и долгосрочные цели на 2035. – Пекин, 2021. – 142 с. – на кит. яз.]

62. 国家信息化发展战略纲要, 2016. 32页. [Концепция Национальной стратегии развития информатизации. – Пекин, 2016. – на кит. яз.]

63. 数字中国建设整体布局规划, 2023. [Генеральный план строительства цифрового Китая. – Пекин, 2023. – на кит. яз.]

64. 浙江省数字经济促进条例, 2020. 25页. [Положения о содействии развитию цифровой экономики провинции Чжэцзян. – Ханчжоу, 2020. – 25 с. – на кит. яз.]

65. 广东省数字经济发展规划, 2021–2025. 69页. [План развития цифровой экономики провинции Гуандун на 2021–2025 годы. – Гуанчжоу, 2021. – 69 с. – на кит. яз.]

66. 数字乡村发展战略纲要, 2019. [Концепция стратегии цифрового

развития сельских районов. – Пекин, 2019. – на кит. яз.]

67. 关于促进智慧城市健康发展的指导意见, 2014. [Руководящие мнения по содействию здоровому развитию умных городов. – Пекин, 2014. – на кит. яз.]

68. 新型智慧城市建设指南, 2021. 68页. [Руководство по строительству новых умных городов. – Пекин, 2021. – 68 с. – на кит. яз.]

69. 教育信息化2.0行动计划, 2018. 10页. [План действий по информатизации образования 2.0. – Пекин, 2018. – 10 с. – на кит. яз.]

70. 中国数字经济发展白皮书 20页. [Белая книга о развитии цифровой экономики Китая. Пекин, 2020. – 20 с. – на кит. яз.]

71. 中国现代化报告2009: 文化现代化研究 / 中国现代化战略研究课题组. 北京大学出版社, 2009年1月版, 437 页. – [Отчет о модернизации Китая 2009: исследование культурной модернизации / Исследовательская группа по стратегии модернизации Китая. – Пекин: Изд-во Пекинского университета, 2009. – 437 с. – на кит. яз.]

Научная литература:

а) на русском языке:

72. Абрамова, Э. Г. Поль Отле – архитектор «общества знания» // Вестник Луганского государственного университета имени Владимира Даля. – 2021. – № 3. – С. 34–38.

73. Ахиезер, А. С. Научно-техническая революция и некоторые социальные проблемы производства и управления. – М. : Наука, 1974. – 309 с.

74. Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Т. 1 : От прошлого к будущему. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 1998. – 804 с.

75. Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта

(социокультурная динамика России). Т. 2 : Теория и методология. Словарь. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 1998. – 600 с.

76. Ахиезер, А. С. Социально-культурные проблемы развития России. – М. : Ин-т науч. информации по обществ. наукам РАН, 1992. – 82 с.

77. Бакуменко, Г. В. Эпистемологический фронт в культуре научной коммуникации после Пола Фейерабенда // Философская мысль. – 2024. – № 11. – С. 1–11.

78. Бакуменко, Г. В. Ценностная динамика символов успеха: на материале статистики кинопроката. – М. : ООО «Сам Полиграфист», 2021. – 276 с.

79. Бакуменко, Г. В. Процесс символизации успеха как принцип пространственно-средовой ориентации элементов социокультурных систем // Политика и общество. – 2015. – № 7. – С. 964–977.

80. Бакуменко, Г. В., Бакланов, И. С., Бакланова, О.А. Нейрометафора пользовательского интерфейса Уильяма Гибсона // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. – 2025. – Т. 7. – № 2. – С. 275–305.

81. Бакуменко, Г. В., Лугинина, А. Г., Бакланова, О. А. Эсхатология сингулярности: «Deus ex machina» в построении кинообразов будущего // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. – 2024. – Т. 6. – № 3. – С. 119–167.

82. Бакуменко, Г. В., Лугинина, А. Г. Виртуализация социокультурного фронта «Tertius Romaе» // Журнал фронтальных исследований. – 2022. – Т. 7. – № 1. – С. 265–293.

83. Бальчиндоржиева, О. Б. Модернизация китайского общества: социально-философский анализ : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11. – Улан-Удэ, 2015. – 376 с.

84. Барт, Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.: трактаты, статьи, эссе. – М. : МГУ. 1987. – С. 387–422.

85. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. – М. : Academia, 2004. – 783 с.

86. Богданов, А. А. Культурные задачи нашего времени. – М.: Издание С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1911. – 94 с.
87. Богданов, А. А. О пролетарской культуре: 1904–1924. – М.: Издательское товарищество «Книга», 1924. – 344 с.
88. Бокарева, О. Б. Генезис гуманитарных наук у М. Фуко, понятие «эпистемы» и программа археологии знания // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. – № 2–2. – С. 6–10. – DOI : 10.24411/2500-1000-2019-10561.
89. Борисов, Б. П. Город будущего как материализованный «художественный образ» // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : сб. науч. ст. по итогам VIII междунар. науч. форума. – М. : Институт Наследия, 2023. – С. 259–274.
90. Борисов, Б. П. Культурное наследие – основание этнической памяти и гражданской идентичности // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : сб. науч. ст. по итогам междунар. науч. форума. – М. : Институт Наследия, 2021. – С. 41–48.
91. Букатая, М. В. Аксиологические основания взаимодействия традиций и новаций в культуре Китая : дис. ... канд. культурологии : 24.00.01. – Барнаул, 2010. – 184 с.
92. Ван Вэй. Некоторые вопросы социально политического курса «Китайская мечта о великом возрождении китайской нации» // Власть. – 2018. – Т. 26. – № 7. – С. 237–243. – DOI : 10.31171/vlast.v26i7.5983.
93. Ван Цзясюй. Особенности теории политической модернизации современного Китая : дис. ... канд. полит. наук : 5.5.1. – М., 2024. – 193 с.
94. Вебер, М. Хозяйственная этика мировых религий: Опыты сравнительной социологии религии. Конфуцианство и даосизм. – СПб. : Владимир Даль, 2017. – 446 с.
95. Вернадский, В. И. Научная мысль как планетное явление. // Философские мысли натуралиста / отв. ред. А. Л. Яншин. – М. : Наука, 1988. – 520 с.

96. Вернадский, В. И. Несколько слов о ноосфере // Успехи современной биологии. – 1944. – №. 18. – Вып. 2. – С. 113–120.
97. Вернадский, В. И. Научная мысль как планетное явление / отв. ред. А. Л. Яншин. – М. : Наука, 1991. – 93 с.
98. Вольская, Н. С. Семиотика древнегреческого мифа // Вопросы философии. – 1972. – № 4. – С. 115–126.
99. Гамурзиева, Д. А. Социальная политика в цифровом обществе (на примере Республики Ингушетия) // Государство, право, политика и экономика в условиях цифровой трансформации : сб. докл. I всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых, аспирантов и студентов (Ростов-на-Дону, 16 марта 2022 г.). – Ростов Н/Д : Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2022. – С. 107–112.
100. Гао Цин. Лян Шумин и Ху Ши о китайской и западной культуре: философские дискуссии в 1920–1930 гг. // Общество : философия, история, культура. – 2025. – № 3. – С. 85–91.
101. Горлова, И. И., Зиновьева, Н. Б. Медиаактивность в социальных сетях как показатель успешности государственного управления в сфере культуры регионов // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2023. – № 5. – С. 41–52.
102. Городские миры России и Китая: модернизация и ее влияние / М. К. Горшков, Ли Пэйлинь, М. П. Козырева, М. Ф. Черныш [и др.]. – М. : Новый хронограф, 2023. – 720 с. – DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-415-4.2023.
103. Горшенев, К. К. Россия и Китай: перспективы взаимодействия культур : дис. ... канд. культурологии : 24.00.01. – Майкоп, 2019. – 191 с.
104. Гриценко, В. П., Бакуменко, Г. В. В поисках национальной идеи: беседа с профессором Василием Гриценко // Наследие веков. – 2024. – № 1. – С. 126–138.
105. Гриценко, В. П. Культура как знаково-семиотическая система : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.01. – М., 2000. – 338 с.
106. Гриценко, В. П. Метанарратив и современные знания //

Инновационные процессы в информационно-коммуникационной сфере : сб. матер. всерос. науч.-практ. конфер. (Краснодар, 19 марта 2021 г.). – Краснодар : Краснодарский гос. ин-т культуры, 2021. – С. 12–15.

107. Гриценко, В. П. Социальная семиотика. – Екатеринбург : Ин-т международных связей, 2006. – 243 с.

108. Гриценко, В. П. Социокультурные коды и механизмы культурной трансляции // Наука. Искусство. Культура. – 2014. – № 3. – С. 5–17.

109. Данильченко, Т. Ю., Синь Юйфэн, Ши Цюн. Китай: к проблеме трансформации культурного кода // Культурная жизнь Юга России. – 2023. – № 2. – С. 35–41. – DOI : 10.24412/2070-075X-2023-2-35-41.

110. Данильченко, Т. Ю. Лакуны в мыслительных стратегиях Запада и Востока // Культурная жизнь Юга России. – 2009. – № 5. – С. 21–24.

111. Данильченко, Т. Ю. Текст, перевод и лакуны религиозного сознания // Образование и наука в высшей школе: современные тренды : матер. междунар. науч.-практ. конфер., посвященной 50-летию Краснодарского государственного института культуры. – Краснодар: Краснодарский государственный институт культуры, 2016. – С. 118–122.

112. Делез, Ж. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения / Жиль Делез, Феликс Гваттари ; [пер. с фр. Д. Кралечкина]. – Екатеринбург : У-Фактория, 2007. – 672 с.

113. Денисов, И. Е. Китайская стратегий «больших данных»: реформа управления, инновации и глобальная конкуренция. – М. : Изд-во «МГИМО-Университет», 2023. – 28 с.

114. Деревянко А. П. Новые археологические открытия на Алтае и проблема формирования Homo sapiens = Recent discoveries in the Altai: issues on the evolution of Homo sapiens: лекция памяти профессора Х. Мовиуса, прочитанная в Гарвардском университете / отв. ред. М. В. Шуньков ; Российская акад. наук, Сибирское отд-ние, Ин-т археологии и этнографии. – Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии, 2012. – 130, [1] с.

115. Деррида, Ж. Эссе об имени. – СПб. : Алетейя, 1998. – 190 с.

116. Деррида, Ж. Поля философии. – М. : Академический проект, 2012. – 376 с.
117. Дубинин, Н. П. Что такое человек. – М. : Мысль, 1983. – 334 с.
118. Дунцзянь Цзяо. Народные традиции Китая в ситуации модернизации общества : дис. ... канд. культурологии : 24.00.01. – М., 2001. – 161 с.
119. Духовная культура Китая : энциклопедия : В 6 т. М. : Вост. лит-ра, 2006–2010. – Т. 1. – 727 с.; Т. 2. – 869 с.; Т. 3. – 855 с.; Т. 4. – 953 с.; Т. 5. – 1087 с.; Т. 6. – 1031 с.
120. Жданов, Ю. А., Давидович В. Е. Сущность культуры. – Ростов н/Д : Наука-пресс, 2005. – 428 с.
121. Захарова, Е. Ю., Гомбоева, М. И., Сунь Мэйцзы. Влияние идей основателя даосизма Лао Цзы на культурную модернизацию Китая // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. : Познание. 2023. – № 8. – С. 19–23. DOI : 10.37882/2500-3682.2023.08.08.
122. Зуенко, И. Ю. Китай в эпоху Си Цзиньпина. – М. : Издательство АСТ, 2024. – 304 с.
123. Иванов, Вяч. Вс. Границы семиотики: вопросы к предварительному обсуждению // Современная семиотика и гуманитарные науки. Антология. – М. : Языки славянских культур, 2010. – С. 31–51.
124. Иванова, М. Е. Языковые аспекты информационных революций // Манускрипт. – 2019. – Т. 12. – № 7. – С. 115–119.
125. Каган, М. С. Человеческая деятельность (опыт системного анализа). – М. : Политиздат, 1974. – 328 с.
126. Казачек, Н. А., Захарова, Е. Ю. Социальные риски цифровой экономики // Гуманитарный вектор. – 2020. – Т. 15. – № 4. – С. 33–45. – DOI : 10.21209/1996-7853-2020-15-4-33-45.
127. Калашников, Д. Б., Митрофанова, И. Б. Региональное развитие Китая на этапе подготовки перехода к постиндустриализации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2023. – Т. 16. –

№ 1. – С. 128–146. – DOI :10.31249/kgt/2023.01.07.

128. Кант, И. Критика способности суждения // Собрание сочинений : В 6-ти. – М. : Мысль, 1966. – Т. 5. – С. 203–459.

129. Карабыков, А. В. Что значит изречение Хайдеггера «Язык есть дом бытия»? // Филологический ежегодник. Вып. 9–10. – Омск : Омский гос. ун-т. 2010. – С. 73–77.

130. Кассирер, Э. Избранное: Индивид и космос. – М.; СПб. : Университетская книга, 2000. – 653 с.

131. Киселев, В. А. Ху Ши о культурах Востока и Запада и будущем мировой философии // Вестник РУДН. Сер. : Философия. – 2015. – № 4. – С. 176–185.

132. Киссинджер, Г. О. Китае. – М. : АСТ, 2014. – 635 с.

133. Китайская цивилизация в глобализирующемся мире : В 2-х т. – М. : Ин-т мировой экономики и международных отношений РАН, 2014. – Т. 1. – 203 с.; Т. 2. – 190 с.

134. Китайский новаторский марксизм. Исследование по рационализации международного экономического порядка / гл. ред. Чэн Эньфу и Сунь Шаоюн. – М. : Родина, 2023. – 400 с.

135. Кобзев, А. И. Философия китайского неоконфуцианства. – М.: Вост. лит-ра, 2002. – 605 с.

136. Ковалев, С. М., Абрамова Н. А. Интерпретация содержания новейшей идеологии КНР «Китайская мечта» в исторической ретроспективе // Россия и Китай: Проблемы стратегического взаимодействия. Вып. 20 : сб. Восточного центра. – Чита : Забайкальский гос. ун-т. 2017. – С. 56–60.

137. Коновалова, Ю. А. «Новая нормальность» и модель «Двойной циркуляции» по-китайски: к вопросу о «современном этапе» развития мирового хозяйства // Вестник РУДН. Сер.: Экономика. – 2023. – № 1. – С. 7–29.

138. Коноплий, А. С. Влияние цифровизации на законодательство Китая // Философия права. – 2021. – № 4. – С. 119–123.

139. Кошкарлова, Н. Н., Мукушев, И. О. Образ России в китайских СМИ // Политическая лингвистика. – 2021. – № 3. С. 87–100. – DOI : 10.26170/1999-2629_2021_03_08.
140. Кучинская, Т. Н. Китайская модель мягкой силы: современные трансформации // Дискурс-Пи. – 2017. – № 2. – С. 103–109.
141. Кэжоу Ма. Культурные аспекты китаизации марксизма // Вестник Московского университета. Сер. 18 : Социология и политология. – 2023. – Т. 29. – № 3. – С. 209–219. – DOI : 10.24290/1029-3736-2023-29-3-209-219.
142. Лангер, С. Философия в новом ключе. Исследование символики разума, ритуала и искусства. – М. : Республика, 2000. – 287 с.
143. Лань Ся. Социальная динамика межкультурных коммуникаций России и Китая : дис. ... канд. культурологии : 24.00.01. – М., 2010. – 198 с.
144. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М. : Наука, 1982. – С. 86–135.
145. Ли С., Багрова, Н. В. Культурная практика китайской литературной живописи: проблемы наследования в цифровую эпоху // Культура и искусство. – 2025. – № 8. – С. 1–20.
146. Лиотар, Ж. Ф. Состояние постмодерна. – М.: Институт экспериментальной психологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.
147. Ли Чжожу. Китаизация марксизма и новая эпоха. – М.: Родина, 2022. – 438 с.
148. Лобас, В. Ф. Семиотические предпосылки эффективности управления. – Киев : Высшая школа, 1980. – 232 с.
149. Ломанов, А. В. Либерализм и вестернизация в спорах 1930-х годов о будущем китайской культуры // Проблемы Дальнего Востока. – 2014. – № 5. – С. 112–125.
150. Лосев, А. Ф. Бытие. Имя. Космос : сборник. [вступ. ст. А. А. Тахо-Годи, с. 5–30; послесловия В. П. Троицкого, Л. А. Гоготишвили, с. 882–923; комментарии И. И. Маханькова]. – М. : Мысль : Рос. открытый ун-т, 1993. 958 с.

151. Лосев, А. Ф. История античной эстетики : В 8 т. Т. 1.: Ранняя классика. – М.; Харьков : АСТ : Фолио, 2000. – 621 с.
152. Лотман, Ю. М. Семиосфера. – СПб. : Искусство-СПб, 1999. – 703 с.
153. Лотман, Ю. М., Успенский Б. А. О семиотическом механизме культуры // Труды по знаковым системам. Вып. 5. – Тарту : Тартуский гос. ун-т, 1971. – С. 144–166.
154. Лукин, А. В. Концепции «китаизации марксизма», «новой формы человеческой цивилизации» и «государства-цивилизации» в современном китайском идеологическом дискурсе // Российское китаеведение. – 2023. – № 1. – С. 71–99. – DOI : 10.48647/ISSA.2023.68.94.004.
155. Люблинский, В. В., Макушина, Л. В. Социальное государство: проблемы и приоритеты в цифросетевом обществе // Среднерусский вестник общественных наук. – 2019. – Т. 14. – № 4. – С. 108–122. – DOI : 10.22394/2071-2367-2019-14-4-108-122.
156. Маклюэн, М. Галактика Гутенберга : становление человека печатающего / пер. И. О. Тюриной. – М. : Акад. Проект ; Фонд «Мир», 2005. – 495 с.
157. Маклюэн, М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева; закл. ст. М. Вавилова. – М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. – 464 с.
158. Ма Хуатэн, Мэн Чжаоли, Ян Дели, Ван Хуалей. Цифровая трансформация Китая. Опыт преобразования инфраструктуры национальной экономики. – М. : Альпина Паблишер, 2019. – 256 с.
159. Малышева, Г. А. О социально-политических вызовах и рисках цифровизации российского общества // Власть. – 2018. – Т. 26. – № 1. – С. 40–46.
160. Малявин, В. В. Китайская цивилизация. – М. : Апрель; АСТ, 2000. – 632 с.
161. Малиновский, Б. Н. История вычислительной техники в лицах. –

Киев : КИТ, ПТОО «А. С. К.», 1995. – 384 с.

162. Мамаева, Н. Л. Модернизация системы государственного управления КНР как специфическая черта содержания «Новой эпохи» Си Цзиньпина // Исторические события в жизни Китая и современность : матер. науч. конфер. (Москва, 17 апреля 2023 г.). – М. : Ин-т Китая и совр. Азии РАН. 2023. – С. 20–34.

163. Маркарян, Э. С. Избранное. Наука о культуре и императивы эпохи. – М.; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2014. – 656 с.

164. Маркс, К., Энгельс, Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – Т. 3. – С. 7–544.

165. Маркс, К., Энгельс, Ф. К критике политической экономии // Собр. соч. – Изд. 2. – Т. 13. – М.: Политиздат, 1959. – 771 с.

166. Маслов, А. А. Китай 2020: пандемия, экономика и глобальные альтернативы. – М. : Рипол классик, 2020. – 368 с.

167. Маслов, Е. С. Что такое нарратив? – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2020. – 116 с.

168. Маслов, Е. С. Понятие «метанарратив» Ж. Ф. Лиотара в контексте нарратологии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 2: в 2-х ч. – Ч. II. – С. 150–152.

169. Масуда, Ё. Информационное общество как постиндустриальное общество. – М.: АСТ, 1983. – 452 с.

170. Махлуп, Ф. Производство и распространение знаний в США. – М. : Прогресс, 1966. – 462 с.

171. Машлыкин, В. Г. Европейское информационное пространство. – М. : Наука, 2001. – 95 с.

172. Межуев, В. М. Культура как идея // Теоретическая культурология. – М. : Академический Проект; Екатеринбург : Деловая книга, 2005. – С. 120–121.

173. Мердок, Д. П. Фундаментальные характеристики культуры // Антология исследований культуры. Т. 1. – СПб. 1997. – С. 49–57.
174. Монастырская, И. А. Проблема востребованности текста в диалогической концепции Ойгена Розенштока-Хюсси // Культура. Политика. Понимание : матер. II междунар. науч. конф. (Белгород, 24–26 апреля 2014 г.). – Белгород : Эпицентр. 2014. – С. 175–177.
175. Морозова, В. С. Динамика ценностных ориентаций модернизирующегося китайского общества : дис. ... канд. философских наук : 09.00.13. – Чита, 2007. – 149 с.
176. Мэмфорд, Л. Миф машины. Техника и развитие человечества. – М.: Логос, 2001. – 406 с.
177. Мэн Юйфэн. Третий скачок китаизации марксизма : проблемный опыт концептуализации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2021. – № 3. – С. 276–283. – DOI : 10.22394/2079-1690-2021-1-3-276-283.
178. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / под общ. ред. Н. И. Лапина. – М.: Весь Мир, 2011. – 256 с.
179. Ознос, Э. Век амбиций: богатство, истина и вера в новом Китае. – М. : АСТ, 2016. – 528 с.
180. Основные направления и проблемы российского китаеведения / отв. ред. Н. Л. Мамаева. – М.: Памятники исторической мысли, 2014. – 382 с.
181. Отле, П. Трактат о документации // Библиотека, библиография, документация : избранные труды пионера информатики. – М.: ФАИР-ПРЕСС; Пашков дом. 2004. – С. 187–309.
182. Отле, П. Труды по библиотековедению. Руководство для общественных библиотек. Организация умственного труда. Руководство к администрированию : практ. пособ. – М.: Либерия, 2002. – 232 с.
183. Петров, М. К. История европейской культурной традиции и ее проблемы. – М.: РОССПЭН, 2004. – 773 с.
184. Петров, М. К. Самосознание и научное творчество. – Ростов н/Д.:

Изд-во Ростовского ун-та, 1992. – 272 с.

185. Петров, М. К. Человек и культура в научно-технической революции // Вопросы философии. – 1990. – № 5. – С. 72–92.

186. Петров, М. К. Язык и категориальные структуры // Науковедение и история культуры. – Ростов н/Д. : Изд-во Ростовского ун-та, 1973. – С. 58–92.

187. Попов, А. В. Роль четвертой информационной революции в формировании постиндустриального общества // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2012. – № 8. – С. 329–332.

188. Попова, З. Д., Стернин, И. А. Общее языкознание : учеб. Пособие. – М. : АСТ; Восток – Запад, 2007. – 408 с.

189. Распертова, С. Ю. Современные культурные стратегии Китайской Народной Республики в практике международного взаимодействия : дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01. – М., 2011. – 201 с.

190. Режабек, Е. Я. В поисках рациональности. Статьи разных лет. – М. : Академический проект, 2007. – 383 с.

191. Рикер, П. Время и рассказ. Т. 1. : Интрига и исторический рассказ – М.; СПб. : Университетская книга, 1998. – 313 с.

192. Романова, Г. Н. Экономические реформы в Китае, их отличие от реформирования в России // Россия и АТР. – 2008. – № 4. – С. 69–83.

193. Россия и Китай в глобальном мире. Актуальные вопросы межкультурного сотрудничества / И. А. Алешковский, О. Н. Астафьева, Н. О. Бабушок [и др.]. – М. : Дашков и К, 2021. – 298 с. – DOI : 10.29030/978-5-394-04971-2-2021.

194. Рыбак, К. Е. Роль и место общественных музеев в музейной сети. – М. : Институт Наследия, 2021. – 134 с.

195. Синь Юйфэн, Ши Цюн, Гриценко, В. П. Методология исследования традиционной культуры в России // Флагман науки. – 2023. – № 3. – DOI : 10.37539/2949-1991.2023.3.3.007.

196. Синь Юйфэн. Отношение к традиционной культуре в контексте

модернизации: китайский контекст // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Сер.: Исторические науки. Культурология. Политические науки. – 2023. – № 1. – С. 117–121. – DOI : 10.23672/HSCP.2023.36.83.001.

197. Синь Юйфэн, Данильченко, Т. Ю. Политика «мягкой силы»: проблемы и стратегии развития // Историко-культурное наследие России и Китая: вопросы изучения, сохранения и развития : сб. матер. IV междунар. науч.-практ. конф. (Краснодар, 15 мая 2024 г.). – Краснодар : Краснодарский гос. ин-т культуры, 2024. – С. 109–113.

198. Синь Юйфэн. Производство, интеллект и язык интернет-технологий // Экология языка: южнороссийский опыт межкультурной коммуникации : сб. ст. всерос. науч.-практ. конф. (Краснодар, 17 ноября 2023 г.). – Краснодар : Краснодарский гос. ин-т культуры, 2023. – С. 39–46.

199. Синь Юйфэн, Гриценко, В. П. Диджитализация как гуманитарная проблема // Инновационные процессы в информационно-коммуникационной сфере : сб. матер. V всерос. науч.-практ. конф. (Краснодар, 22 марта 2022 г.). – Краснодар: Краснодарский гос. ин-т культуры, 2022. – С. 21–25.

200. Синь Юйфэн. Проблема корректировки языковой картины мира в процессе сетевого взаимодействия и оцифровки // Экология языка: южнороссийский опыт межкультурной коммуникации : сб. ст. всерос. науч.-практ. конф. (Краснодар, 7 декабря 2022 г.). – Краснодар : Краснодарский гос. ин-т культуры. 2022. – С. 44–49.

201. Синь Юйфэн. Культурная интеграция как тренд современной философии / В. П. Гриценко, Синь Юйфэн // Культурная жизнь Юга России. – 2023. – № 2 – С. 65–71. – DOI : 10.24412/2070-075X-2023-2-65-71.

202. Синь Юйфэн. Диджитализация Китая и России: социальный тренд / Синь Юйфэн, В. П. Гриценко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Сер.: Исторические науки. Культурология. Политические науки. – 2022. – № 1. – С. 69–72.

203. Синь Юйфэн. Язык медиа и стратегия культурного доверия в

дискурсе Китая / Синь Юйфэн, В. П. Гриценко // Экология языка: южнороссийский опыт межкультурной коммуникации : сб. ст. всерос. науч.-практ. конф. (Краснодар, 17 ноября 2023 г.). – Краснодар : Краснодарский гос. ин-т культуры, 2023. – С. 13–17.

204. Степанов, Ю.С. Константы: словарь русской культуры. – М. : Акад. проект, 2001. – 990 с.

205. Стёпин, В. С. Цивилизация и культура. – СПб : СПбГУП, 2011. – 408 с.

206. Стёпин, В. С. Культура // Всемирная энциклопедия: Философия. – М. : АСТ; Минск : Харвест, Современный литератор, 2001. – С. 524–526.

207. Столович, Л. Н. Категория прекрасного и общественный идеал: историко-проблемные очерки. – М. : Искусство, 1969. – 352 с.

208. Сун Лэй, Ли Сюй. Международный опыт и уроки адаптации марксизма в Китае // Власть. – 2020. – № 4. – С. 222–226.

209. Тарабарко, К. А. Мягкая сила культуры Китая: концептуальное содержание и практики реализации : дис. ... канд филос. наук : 09.00.13. – Чита, 2017. – 216 с.

210. Титаренко, М. Л. Китай: цивилизация и реформы. – М. : Республика, 1999. – 240 с.

211. Тихвинский, С. Л. Избранные произведения : В 5 кн. – М. : Наука, 2006. – Кн. 1. – 682 с.; Кн. 2. – 390 с.; Кн. 3. – 715 с.; Кн. 4. – 561 с.; Кн. 5. – 451 с.

212. Тодоров, Цв. Теории символа. – М. : Дом интеллектуальной книги, 1998. – 408 с.

213. Тодоров, Цв. Поэтика // Структурализм: «за» и «против». – М. : Прогресс, 1975. – С. 37–113.

214. Топоров В. Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. Том 1 / Предисл. Вяч. Вс. Иванова. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. – Т. 1. – 448 с.

215. Тоффлер, Э. Метаморфозы власти. – М. : АСТ, 2004. – 672 с.

216. Тоффлер, Э. Шок будущего. – М. : АСТ, 2008. – 560 с.
217. Тоффлер, Э. Третья волна, 1980. – М. : АСТ, 2010. – 784 с.
218. Тугаринов, В. П. О ценностях жизни и культуры. – Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1960. – 156 с.
219. Тхагапсоев, Х. Г. Кавказская культура: особенности генезиса и тенденции развития. – СПб. : Астерион, 2008. – 224 с.
220. Уайт, Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX в. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002. – 528 с.
221. Уледов, А. К. Структура общественного сознания: теоретико-социологическое исследование. – М. : Мысль, 1968. – 324 с.
222. Флиер А. Я. Культурология для культурологов. – М. : Академ. проект, 2000. – 496 с.
223. Флиер, А.Я. Культурогенез. – М., 1995. – 128 с.
224. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – СПб. : Талисман, 1994. – С. 41–44.
225. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек. – М. : АСТ, 2007. – 588 с.
226. Ханаху, Р. А. Традиционная культура Северного Кавказа : вызовы времени (социально-философский анализ). 2-е изд., перераб. и доп. – Ростов н/Д : Аякс, 2001. – 190 с.
227. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева. Ю. Новикова. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603, [5] с.
228. Хань Чжэнь, Чжан Вэйвэнь. Система китайских ценностей / Китайская академия общественных наук / пер. с кит. яз. под рук. В. Г. Бурова. – М. : Издательство «Весь Мир», 2020. – 464 с.
229. Ху Аньган. «Новая нормальность» Китая : Почему китайская экономика все еще на правильном пути // Россия в глобальной политике. – 2015. – № 3. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/novaya-normalnost-kitaya/> (дата обращения: 08.08.2025).

230. Хузиятова, Н. К. Становление и развитие модернизма в современной китайской литературе // Вестник ЧелГУ. – 2008. – № 36. – С. 143–147.
231. Ху Яньли. Специфика глобализационных процессов в культуре Китая : дис. ... канд. культурологии : 24.00.01. – Владивосток, 2016. – 232 с.
232. Ху Яньли. Китайская опера как нематериальное культурное наследие Китая // Общество: философия, история, культура. – 2015. – № 4. – С. 25–31.
233. Хункай Чжан. Традиционные ценности духовной жизни современной молодежи России и Китая : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13. – СПб., 2007. – 161 с.
234. Цзи Юешэн. Внешняя культурная политика Китайской Народной Республики в условиях глобализации : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04. – М., 2017. – 203 с.
235. Цзя Хуэйминь. Традиционная китайская культура в период реформ и открытости: 1980–2010 гг. : дис. ... канд. культурологии : 24.00.01. – Владивосток, 2017. – 303 с.
236. Ци Минянь. Становление ценностной парадигмы образования в социокультурном пространстве современного Китая : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13. – Чита, 2011. – 140 с.
237. Цуй Цзявэнь. Культурно-цивилизационная идентичность России и Китая в современном мире: семантические основания и репрезентация : дис. ... канд. культурологии : 24.00.01. – М., 2021. – 185 с.
238. Цырендоржиева, Д. Ш., Бальчиндоржиева, О. Б. Китаизация марксизма и модернизация Китая // Известия Томского политехнического университета. – 2013. – Т. 323. – № 6. – С. 261–265.
239. Чжан Сянго. Модернизационные процессы в современном Китае: социальные аспекты : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04. – СПб., 1999. – 151 с.
240. Чжан Яньцю. Китаизация марксизма в современном Китае //

Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2023. – № 73. – С. 240–253. DOI : 10.17223/1998863X/73/20.

241. Чжан Чжифен. Экономические реформы в Китае: их особенности, механизмы, факторы успеха // Вестник Томского государственного университета. – 2003. – №4. – С. 104–118.

242. Чжу Цзюньси. Конфуцианская философия музыки в пространстве культуры глобализма // Человек и культура. – 2025. – № 1. – С. 13–27.

243. Чэнь Лилун. Цифровизация как способ сохранения культурного наследия в Китае и России: опыт сравнительного анализа : дис. ... канд. культурологии : 5.10.1. – Краснодар, 2024. – 186 с.

244. Ши Цюн, Данильченко, Т. Ю., Гангур, Н. А. Что такое китайская мечта // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 10. – С. 87–93. – DOI : 10.23672/i3105-4147-4684-h.

245. Шумпетер, Й. А. Теория экономического развития = Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung : Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung ; Капитализм, социализм и демократия / пер. с нем.: В. С. Автономов, М. С. Любский, А. Ю. Чепуренко ; пер. с англ.: В. С. Автономов и др. – М. : Эксмо, 2007. – 861 с.

246. Эфендиев, Ф. С. Этнокультура и национальное самосознание. – Нальчик : Эль-Фа, 1999. – 303 с.

247. Юань Мэнмэн. Вызовы и возможности китайской традиционной культуры в эпоху цифровизации // Культурологические чтения – 2020. Культурный код в эпоху глобализации: цифровизация общества и образования : сб. матер. Всерос. (с междунар. участ.) науч.-практ. конфер. (Екатеринбург, 10–14 марта 2020 г.). – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та. 2020. – С. 151–156.

248. Якобсон Р.О. Взгляд на развитие семиотики // Язык и бессознательное. – М. : Гнозис, 1996. – С. 193–230.

249. Якобсон, Р. О. Работы по поэтике. М. : Прогресс, 1987. 461 с. Ян

Пэнтао, Калинина, Г. Н. Аксиология китайской культуры одежды и «модной индустрии» в парадигме «традиция – новаторство» (авторская рефлексия) // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. : Философские науки. – 2021. – № 1. – С. 102–110. – DOI : 10.18384/2310-7227-2021-1-102-110.

250. Янь Шуфан. Культурные индустрии как механизм реализации ценностных идей китайской культуры : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13. – Чита, 2011. – 147 с.

б) на английском и других европейских языках:

251. Altvater, E. Ecological and economic modalities of time and space // Capitalism Nature Socialism. – 1989. – Vol. 1. – № 3. – P. 59–70.

252. Altvater, E. The future of the market : an essay on the regulation of money and nature after the collapse of “actually existing socialism”. – London : Verso, 1993. – Vol. I. – 274 p.

253. Bakumenko, G. V., Biryukov, I. L., Scherbak, N. F., Luginina, A. G. Hierarchical Metamodel of Communication in the Experience of Resacralization of Spiritual Practics // Galactica Media: Journal of Media Studies. – 2023. – T. 5. – No 2. – С. 15–45.

254. Barthes, R. Introduction to the Structural Analysis of Narratives // Image, Music, Text. – London : Harper Collins Publishers, 1987. – P. 79–124.

255. Baudrillard, J. Le système des objets. – Paris : Gallimard (Collection Tel), 1991. – 288 p.

256. Bell, D. The cultural contradictions of capitalism. – N.Y.: Basic Books, 1996. – 399 p.

257. Blount, P. J. Reprogramming the World: Cyberspace and the Geography of Global Order. – Bristol : E-International Relations, 2019. – 216 p.

258. Carr, D. Narrative and the Real World: an Argument for Continuity // History and Theory. – 1986. – Vol. 25. – No 2. – P. 117–131.

259. Craig, R. T. Communication Theory as a Field // Communication

Theory. – 1999. – Vol. 9. – No. 2. – P. 119–161.

260. Duff, A. S. *Information Society Studies*. – London : Psychology Press, 2000. – 204 p.

261. Eco, U. *From the Tree to the Labyrinth. Historical Studies on the Sign and Interpretation*. – Cambridge : Harvard University Press, 2014. – 634 p.

262. Eco, U. *Semiotica e filosofia del linguaggio*. – Torino: Einaudi, 1984. – 318 p.

263. Engelbart, D. C. *Augmenting Human Intellect : A Conceptual Framework*. – Routledge, 2023. – URL: <https://www.taylorfrancis.com/chapters/oa-edit/10.4324/9781003230762-3/augmenting-human-intellect-douglas-engelbart> (дата обращения: 01.08.2025).

264. Fukuyama, F. *The End of History and the Last Man*. – N. Y. : Free Press, 2006. – 464 p.

265. Fukuzawa, Yukichi. *An Outline of a Theory of Civilization / Translated by David A. Dilworth and G. Cameron Hurst III; Introduction by Takenori Inoki; Reprint of Edition Published in 2008 by Keio University Press, Tokyo*. – N. Y. : Columbia University Press, 2009. – 278 p.

266. Genette, G. *Narrative Discourse: An Essay in Method*. – Ithaca; N. Y. : Cornell University Press, 1980. – 285 p.

267. Grinin, L. E., Grinin, A. L., Korotayev, A. *Forthcoming Kondratieff wave, Cybernetic Revolution, and global ageing // Technological Forecasting and Social Change*. – 2017. – Vol. 115. – P. 52–68.

268. Hall, E. T. *Beyond Culture*. – N. Y. : Anchor Books, 1977. – 320 p.

269. Hall, E. T. *The Silent Language*. – N. Y. : Doubleday and Co, 1959. – 240 p.

270. Harvey, D. *Social Justice and the City*. – Athens : University of Georgia Press, 2009. 368 p.

271. Harvey, D. *The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change*. – Chichester : Wiley-Blackwell, 1991. – 392 p.

272. *Hierarchical Metamodel of Communication in the Experience of*

Resacralization of Spiritual Practices // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. – 2023. – Т. 5. – № 2. – С. 15–45.

273. Huntington, S. P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. – N. Y. : Simon & Schuster, 2011. – 368 p.

274. Jakobson, R. *Language in Literature* / eds. K. Pomorska, S. Rudy. – Cambridge, M.A. : Harvard University Press, 1987. – 548 p.

275. Konagaya, Y. Umesao, Tadao (1920–2010) // *The International Encyclopedia of Anthropology*. Wiley. 2018. – URL: <https://doi.org/10.1002/9781118924396.wbiea1345> (дата обращения: 15.06.2025).

276. Korotayev, A. The 21st Century Singularity and its Big History Implications: A re-analysis // *Journal of Big History*. – 2018. – Vol. 2. – Is. 3. – P. 73–119.

277. Kurzweil, R. *The Singularity Is Near: When Humans Transcend Biology*. – N. Y. : Viking Press, 2005. – 672 p.

278. Lakoff, G., Johnsen, M. *Metaphors We Live By*. – Chicago: The University of Chicago Press, 1980. – 308 p.

279. Lyotard, J. F. *The Differend: Phrases in Dispute*. – Manchester: Manchester University Press, 1988. – 208 p.

280. Latour, B. *Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers through Society*. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1987. – 274 p.

281. Latour, B. *Ecological Mutation and Christian Cosmology Critical Zones : A lecture for the International Congress of the European Society for Catholic Theology (Osnabrück, August 2021)* // Bruno Latour. 2011–2024. – URL: <http://www.bruno-latour.fr/sites/default/files/181-plus-Vicherat-150ans.pdf> (дата обращения: 15.08.2024).

282. Marx, K. *Grundrisse: Foundations of the Critique of Political Economy*. – London : Penguin, 1993. – 912 p.

283. Massey, D. *Space, Place, and Gender*. – Minneapolis : University of Minnesota Press, 1994. – 288 p.

284. Masuda, Y. *Managing in the information Society: Releasing synergy*

Japanese style. – Cambridge, MA : Basil Blackwell, 1990. – 168 p.

285. Mazzucato, M. The Value of Everything: Making and Taking in the Global Economy. – London : Public Affairs, 2018. – 384 p.

286. McLuhan, M. Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man. – Toronto : University of Toronto Press, 1962. – 293 p.

287. McLuhan, M. The Mechanical Bride: Folklore of Industrial Man. – N. Y. ; Toronto : The Vanguard Press, 1951. – 157 p.

288. McLuhan, M. Understanding Media: The Extensions of Man. – N. Y. ; Toronto : McGraw Hill, 1964. – 318 p.

289. Moore, G. E. Cramming more components onto integrated circuits, Reprinted from Electronics. – 2006. – Vol. 11. – No 3. – P. 33–35.

290. Otlet, P. Traité de documentation : le livre sur le livre, théorie et pratique. – Bruxelles : Editiones Mundaneum, 1934. – 452 p.

291. Pearson, Ch. The Semiotic Paradigm View of Theoretical Semiotics // International Handbook of Semiotics. – Toronto : Ontario Institute for Studies in Education University of Toronto, 2015. – P. 135–181.

292. Ricoeur, P. Time and Narrative. Vol. 1–3. Chicago, 1984–1988.

293. Rohrer, T. Even the interface is for sale: Metaphors, visual blends and the hidden ideology of the internet // Current Issues in Linguistic Theory. – 2001. – Vol. 205. – P. 189–214.

294. Rohrer, T. Metaphors, Visual Blends and the Ideology of Information Technology // HERMES – Journal of Language and Communication in Business. – 2017. – Vol. 13. – Is. 24. – P. 131–159.

295. The Science and Politics of Landing on Earth / Eds. B. Latour, P. Weibel. – Cambridge : MIT Press, 2020. – 560 p.

296. Toffler, R. A. The Future as a Way of Life // Horizon magazine. – 1965. – Vol. 7. – No 3. – P. 108–117.

в) на китайском языке:

297. 李宗桂. 传统与现代之间:中国文化现代化的哲学省思. 北京师范

大学出版社, 2011年 545页. [Ли Цзунгуй. Между традицией и современностью: философские размышления о модернизации культуры Китая. – Пекин : Изд-во Пекинского педагогического университета, 2011. – 545 с. – на кит. яз.]

298. 刘梦溪. 中国文化的张力: 传统解故 / 刘梦溪. (М) 中信出版社, 2016年12月第1版, 464页. [Лью Мэньси. Напряженность китайской культуры: переосмысление традиций. – Пекин : Цзуньсин, 2016. – 464 с. – на кит. яз.]

299. 朱晓虹. 文化批判理论视阈下的中国传统文化现代意义研究 朱晓虹. – 浙江大学出版社, 2023年第1版, 231页. [Чжу Сяохун. Исследование современного значения традиционной китайской культуры с точки зрения теории культурной критики. – Ханчжоу : Изд-во Чжэцзянского университета, 2023. – 231 с. – на кит. яз.]

300. 韩庆祥. 中国式现代化的哲学逻辑. 湖北教育出版社, 2024年8月第1版, 248页. [Хань Цинсян. Корни и душа: китайская модернизация и культурная субъективность. – Пекин: Изд-во Китайского университета Жэньминь, 2024. – 248 с. – на кит. яз.]

301. 刘学斌. 试论中华优秀传统文化转化、创新的逻辑进程. 刘学斌 // 福建师范大学学报 (哲学社会科学版). 2022. 年第 4 期: 118–126. [Лю Сюэбин. О логическом процессе трансформации и инноваций превосходной традиционной культуры Китая // Журнал Фуцзяньского педагогического университета (издание по философии и социальным наукам). – 2022. – № 4. – С. 118–126. – на кит. яз.] – DOI: 10.12046/j.issn.1000-5285.2022.04.012.

302. 王正中. 元叙述的叙述功能. 温州大学学报社会科学版. 2012. 第25卷第6期: 44–49. [Ван Чжэнчжун. Повествовательная функция метанарратива // Журнал Вэньчжоуского университета (социальные науки). – 2012. – Т. 25. – № 6. – С. 44–49. – на кит. яз.]

303. 王德峰. 音乐形而上学与现代性批判[J]. 哲学研究, 2015(3): 45–52.

[Ван Дэфэн. Музыкальная метафизика и критика современности // Философские исследования. – 2015. – № 3. – С. 45–52. – на кит. яз.]

304. 杜维明. 儒家思想新论[M]. 南京：江苏人民出版社. 2001. 180页.

[Ду Вэймин. Новая интерпретация конфуцианской мысли. – Нанкин: Издательство «Народное издательство Цзянсу», 2001. – 180 с. – на кит. яз.]

305. 罗艺峰. 中国音乐思想史五讲[M]. 上海：上海音乐出版社. 2014.

359页. [Ло Ифэн. Пять лекций по истории китайской музыкальной философии. – Шанхай : Шанхайское музыкальное издательство, 2014. – 359 с. – на кит. яз.]

306. 李泽厚. 华夏美学[M]. 台湾：三民书局出版社, 1997. 232页. [Ли

Цзэхоу. Эстетика китайской цивилизации. – Тайвань : Sanmin Bookstore, 1997. – 232 с. – на кит. яз.]

307. 刘承华. 儒家音乐美学现代性转换的路径与困境[J]. 中国音乐学,

2018(2): 89–96. [Лю Чэнхуа. Пути и трудности модернизационной трансформации конфуцианской музыкальной эстетики // Китайское музыкознание. – 2018. – № 2. – С. 89–96. – на кит. яз.]

308. 项阳. 礼俗之间：中国音乐文化史研究[M]. 上海：上海音乐出版

社, 2020: 52–71. [Сян Ян. Между ритуалом и обычаем: Исследования истории китайской музыкальной культуры. – Шанхай : Шанхайское музыкальное издательство, 2020. – С. 52–71. – на кит. яз.]

309. 谢秋菊. 浅论“和”在中西方古代音乐美学思想中的异同[J]. 音乐时

空, 2013, (05): 78–79. [Се Цюцзю. Краткий анализ различий и сходств понятия «гармония» в древнекитайской и западной музыкальной эстетике // Музыкальное время и пространство. – 2013. – № 5. – С. 78–79. – на кит. яз.]

310. 方东美. 中国人生哲学. [M]. 台北, 1980. 264页. [Фан Дунмэй.

Философия китайской жизни. – Тайбэй, 1980. – 264 с. – на кит. яз.]

311. 黄翔鹏. 中国人的音乐和音乐学[M]. 济南：山东文艺出版社, 1997. 276页. [Хуан Сянпэн. Музыка и музыкознание китайского народа. – Цзинань : Издательство литературы и искусства провинции Шаньдун, 1997. – 276 с. – на кит. яз.]
312. 蔡仲德. 音乐与文化的人本主义思考[M].广州：广州人民出版社, 2003. 362页. [Цай Чжундэ. Гуманистическое осмысление музыки и культуры. Гуанчжоу : Народное издательство Гуанчжоу, 2003. 362с. – на кит. яз.]
313. 周宪. 文化表征与文化研究 [M]. 北京：北京大学出版社, 2017. 370页. [Чжоу Сянь. Культурная репрезентация и культурные исследования. – Пекин : Издательство Пекинского университета, 2017. – 370 с. – на кит. яз.]
314. 石惠敏. 浅谈中国传统音乐与西方音乐美学思想的异同[J].黄河之声, 2015, (12): 101. [Ши Хуэйминь. Различия и сходства китайской традиционной музыки и западной музыкальной эстетики // Голос Хуанхэ. – 2015. – № 12. – С. 101. – на кит. яз.]
315. 邵汉明,刘辉,王永平.儒家哲学智慧 [M]. 长春：吉林人民出版社,2005. 328页. [Шiao Ханьминь, Лю Хуэй, Ван Юнпин. Мудрость конфуцианской философии. – Чанчунь : Народное издательство Цзилинь, 2005. – 328 с.– на кит. яз.]
316. 唐珍.京剧翻译中的异化和归化 [J]. 安徽工业大学学报(社会科学版). 2015. № 5: 60–61. [Тан Чжэнь. Отчуждение и натурализация при переводе Пекинской оперы // Журнал Аньхойского технологического университета (издание в области социальных наук). – 2015. – № 5. – С. 60–61. – на кит. яз.]
317. 胡适 . 编辑后记[A] . 《独立评论》第142号[A] . 胡适文集：第11卷[M] . 北京：北京大学出版社, 1998 . 第833页. [Ху Ши. Собрание сочинений. – Пекин, 1998. – Т. 11. – 833 с. – на кит. яз.]

318. 陈来著《传统与现代:人文主义的视界》，北京:三联书店，2009年: 39. [Чэнь Янь. Традиция и современность: видение гуманизма. – Пекин : Книжное издательство «Саньлянь», 2009. – С. 39. – на кит. яз.]

319. 刘挚成：中华传统文化视阈下再论“问题”与“主义”之争— 基于五四新文化运动[J]，《唐山师范学院学报》. 2020, 42 (04) : 96–100. [Лю Чжичэн. Дебаты между «вопросом» и «доктриной» в контексте китайской традиционной культуры (по материалам «Нового культурного движения» Четвертого мая) // Журнал Таншаньского педагогического университета. – 2020. – Т. 42. – № 4. – С. 96–100. – на кит. яз.]

320. 李卓，刘少鹏，闫晓静：有为政府与活力社会：数字社会治理的理论逻辑与实践路径，[J]《河海大学学报(哲学社会科学版)》，2024

(03) : 38–51. [Ли Чжо, Лю Шаопэн, Янь Сяоцзин. Перспективное правительство и динамичное общество: теоретическая логика и практический путь управления цифровым обществом // Журнал Университета Хохай. Издание по философии и социальным наукам. – 2024. – № 3. – С. 38–51. – на кит. яз.]

321. 费孝通：反思•对话•文化自觉，《北京大学学报（哲学社会科学版）》. 1997 (03) : 15–22. [Фэй Сяотун. Отражение, диалог и культурное самосознание // Журнал Пекинского университета. Издание по философии и социальным наукам. – 1997. – № 3. – С. 15–22. – на кит. яз.]

322. 福泽谕吉 著，北京编译社：《文明理论导论，北京：商业北京；商务印书馆，2014: 153. [Фукудзава Юдзи. Введение в теорию цивилизации. – Пекин : Коммерческий Пекин; Коммерческая пресса, 2014. – 153 с. – на кит. яз.]

323. 洪坚,刘时衡,袁名敦:社会信息化进程与人类文明进步〔J〕,《大

学图书馆学报》，1999（03）：[Хун Цзянь, Лю Шихэн, Юань Минтун. Процесс социальной информатизации и прогресс человеческой цивилизации // Журнал университетской библиотеки. – 1999. – № 3. – С. 13–14. – на кит. яз.]

324. 胡适：中国今日的文化冲突，《胡适全集 第36卷》，合肥：安徽教育出版社，2003年9月1日。383 页。[Ху Ши. Культурный конфликт в современном Китае // Полное собрание сочинений Ху Ши. – Хэфэй：Аньхойское образовательное издательство, 2003. – Т. 36. – 383 с. – на кит. яз.]

325. 李凤亮，古珍晶：新时代中华优秀传统文化现代化转换的价值、路径及原则[J]，东岳论丛. 2020, 41（11）：111–118. [Ли Фэнлянь, Гу Чжэньцзин. Ценность, путь и принципы модернизации и преобразования превосходной традиционной культуры Китая в новую эпоху // Теория Дунъюэ. – 2020. – Т. 41. – № 11. – С. 111–118. – на кит. яз.]

326. 李宁：论凯末尔世俗化改革的文化向度及其当代启示[J]，《西华师范大学学报：哲学社会科学版》. 2018（01）：89–94. [Ли Нин. О культурной направленности секуляризационной реформы Кемаля и ее современном воплощении // Журнал Западно-Китайского педагогического университета. Издание по философии и социальным наукам. – 2018. – № 1. – С. 89–94. – на кит. яз.]

327. 裴立媛：马克思主义中国化对传统文化现代化的指导向度，《才智》. 2020（03）：12. [Пэй Лиюань. Направление марксистской модернизации традиционной культуры в Китае // Таланты. – 2020. – № 3. – С. 12. – на кит. яз.]

328. 邵逸非：马克思主义哲学中国化与中国传统文化现代化的双向互动关系[J]，《汉字文化》. 2020（16）：179–180. [Шяо Ифэй. Двустороннее взаимодействие между китаизацией марксистской философии и

модернизацией традиционной китайской культуры // Культура китайских иероглифов. – 2020. – № 16. – С. 179–180. – на кит. яз]

329. 孙劲松, 闫丽娟: 苏联解体前放弃意识形态主导的教训[J], 《科学社会主义》. 2020 (05): 148–153. [Сунь Цзиньсун, Янь Лицзюань. Уроки отказа от идеологического господства перед распадом Советского Союза // Научный социализм. – 2020. – № 5. – С. 148–153. – на кит. яз.]

330. 王贵喜: 信息文明社会与人的思维方式变化, 《哈尔滨市党校杂志》, 2002 (05): 41–43. [Ван Гуйси. Общество информационной цивилизации и изменение человеческого мышления // Журнал Харбинской муниципальной партийной школы. – 2002. – Т 5. – № 42. – С. 41–43. – на кит. яз.]

331. 乌杰主编《马克思主义的系统思想》, 出版社: 人民出版社, 1991年6月: 228. [Систематическая идея марксизма / главный редактор У Цзе. – Пекин: Народное издательство, 1991. – 228 с. – на кит. яз.]

332. 杨文祥: 论信息文明与信息时代人的素质—兼论信息、创新的哲学本质, 《河北大学学报(哲学与社会科学版)》, 2001 (01): 57–63. [Ян Вэньсян. Об информационной цивилизации и качестве человека в информационную эпоху // Журнал Хэбэйского университета. Издание по философии и социальным наукам. – 2001. – № 1. – С. 57–63. – на кит. яз.]

333. 余暖娜: 马克思主义中国化与中国传统文化契合相关性分析[J], 《知识文库》2020 (13): 184–186. [Ю Нуанна. Анализ взаимосвязи между китаизацией марксизма и традиционной китайской культурой // Библиотека знаний. – 2020. – № 13. – С. 184–186. – на кит. яз.]

334. 张青松: 信息文明建设的哲学思考〔J〕, 《理论探讨》, 1997 (04): 48–51. [Чжан Цинсун. Философские размышления о построении

информационной цивилизации // Теоретическая дискуссия. – 1997. – № 4. – С. 48–51. – на кит. яз.]

335. 朱光亚, 江峻任 : 从西学东渐到儒学复兴:马克思主义中国化视域中的儒学现代化问题[J], 北京科技大学学报 (社会科学版) 》. 2020. 36 (02): 89–96. [Чжу Гуаня, Цзян Цзюньжэнь. От западного обучения к возрождению конфуцианства: модернизация конфуцианства в контексте марксизма в Китае // Журнал Пекинского университета науки и технологии. Издание по общественным наукам. – 2020. – Т. 36. – № 2. – С. 89–96. – на кит. яз.]

336. 杨秀莲:试论人的文化存在方式,《学术交流》. 2011 (11) :1–4. [Ян Сюлянь. Экспериментальная дискуссия о культурном существовании людей // Академический обмен. – 2011. – № 11. – С. 1–4. – на кит. яз.]

337. 于利 ; 马克思主义中国化与中国传统文化互动融合研究[J],《经济研究导刊》. 2020 (19): 3–4. [Ю Ли. Исследование взаимодействия и интеграции китаизации марксизма и традиционной китайской культуры. // Журнал экономических исследований. – 2020. – № 19. – С. 3–4. – на кит. яз.]

338. 贺麟 : 儒家思想的新开展[M], 《文化与生活》. 北京 : 商务印书馆. 2015年10月: 3-5. [Хэ Линь. Новое развитие конфуцианства. Культура и жизнь. – Пекин : Коммерческая пресса, 2015. –С. 3–5. – на кит. яз.]

339. 李双套 : 传统文化现代化 : 何谓、为何与何为 ? [J], 《社会科学文摘》, 2020 (01) : 8–10. [Ли Шуантуо. Модернизация традиционной культуры: что это такое, зачем и в чем она заключается? // Дайджест социальных наук. – 2020. – № 1. – С. 8–10. – на кит. яз.]

340. 单霁翔. 从“功能城市”走向“文化城市. 天津大学出版社, 2007年6月第1版, 278页. [Шань Цзисян. От «функционального города» к

«культурному городу». – Тяньцзинь : Изд-во Тяньцзиньского университета, 2007. – 278 с. – на кит. яз.]

341. 牛世山. 基于GIS、VR技术的考古对象的数据采集、复原和展示 [J]. 南方文物, 2015, № 3: 189–191+198. [Ню Шишань. Сбор данных, восстановление и демонстрация археологических объектов на основе геоинформационных технологий ГИС и технологий виртуальной реальности // Южные артефакты. 2015. № 3. С. 189–191. – на кит. яз.]

342. 杨政安. 基于大数据技术的沉浸式虚拟现实可视化展示系统研究 [J]. 信息系统工程, 2023, № 8: 12–15. [Ян Чжэнань. Исследование иммерсионной системы визуального отображения виртуальной реальности на основе технологии больших данных // Инженерия информационных систем. – 2023. – № 8. – С. 12–15. – на кит. яз.]

343. 徐锦宁. 文物数字化在新媒体下的展示与传播价值--以《每日故宫》App为例[J]. 美与时代(上), 2021, № 2: 79–81. [Сюй Цзиньнин. Выставочные и коммуникативные возможности оцифровки культурных реликвий в новых средствах массовой информации: на примере приложения Ежедневник «Запретного города» // Эпоха и эстетика. – 2021. – № 2. – С. 79–81. – на кит. яз.]

344. 马晓悦, 孙铭菲, 陈强. 沉浸式技术体验如何影响数字文化接受意愿--基于自我分类调节作用的实证研究[J]. 西安交通大学学报(社会科学版), 2021, Т. 41, № 5: 144–154. [Ма Сяюэ, Сунь Минфэй, Чэнь Цян. Как иммерсивный технологический опыт влияет на готовность к принятию цифровой культуры: эмпирическое исследование, основанное на роли самоопределения и регулирования // Журнал Сианьского университета Цзяотун: Социальные науки. – 2021. – Т. 41. – № 5. – С. 144–154. – на кит. яз.]

345. 邢武, 肖元. 数字非物质文化遗产博物馆互动动画设计研究[J]. 艺术与表演, 2023, Т. 4, № 3. [Гэн Ву, Сяо Юань. Исследование интерактивного анимационного дизайна нематериального культурного наследия цифрового

музея // Записки об искусстве и перформансах. – 2023. – Т. 4. – № 3. – на кит. яз.]

346. 库尔班·哈德尔. 数字图书馆中的书画文物数据库建设与管理[J]. 中关村, 2024, № 6: 104–105. [Курбан Хадер. Создание и управление базой данных каллиграфических и живописных культурных реликвий в цифровой библиотеке // Чонгуансун. – 2024. – № 6. – С. 104–105. – на кит. яз.]

347. 芝亭. 文心一言, “利刃出鞘”生成式AI时代[J]. 华东科技, 2023, № 3: 12–13. [Чжи Тин. Комплекс Вэньсинь: прорыв в генеративную эпоху искусственного интеллекта // Восточно-Китайская наука и техника. – 2023. – № 3. – С. 12–13. – на кит. яз.]

348. 邹广文. 中国当代语境下的文化矛盾与文化走向. 首都师范大学出版社, 2019. 406 页. [Цзоу Гуанвэнь. Культурные противоречия и культурные тенденции в современном Китае. – Capital Normal University Press, 2019. – 406 с. – на кит. яз.]

349. 冯天瑜. 中华文化生态论纲. 长江文艺出版社, 2021. 426 页. [Фэн Тяньюй. Очерк китайской культурной экологии. – Пекин: Издательство «Литература и искусство Чанцзян», 2021. – 426 с. – на кит. яз.]

350. 杨生平. 全球化视野下中国文化发展研究 [M]. 首都师范大学出版社, 2013. 299 页. [Ян Шэнпин. Исследование развития китайской культуры в перспективе глобализации. – Пекин: Изд-во столичного ун-та, 2013. – 299 с. – на кит. яз.]

351. 甘健侯. 少数民族服饰图像数字化技术及应用. 科学出版社, 2025年3月第1版, 265 页. [Гань Цзяньхоу. Технологии оцифровки и применение изображений костюмов этнических меньшинств. – Пекин: Научное издательство, 2025. – 265 с. – на кит. яз.]

352. 王宏昌. 非物质文化遗产的数字化传播研究. 天津人民出版社, 2025年6月第1版, 268 页. [Ван Хунчан. Исследование цифровой коммуникации нематериального культурного наследия. – Тяньцзинь:

Тяньцзиньское народное изд-во, 2025. – 268 с. – на кит. яз.]

353. 高书生. 文化数字化：关键词与路线图. [М]. 北京联合出版公司, 2022年5月, 142 页. [Гао Шушэн. Культурная цифровизация: ключевые слова и дорожная карта. – Пекин : Пекинская объединенная издательская компания, 2022. – 142 с. – на кит. яз.]

354. 宋洋洋. 中国文化科技融合战略发展研究报告：文化和科技融合有效机制的探索与创新. 中国人民大学出版社, 2025年2月. 224 页. [Сун Янъян. Исследовательский отчёт о стратегическом развитии интеграции культуры и технологий в Китае: исследование и внедрение эффективных механизмов интеграции культуры и технологий. – Пекин : Изд-во Китайского университета «Жэньминь», 2025. – 224 с. – на кит. яз.]

355. 杨明辉. 当代中国新观察 (М) 江苏大学出版社, 2011年8月第1版, 256页. [Ян Минхуэй. Новые наблюдения о современном Китае. – Чжэньцзян: Изд-во университета Цзянсу, 2011. – 256 с. – на кит. яз.]